

ТРУДЫ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ.

Съ портретами гр. А. С. и П. С. Уваровыхъ.

Выпускъ I.

МОСКВА.

1911.

Фото П. Павлова.

Генрих Фредерік Гвард

Справочник и обработка

Bewerr

Оглавлениe I вып. XXIII т. „Древностей“.

	Стр.
1. Повѣстка на засѣданіе 29 декабря 1909 г.	1
2. 29 декабря 1909 г. (съ портретомъ гр. А. С. Уварова)	3
3. Кн. Н. С. Щербатовъ. Графъ Алексѣй Сергеевичъ Уваровъ какъ основатель Исторического Музея	7
4. Проф. Д. Н. Анучинъ. Памяти графа А. С. Уварова	12
5. Проф. М. Н. Сперанскій. Графъ Алексѣй Сергеевичъ Уваровъ и его собраніе рукописей	15
6. Н. Н. Ардашевъ. Графъ А. С. Уваровъ какъ теоретикъ археологии	25
7. Н. В. Ненрасовъ. Графъ Алексѣй Сергеевичъ Уваровъ какъ художественный дѣятель	41
8. И. Н. Бороздинъ. Нѣкоторые итоги русскихъ археологическихъ изслѣдований послѣднихъ лѣтъ	51
9. Рѣчи и адресы	67
10. Телеграммы	73
11. Присужденіе медали имени гр. А. С. Уварова и отзывы С. О. Долгова, Ю. В. Готье и В. К. Трутовскаго о рекомендованныхъ сочиненіяхъ	85
12. Присужденіе преміи имени гр. П. С. Уваровой и отзывы Н. В. Никитина, проф. М. Преображенскаго, Ф. Ф. Горностаева и проф. Н. В. Покровскаго о представленной работѣ	99
13. Гр. П. С. Уварова. Насколько исполнены завѣты, завѣщанные графомъ	118
14. 30 апрѣля 1885—1910 гг. (съ портретомъ гр. П. С. Уваровой).	127
15. Высочайшая телеграмма	131
16. Адресса, поднесенные депутатіями	133
17. Адресса, присланые по почтѣ и телеграммы учрежденій .	157
18. Телеграммы и привѣтствія отъ отдѣльныхъ лицъ	186

Императорское Московское Археологическое Общество имѣеть честь просить Васъ, М. Г., пожаловать 29-го сего декабря въ 2^{1/2} ч. дня, въ Христіанскій залъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея, на чрезвычайное засѣданіе Общества и Музея, посвященное памяти незабвенного основателя, первого и пожизненнаго предсѣдателя его графа Алексѣя Сергеевича Уварова, по случаю исполнившагося 25-лѣтія со дня его кончины 29 декабря 1884 года.

ПРОГРАММА ЗАСѢДАНІЯ:

1. Панихида по графу А. С. Уварову.
2. **Кн. Н. С. Щербатовъ.** Графъ А. С. Уваровъ какъ основатель Исторического Музея.
3. Проф. Д. Н. Анучинъ. Памяти гр. А. С. Уварова.
4. Проф. М. Н. Сперанскій. Графъ Алексѣй Сергеевичъ и его собраніе рукописей.
5. Н. Н. Ардашевъ. Гр. А. С. Уваровъ какъ теоретикъ археологіи.
6. Устные и письменные привѣтствія и телеграммы различныхъ лицъ и учрежденій.
7. Объявленіе о присужденіи золотой медали имени гр. А. С. Уварова.
8. Объявленіе о присужденіи преміи гр. П. С. Уваровой за конкурсное сочиненіе на тему о Московскомъ зодчествѣ до XVIII в.
9. Заключительное слово гр. П. С. Уваровой.

29 декабря 1909 года.

29 декабря 1909 г., въ день исполнившагося 25-лѣтія со дня кончины незабвеннаго основателя, первого и пожизненнаго предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, графа Алексія Сергѣевича Уварова, состоялось торжественное засѣданіе Общества и Правленія Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Императора Александра III, каковой Музей также былъ основанъ граffомъ, въ Христіанскомъ залѣ Музея. Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, въ присутствіи многочисленныхъ членовъ Общества и Музея, представителей города Москвы, ея учрежденій, администраціи и дворянства, депутаций, родныхъ покойнаго и стороннихъ посѣтителей.

Передъ началомъ засѣданія, въ вестибюлѣ Музея была отслужена соборне панихида по покойномъ, послѣ чего въ Христіанскомъ залѣ засѣданіе было открыто предсѣдательствующимъ и приступлено было къ выслушанію рѣчей, адресовъ, телеграммъ и постановлений, сдѣланныхъ Московскими Археологическими Обществомъ къ этому дню.

1. Товарищъ предсѣдателя Историческаго Музея князь Н. С. Щербатовъ прочиталъ слѣдующую телеграмму Августѣйшаго предсѣдателя Музея, Е. И. В. Великаго Князя Михаила Александровича:

„Прошу передать всѣмъ собравшимся на сегодняшнемъ засѣданіи, что Я мысленно всѣмъ сердцемъ и молитвою присоединяюсь къ чествованію свѣтлой памяти графа Алексія Сергѣевича Уварова, незабвеннаго труженика и создателя отечественной историко-археологической науки, имя котораго такъ тѣсно и навсегда связано съ нашимъ Музеемъ.

Михаиль“.

2. Московскій городской голова Н. И. Гучковъ произнесъ рѣчъ, въ которой, отъ имени города Москвы, принесъ низкій поклонъ благо-дарственной памяти графа, дѣятельность котораго такъ тѣсно была связана съ Москвой, за обогащеніе имъ столицы такими замѣчательными научными центрами, какъ Историческій Музей и Археологиче-ское Общество, и за его неутомимую ревность въ дѣлѣ сохраненія и защиты священныхъ историческихъ памятниковъ Москвы отъ невѣ-жественныхъ искаженій, разрушеній и уничтоженій.

3. Московскій губернскій предводитель дворянства А. Д. Сама-ринъ произнесъ рѣчъ отъ имени московскаго дворянства ¹⁾.

4. Затѣмъ слѣдовали депутаты съ рѣчами и адресами отъ ¹⁾:

а) Московскаго Губернскаго Земства — съ С. К. Родионовымъ во главѣ.

б) Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ, его спеціаль-ныхъ классовъ, Восточной Комиссіи Общества и Этнографическаго Отдѣленія И. О. Л. Е. А. и Э.—съ проф. В. Ф. Миллеромъ во главѣ.

в) Московскихъ Румянцевскаго и Публичныхъ Музеевъ — съ ди-ректоромъ Музеевъ, проф. И. В. Цвѣтаевымъ во главѣ.

г) Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности — съ предсѣдателемъ проф. А. Е. Грузинскимъ во главѣ.

д) Московской Святѣйшаго Синода конторы — о. протопресв. В. Марковъ.

е) Московскаго Археологическаго Института—совѣтъ Института съ директоромъ А. И. Успенскимъ во главѣ.

ж) Церковно-Археологическаго Отдѣла Общ. Любит. Духовнаго Просвѣщенія—Н. Д. Струковъ, И. Я. Стеллецкій и Ю. В. Арсеньевъ.

з) Тульской Палаты Древностей — предсѣдатель Н. И. Троицкій.

и) Ярославской Архивной Комиссіи — предсѣдатель кн. С. П. Урусовъ.

и) Орловской Архивной Комиссіи — предсѣдатель кн. К. В. Кей-куатовъ.

к) Оренбургской Архивной Комиссіи — предсѣдатель П. А. Не-зnamовъ ¹⁾.

5. Послѣ сего были произнесены съ каѳедры рѣчи, посвященные памяти графа, слѣдующими лицами ²⁾:

а) Кн. Н. С. Щербатовымъ—„Графъ А. С. Уваровъ какъ основа-тель Историческаго Музея“.

б) Проф. Д. Н. Анучинымъ ³⁾—„Памяти графа А. С. Уварова“.

в) Проф. М. Н. Сперанскимъ—„Графъ Алексѣй Сергеевичъ Ува-ровъ и его собраніе рукописей“.

г) Н. Н. Ардашевымъ—„Графъ А. С. Уваровъ какъ теоретикъ ар-хеологии“.

¹⁾ См. приложенія.

²⁾ См. ниже.

³⁾ Былъ представителемъ Императорскаго Общества Любителей Естество-знанія, Антропологіи и Этнографіи и Испытателей природы и XII Съѣзда есте-ствоиспытателей и врачей.

6. По окончаніі рѣчей секретаремъ Общества были доложены телеграммы и письма, полученные къ этому дню отъ различныхъ установлений и лицъ, а именно: отъ Императорской Археологической Комиссіи, Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, Русскаго Археологическаго Института, Харьковскаго Историко-Археологическаго Общества, Новгородскаго Общества Любителей Древности, Московскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества, Киевскаго Отдѣла Императорскаго Военно-Историческаго Общества, Московскаго Общества Любителей Художествъ, Минусинскаго Музея, Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей, Московской Синодальной типографіи, Педагогическаго Музея, Тверской, Рязанской, Ярославской и Витебской Архивныхъ Комиссій, Можайскаго Благотворительного Общества, московскаго губернатора В. Ф. Джунковскаго, попечителя московскаго учебнаго округа А. Жданова, проф. Д. В. Айналова, проф. Д. И. Багалѣя, проф. М. Н. Бережкова, Е. В. Барсова и А. А. Титова, К. В. Болсуновскаго, М. П. Боткина, проф. В. П. Бузескула, А. И. Вахрамѣева, П. П. Вейнеръ („Старые Годы“), проф. Р. Гаусмана, А. А. Гоздаво-Голомбіовскаго, М. И. Забѣлиной, проф. В. С. Иконникова, проф. Д. А. Корсакова, проф. П. А. Лаврова, проф. Н. П. Лихачева, о. Л. Паевскаго, проф. Н. И. Петрова, протоіерея Попова (изъ Брянска), доктора Рябина (с. Мещерское), Н. Ф. Рихтера, проф. Д. Я. Самоквасова, протоіерея Семіона Смирнова, А. И. Стоянова и С. Форфоровскаго ¹⁾.

7. Секретарь Общества В. К. Трутовскій доложилъ о результатахъ первого присужденія золотой медали имени гр. А. С. Уварова, учрежденной Обществомъ въ память 25-лѣтія кончины своего основателя и присуждаемой каждые 3 года, 29 декабря, за лучшее сочиненіе по русской археологіи. Медаль оказалась присужденной проф. В. С. Иконникову за его трудъ „Опытъ русской исторіографії“ т. II. Объявленіе о присужденіи было встрѣчено апплодисментами присутствовавшихъ и проф. Иконникову была отправлена телеграмма слѣдующаго содержанія: „Въ торжественномъ засѣданіи, посвященномъ памяти графа, Вамъ присуждена первая золотая медаль его имени за Вашъ „Опытъ исторіографії“, который является отвѣтомъ на пожеланіе, высказанное графомъ въ 1855 году. Примите же ее какъ дань глубокаго къ вамъ уваженія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Графиня П. С. Уварова“ ²⁾.

8. Секретарь доложилъ результаты конкурса на премію гр. П. С. Уваровой, давшей задачу для сочиненія „Самостоятельное изслѣдованіе московскаго периода древне-русскаго церковнаго зодчества отъ основанія Москвы до конца первой четверти XVIII вѣка“.

Оказалась присужденной лишь половинная премія за сочиненіе подъ девизомъ „Старина“. По вскрытии пакета съ этимъ девизомъ авторомъ сочиненія оказался инженеръ М. В. Красовскій ³⁾.

¹⁾ См. приложенія.

²⁾ Правила присужденія и протоколъ первого присужденія см. ниже.

³⁾ См. въ приложеніи, программа, правила и протоколъ.

Объявленіе имѣн было встрѣчено аплодисментами.

9. Секретарь предъявилъ изданія, выпущенія къ 29 декабря: „Древности“. „Труды Имп. Моск. Археол. Общ.“, т. XXII въ 2 хъ выпускахъ, „Труды Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ“, т. III, богато иллюстрированный, и з т. мелкихъ, частью неизданныхъ трудовъ гр. А. С. Уварова, изданныхъ гр. П. С. Уваровой. Всѣ эти первые экземпляры были поднесены Обществомъ библіотекѣ Исторического Музея.

10. Въ заключеніе графиня П. С. Уварова произнесла рѣчь на тему „Насколько были исполнены за эти 25 лѣтъ Обществомъ завѣты графа“¹⁾.

¹⁾ См. приложенія.

Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ какъ основатель Историческаго Музея.

Кн. Н. С. Щербатова.

Управлениѣ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея съ чувствомъ глубокой благодарности пошло на встрѣчу мысли Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества ознаменовать особымъ торжественнымъ соединеннымъ засѣданіемъ сегодняшній достопамятный день 25-лѣтія кончины незабвенного графа А. С. Уварова, именно здѣсь—въ Музѣѣ, такъ какъ по его мысли создалось самое бытіе Музея и его же неусыпными трудами онъ устроенъ.

Здѣсь, въ этомъ залѣ, которымъ Музей обязанъ ему, предъ изображеніемъ его дорогого облика, съ этимъ ласковымъ вдумчивымъ взоромъ, такъ обаятельно дѣйствовавшимъ при его жизни на всѣхъ многочисленныхъ поклонниковъ его, Музей не можетъ не коснуться части приснопамятной созидательной дѣятельности графа, посвященной имъ Музею.

Вся трудовая жизнь его на нивѣ историко-археологической дѣятельности, вполнѣ естественно, влекла его къ внѣдренію въ русскомъ обществѣ интереса и любви къ нашему отечеству, къ родной исторіи, къ своему искусству, къ развитію самопознанія и русского самосознанія—сімъ великимъ, основнымъ, казалось бы, чувствамъ, но и посейчасъ недостаточно у насъ развитымъ — на эту косность нашу, на этотъ значительный пробѣль въ русскомъ воспитаніи графъ негодовалъ и въ постоянной мысли, какъ побороть этотъ народный грѣхъ передъ своею страной, графъ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости созданія въ Москвѣ всероссійскаго древлехранилища, строго научнаго, но могущаго наглядно и въ общедоступной формѣ представить всю исторію Россіи, и тѣмъ способствовать уясненію развитія нашего отечества въ его бытѣ, государственности, религіи, искусствѣ и прочихъ проявленіяхъ его жизни, знаніе, интересъ и любовь къ которымъ и порождаются сознаніе чести называть себя сыномъ своего отечества, народную гордость и мощь государства.

Всѣ эти чувства, всегда горѣвшія въ графѣ яркимъ свѣточесмъ,

понудили его въ періодъ великихъ реформъ 60-хъ годовъ, не покидая своихъ ученыхъ трудовъ, исполнить свой гражданскій долгъ передъ царемъ и отечествомъ, подобно тому, какъ онъ исполнилъ его и во время Крымской войны, ставъ во главѣ сформированаго имъ Муромскаго ополчения. Теперь онъ принялъ на себя многотрудную обязанность уѣзднаго предводителя дворянства и взялся за введеніе въ Можайскомъ уѣздѣ земскихъ учрежденій. Тутъ, какъ губернскій гласный, онъ впервые поднялъ вопросъ о необходимости улучшить народное образованіе, объ увеличеніи числа училищъ и о замѣнѣ малограмотныхъ учителей хорошо подготовленными учительницами.

Въ числѣ лицъ, увлеченныхъ графомъ идеей образованія кадра учительницъ, находилась и Прасковья Ильинична Чепелевская, рѣшившаяся, на свой страхъ, открыть первую женскую учительскую семинарію, дѣйствующую и понынѣ и давшую лучшій контингентъ земскихъ учительницъ.

Борьба о школѣ, поднятая графомъ въ земствѣ, вызвала цѣлую бурю и затянулась надолго, а за это время общность интересовъ графа и Чепелевской сблизила ихъ семьи, при чемъ графъ познакомился и съ братомъ Прасковы Ильиничны, Николаемъ Ильичемъ Чепелевскимъ.

Въ частыхъ задушевныхъ бесѣдахъ графъ развивалъ здѣсь свои мечты о необходимости созданія Исторического Музея и такъ воспламенилъ своими идеями Николая Ильича, что тотъ, съ разрѣшенія графа, пока послѣдній занять былъ земствомъ, сталъ носиться съ мыслью о Музеѣ и проповѣдывать ее въ разныхъ слояхъ общества и, между другими лицами, сѣм'ю заинтересовать и генераль-адъютанта А. А. Зеленаго, согласившагося стать во главѣ дѣла.

Однако, поспѣшность, съ которой г. Чепелевскій дѣйствовалъ, его неосторожность и малая подготовленность къ рѣшенію научной задачи такой важности, какъ устройство Исторического Музея, принесли этому дѣлу много вреда и причинили графу въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ много горя, разочарованій и утомленія въ лишней упорной борьбѣ. Борьба оказалась необходимой для спасенія дѣла, тѣмъ болѣе, что Музей уже принять былъ подъ высокое покровительство Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича и, чтобы оправдать это высокое довѣріе, графу пришлось напрягать всѣ свои силы, чтобы удержать дѣло Музея на научной почвѣ, съ которой намѣревались уже его сдвинуть неопытныя руки.

Но—одинъ въ полѣ не воинъ: дѣло не ладилось и графу не подъ силу было побороть коренные дефекты, положенные въ основаніе всего дѣла проектомъ г. Чепелевскаго. Хотя вся научная сторона дѣла и была поручена графу, хотя оборудованная графомъ ученая комиссія и работала, не покладая рукъ, но заключенія и указанія ихъ зачастую совершенно игнорировались. Значительнымъ тормазомъ являлось и то, что Музей, по мысли того же Чепелевскаго, былъ учрежденіемъ частнымъ и что онъ долженъ быть быть выстроенъ и оборудованъ исключительно на частныя же средства.

Деньги, однако, за исключеніемъ совершенно незначащей суммы,

не поступали и на дѣлѣ единственнымъ крупнымъ жертвователемъ явилась Московская городская дума, которая въ бытность городскимъ головою Г. Шумахера, движимая патріотическимъ чувствомъ и въ сознаніи, что уваженіе къ древности есть, несомнѣнно, одно изъ проявленій истиннаго просвѣщенія и что Музей, какъ всероссийской памятникъ, будетъ свидѣтельствовать о любви народа русскаго къ своему отечеству и объ уваженіи его къ исторической святынѣ и къ подвигамъ предковъ—16 апрѣля 1874 года постановила пожертвовать подъ Музей лучшее изъ находившихся въ ея распоряженій свободныхъ мѣстъ, нынѣ занимаемое Музеемъ мѣсто на Красной площади.

Залогъ этой земли въ Кредитномъ Обществѣ и доставилъ капиталъ, на который было выстроено вчернѣ зданіе Музея.

Въ 1880 году средства эти изсякли, а долгъ по залогу требовалъ уплаты; платить было нечѣмъ. Положеніе стало безвыходнымъ. Къ несостоительности научной прибавилась несостоительность материальная. Правительству пришло взять Музей въ свои руки.

Письмомъ отъ 31 мая 1881 года министръ финансовъ Н. Х. Бунгэ увѣдомилъ графа, что Государь Императоръ, при разсмотрѣніи условій возможности окончанія устройства Музея, Высочайше повелѣть соизволить:

- 1) Управлениe Музея въ бывшемъ его составѣ упразднить.
- 2) Предсѣдателемъ назначить Е. И. В. Великаго Князя Сергія Александровича, а графа Уварова его товарищемъ предсѣдателя.
- 3) Для окончанія строительныхъ работъ образовать особую строительную комиссию подъ предсѣдательствомъ графа.
- 4) Комиссіи поставить въ обязанность озабочиться окончаніемъ къ 1883 г. работъ въ части зданія на Красной площади.
- 5) Ассигновать въ распоряженіе графа 15.000 руб. для изготовленія въ будущемъ году нѣсколькихъ концѣвъ памятниковъ старины, для размѣщенія ихъ въ тѣхъ залахъ, которыя составятъ начало будущаго Исторического Музея, и 20.000·руб. на первоначальные строительные расходы, впредь до представленія заключенія технической комиссіи о неотложныхъ работахъ.
- 6) Составить новый уставъ для Музея, имѣющаго быть учрежденнымъ правительствомъ, которому Его Величество соизволилъ даровать название: „Императорскій Россійскій Историческій Музей“.

Графъ получилъ зданіе безъ оконъ и дверей и частью безъ крыши. Внутри были также дефекты, которые для пользы дѣла необходимо было капитально исправить, насколько это представлялось возможнымъ.

Принимая въ соображеніе условія, въ которыхъ находилось зданіе, легко представить себѣ, что предстояло совершить графу, чтобы къ маю 1883 года, т.-е. въ два года, завершить зданіе и отдать и открыть 10 залъ Музея; станетъ понятнымъ, какой энергіи, какихъ усилий, какой массы личнаго труда пришлось положить ему, чтобы сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ. Легко сказать — отдать 10 залъ. Отдѣлка эта, въ особенности доисторическихъ залъ, требовала творческой работы, приходилось воскресить, вложить въ эту отдѣлку, такъ сказать,

все искусство доисторического человѣка, надлежало создать нечто цѣльное и совершенно новое. Въ виду краткости времени пришлось единовременно, въ разныхъ мѣстахъ Россіи и заграницей, снимать копіи и слѣпки съ замѣчательнѣйшихъ датированныхъ памятниковъ древности, существовавшихъ занять свои мѣста въ залахъ и, какъ мѣтко выражился графъ, „стать вѣхами“, вокругъ которыхъ постепенно должны были группироваться другіе памятники соотвѣтствующихъ эпохъ. Не мало времени заняла разработка археологического материала сообразно сюжетамъ заказанныхъ граffомъ картинъ. Велись переговоры о предоставлѣніи Музею археологическихъ коллекцій московского университета и о покупкѣ другихъ. Въ то же время граff руководилъ цѣлой серіей раскопокъ, чтобы и посредствомъ ихъ получить недостающія ему древности изъ намѣченныхъ мѣсть. Наконецъ, граff лично разрабатывалъ новый уставъ Музея, самъ составлялъ для предстоящаго изданія памятниковъ описание коллекцій каменного вѣка и христіанскихъ древностей и, для ускоренія дѣла, самъ же держалъ корректуру всей книги, подолгу просиживая за этой работой въ синодальной типографіи. Наконецъ, по привычкѣ входить во всѣ детали, въ его же присутствіи раскрывались, въ холодныхъ складахъ, всѣ приходившія коллекціи и слѣпки.

Благодаря этимъ трудамъ, къ маю 1883 года всѣ начатыя работы были окончены и заполненныя коллекціями залы представляли собой уже научное цѣлое.

27 мая посѣтилъ и осмотрѣлъ Музей Государь Императоръ, и, оставшись вполнѣ удовлетвореннымъ ходомъ дѣла и проводимымъ граffомъ характеромъ устройства Музея, Его Величество благодарилъ его и разрѣшилъ открыть Музей для публики.

Однако, эта кипучая дѣятельность, посильная развѣ человѣку во цвѣтѣ лѣтъ, не прошла для граffa даромъ, силы его надломились и появились первые признаки его болѣзни. А, между тѣмъ, впереди было еще очень много работы. Хотя работы главнымъ образомъ предстояли строительныя и техническія и слѣдовательно выходили изъ непосредственной компетенціи граffa, и онъ могъ бы ихъ предоставить дѣйствовавшей тогда строительной комиссіи, но такъ какъ и эти работы непосредственно соприкасались съ дѣломъ общаго устройства Музея, въ смыслѣ приспособленія всѣхъ деталей зданія къ одной общей цѣли наиболѣшаго размѣщенія и оборудованія всѣхъ отдѣловъ Музея, то граff и не считалъ себя вправѣ относиться къ нимъ безучастно.

Къ сожалѣнію, тутъ не обошлось безъ коллизіи чисто хозяйственныхъ интересовъ съ интересами будущей дѣятельности Музея, какъ ее понималъ граff. Требованіе все подводить подъ урочное положеніе, даже и такія работы, которыя въ бное не укладывались, сдавать художественные работы—даже заказъ картинъ извѣстнымъ художникамъ—съ квадратнаго вершка, зачастую ставили граffу такія препоны, причиняли ему такія непрѣятности, что къ внутренней болѣзни, требовавшей ухода и спокойствія, прибавились моральныя страданія.

Считая себя обязаннымъ довести дѣло до конца, графъ, тѣмъ не менѣе, продолжалъ оставаться на своемъ посту, но силы стали падать, серіозное лѣченіе и продолжительный отдыхъ стали необходимы. Пришлось уѣхать за-границу. Но и тамъ, за-границей, интересъ къ своему любимому дѣтишу не ослабѣлъ, и графъ велъ съ Музеемъ усиленную переписку; эти заботы не покидали его даже тогда, когда онъ, уже совершенно ослабѣвшимъ, вернулся въ Москву. Духъ еще бодрствовалъ, но жизнь угасала съ каждымъ днемъ. 29 декабря 1884 года графа не стало. Прошло съ этого дня четверть вѣка и свѣточъ, возженный граffомъ, не угасъ. Трудный ненормальный періодъ устройства Музея миновалъ. Музей окрѣпъ. Богатства его собраній растутъ съ каждымъ годомъ прогрессивно, и, благодаря вѣрно сознанной граffомъ насущной потребности въ созданіи центрального отечественного древлехранилища, — подъ сѣнь его, на пользу науки, вносятся дары цѣлыми драгоцѣнными собраніями, — Городскія Чертковская и Голицынская библіотеки, Музей П. И. Щукина, библіотеки Бахрушина, Щапова, кн. Барятинскаго, рукопиское собраніе Вахромѣева, архивъ барона Розена, а теперь и все научное и трудовое достояніе И. Е. Забѣлина и много другихъ.

Хотя за недостаточностью личного состава управлениія и средствъ, общественному пользованію доступна только малая часть научныхъ сокровищъ Музея, но, тѣмъ не менѣе, Музей и теперь уже сталъ научнымъ центромъ, — онъ сталъ сокровищницей древняго русскаго творчества, въ которой черпаютъ матеріалы и историки, и художники, и зодчіи, и земства, и театры, и пр.

Въ извѣстныхъ частяхъ нужды Музея и предъявляемыя ему обществомъ требованія даже значительно превзошли ожиданія графа

Читальныи залъ библіотеки спроектированъ граffомъ на 60 человѣкъ; желающихъ же въ немъ заниматься до 300 чел. ежедневно — приходится отказывать. Новый обширный читальныи залъ настоятельно необходимъ. Рукописи графъ полагалъ возможнымъ пріобщить къ библіотекѣ; въ дѣйствительности собраніе ихъ въ Музѣѣ нынѣ столь значительно и богато по содержанію, что образованіе самостоятельнаго отдѣла съ обширнымъ помѣщеніемъ стало неотложнымъ.

Столь же необходимымъ является нынѣ образованіе и особаго помѣщенія для архива.

Нѣтъ, неправы тѣ, что еще такъ недавно высказывали, что Музей выстроенъ на 100 лѣтъ раньше, чѣмъ то слѣдовало, но правъ графъ Алексѣй Сергеевичъ, провидѣвшій то, чemu мы свидѣтелями.

Воистину, какъ сказалъ въ своемъ надгробномъ словѣ при погребеніи графа протопресвитеръ Н. А. Сергіевскій: „Созданіе Историческаго Музея — есть вѣнчальный актъ доброго подвига графа — служенія его исторической наукѣ“.

Памяти графа А. С. Уварова.

Д. Н. Анучина.

Выступая на этой кафедрѣ какъ почитатель и бывшій сотрудникъ графа А. С. Уварова, я являюсь вмѣстѣ съ тѣмъ представителемъ трехъ научныхъ учрежденій: 1) Импера́торскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, 2) Импера́торскаго Общества испытателей природы и 3) Распорядительного Комитета XII Съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей; всѣми этими учрежденіями я уполномоченъ заявить о высокомъуваженіи, которое они питаютъ къ памяти незабвенного графа, къ его крупнымъ и важнымъ заслугамъ въ области русской науки.

Факть столь широко признанныхъ заслугъ дѣлаетъ излишнимъ для меня повтореніе общеизвѣстныхъ данныхъ о научной дѣятельности покойнаго графа. Я позволю себѣ ограничиться только заявлениемъ, что въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ графъ Алексѣй Сергеевичъ былъ центральной личностью въ области русскихъ изученій старины, былъ лицомъ, вокругъ котораго объединялись представители русской археологии, исторіи, отчасти также художники и изслѣдователи искусствъ. Это центральное значеніе графа въ продолженіе извѣстной эпохи нашеаго общественнаго развитія объясняется далеко не однимъ соціальнымъ положеніемъ покойнаго; оно вытекало изъ характера научной, организаторской и просвѣтительной дѣятельности графа, обнимавшей, можно сказать, всѣ виды и способы, въ которыхъ можетъ проявляться мысль и энергія собирателя, организатора и изслѣдователя древностей. Въ самомъ дѣлѣ, въ чёмъ можетъ проявляться плодотворная работа въ области археологіи? Во-первыхъ, въ собираніи древностей, которое можетъ выражаться какъ въ приобрѣтеніи уже добытыхъ остатковъ старины, такъ и въ добываніи ихъ вновь путемъ разысканій и раскопокъ. Въ этомъ отношеніи графъ дѣйствовалъ всю жизнь, начавъ съ собиранія нумизматическихъ коллекцій, книгъ, и продолжая ее приобрѣтеніемъ рукописей, памятниковъ византійского искусства, русскихъ курганныхъ древностей, остатковъ каменного вѣка, кавказскихъ древностей и т. д. При этомъ онъ не только приобрѣталъ многочисленные собранія (например, собраніе рукописей Царскаго), но

и добывалъ ихъ лично, производя раскопки или разыскивая археологическія сокровища въ иностранныхъ музеяхъ. Но недостаточно собирать древности, необходимо еще сохранять ихъ, устраивать, каталогизировать, описывать. Графъ вполнѣ сознавалъ эту необходимость: древности, имъ собранныя и приобрѣтенные, обогатили Румянцевскій и Историческій музеи, образовали музей и библиотеку въ Порѣччи; описанія ихъ вошли въ рядъ каталоговъ музейныхъ собраній; графъ содѣйствовалъ и каталогизаціи другихъ музеевъ, напримѣрь, Тверского музея. Его же трудамъ обязано, наконецъ, устройство Историческаго музея, для которого имъ выработанъ былъ планъ размѣщенія древностей, внутренней отдѣлки залъ и заложены первыя основы археологическихъ его собраній. Такимъ образомъ, графъ Алексѣй Сергеевичъ былъ выдающимся, можно сказать—образцовымъ собирателемъ и устроителемъ древностей.

Но собирание древностей есть, правда,—весыма необходимая и поченная отрасль археологической дѣятельности, однако, не самая главная. Болѣе высокую ступень занимаетъ изслѣдованіе древностей, изученіе и истолкованіе ихъ. Въ этомъ отношеніи заслуги графа обширны и важны; онъ выразились въ рядѣ крупныхъ научныхъ трудовъ и во множествѣ болѣе мелкихъ замѣтокъ. При томъ труды эти не касались только одной специальной области изученій, но, въ соотвѣтствіи съ центральной, объединяющей и направляющей дѣятельностью покойнаго, распространялись, можно сказать, на всѣ отрасли археологической науки. Они захватывали и классическая, и византійская древности, и памятники искусства, и исторію быта; они сосредоточивались наиболѣе на изученіи древностей Россіи; но въ самомъ широкомъ смыслѣ, отъ эпохи каменного вѣка до зодчества и иконописи XVII столѣтія, и отъ территории центральной Россіи до Крыма, Приуралья, Кавказа и другихъ отдаленныхъ окраинъ. Всѣмъ знакомымы съ русской археологической литературой извѣстны крупные труды графа по древностямъ южной Россіи, мерянскимъ курганамъ, каменному вѣку, византійской символикѣ.

Но въ археологии болѣе, можетъ быть, чѣмъ въ какой другой области изученій, важенъ коллективный трудъ собирателей и изслѣдователей; здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, примѣнима поговорка—одинъ въ полѣ не воинъ. Графъ вполнѣ это сознавалъ и всю жизнь прилагалъ старанія и усилия къ привлечению новыхъ работниковъ и къ объединенію уже имѣющихся, къ поощренію и поддержкѣ археологическихъ изысканій. Еще въ молодости имъ были основаны при Петербургскомъ Археологическомъ Обществѣ преміи, вызвавшія цѣнныя труды покойнаго И. Е. Забѣллина; позже имъ были основаны преміи при Императорской Академіи Наукъ для поощренія работъ въ области русской исторіи и археологии. Въ Москвѣ имъ было основано Археологическое Общество, къ участію въ которому имъ были привлечены всѣ соответственныя научныя силы Москвы, причемъ онъ старался привлекать и молодыхъ ученыхъ, если видѣть въ ихъ дѣятельности задатки дальнѣйшаго развитія на пользу Общества и науки. Заботамъ

графа Общество обязано было своими первыми успехами и тѣмъ значенiemъ, которое оно получило, какъ совокупностью своихъ трудовъ, такъ и тѣмъ плодотворнымъ участiemъ, которое оно приняло въ дѣлѣ охраны памятниковъ русской старины, въ возбужденіи вопроса о постановкѣ памятника первопечатнику Ивану Федорову и т. д.—Но для большей успѣшности въ разысканіи и изученіи древностей, для распространенія изслѣдованій на всю Россію и ея окраины, для пропаганды идеи о важности изученія старины какъ для науки, такъ и для упроченія правильнаго историческаго самосознанія, дѣятельности одного Московскаго Археологическаго Общества было мало. Необходимо было привлечь къ изученію старины разбросанныя по всей Россіи мѣстныя силы, вызвать мѣстную самодѣятельность, ознакомиться съ древностями различныхъ краевъ, — и въ этихъ видахъ были основаны археологические съѣзды, которые, собираясь periodически въ разныхъ городахъ Россіи, могли бы расширять и углублять дѣло археологическаго изученія Россіи и археологии вообще. При ближайшемъ участіи графа состоялись съѣзды въ Москвѣ, Петербургѣ, Киевѣ, Казани, Тифлісѣ, Одессѣ, обогатившіе науку рядомъ цѣнныхъ монографій и внесшихъ много нового и цѣннаго въ изученіе древностей. На всѣхъ этихъ съѣздахъ графъ былъ центральною организаціонною личностью, вокругъ которой объединялись всѣ изслѣдователи и любители старины, и которая привлекала даже иностранныхъ ученыхъ, видѣвшихъ въ графѣ наиболѣе авторитетнаго представителя и руководителя русской археологической науки.

Преждевременная смерть графа нанесла тяжелый ударъ русской археологии, но все, заложенное имъ, оказалось настолько прочнымъ, что ничто не завяло, не остановилось, а, напротивъ, стало усиленно развиваться, слѣдя оставленнымъ имъ завѣтамъ. Московское Археологическое Общество, подъ руководствомъ ближайшей сотрудницы покойнаго, графини П. С. Уваровой, значительно расширило и углубило свою дѣятельность; съѣзды, при неизмѣнной энергіи той же графини, обошли цѣлый рядъ городовъ (Ярославль, Москву, Вильну, Ригу, Киевъ, Харьковъ, Екатеринославъ, Черниговъ), собираясь непремѣнно черезъ три года и существенно обогащая своими „Трудами“ нашу археологическую литературу; Императорскій Исторический Музей непрерывно обогащается и развивается, осуществляя завѣты его первого устроителя, и вообще дѣло собранія и изученія русскихъ древностей идетъ впередъ, слѣдя по путямъ, указаннымъ и проложеннымъ покойнымъ графомъ. Въ этомъ осуществленіи намѣченныхъ задачъ тѣнь покойнаго можетъ находить себѣ удовлетвореніе; дѣло его оказалось крѣпкимъ и плодотворнымъ, и намъ, бывшимъ сотрудникамъ и продолжателямъ графа, остается только слѣдовать тѣмъ же путямъ, стремиться къ осуществленію тѣхъ же задачъ, по возможности расширяя и углубляя ихъ, въ соответствіи съ развивающимися потребностями науки и съ расширяющимися областями археологическихъ изученій.

Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ и его собраніе рукописей.

М. Н. Сперанскаго.

Графъ А. С. Уваровъ—спеціалистъ археологъ и прежде всего въ той отрасли этой науки, которую условно можно назвать „матеріальной, вещественной археологіей“: большинство его трудовъ, доступныхъ обществу въ изданіяхъ, прежде всего отправляются отъ древняго предмета, который путемъ анализа изслѣдователь заставляетъ рассказывать прошлое изъ жизни человѣчества. Эта „матеріальная“ археологія составляла и составляется въ значительной степени предметъ занятій основаннаго и руководимаго цѣлый рядъ лѣтъ гр. Уваровымъ Общества: по признанію историка Общества, за первыя 25 лѣтъ его существованія „памятники письма и языка, составляющіе предметъ сбиранія, изданія и изученія многихъ ученыхъ учрежденій и обществъ въ Россіи,—менѣе сосредоточивали на себѣ вниманіе членовъ М. А. О., чѣмъ памятники вещественные“ („Ист. Зап.“, 29—30). Среди трудовъ гр. Уварова также найдемъ, если взять ихъ перечень, сравнительно очень немного посвященныхъ спеціально памятникамъ языка и письма („Ист. Зап.“, бібл. указ., 42). Но было бы большой ошибкой и несправедливостью по отношенію къ гр. Уварову выводить отсюда, что онъ не интересовался либо мало интересовался памятниками письма и языка: это значило бы съузить то широкое пониманіе термина „археологія“, носителемъ и выразителемъ котораго былъ гр. А. С. Уваровъ¹⁾.

Уже самая широта задачъ, которыя ставилъ гр. Уваровъ археологіи, какъ наукѣ, не допускаетъ такого узкаго, односторонняго представлениія обѣ его дѣятельности; а свойства тѣхъ вопросовъ, которые интересовали графа въ области древности, каково, напр., христіанское и русское искусство, въ особенности послѣднее въ связи съ общей

¹⁾ Объ этомъ см. въ статьѣ Д. Н. Анучина въ сборникѣ „Незабвенной памяти графа А. С. Уварова“ (рѣчи 28 февраля 1885 г. въ И. М. А. О.) стр. 27. Ср. „Труды III Арх. Съѣзда“, стр. XIX и XXII („Что должна обнимать программа для преподаванія русской археологіи?“—рефератъ гр. А. С. Уварова).

исторієй русскаго прошлаго,—вопросы эти могли бытъ разрѣшаемы въ большинствъ случаевъ лишь на почвѣ сравнительного изученія „вещевого“ памятника и его „словеснаго“ выраженія, т.-е. тѣхъ памятниковъ письма и языка, въ которыхъ прежде всего и ближе всего находимъ уясненіе, истолкованіе того міропониманія, идеяного склада человѣка, эпохи, создавшихъ дошедшій до насъ „вещественный“ памятникъ. И гр. Уваровъ, посвятившій не мало трудовъ сложному и во многомъ еще до сихъ поръ темному вопросу о символикѣ въ древне-христіанскомъ и русскомъ искусстве, является недюжиннымъ знатокомъ не только „вещественного“ памятника—миніатюры и иконы,—но и литературы, сюда относящейся и привлекаемой имъ по первоисточникамъ съ роскошью специалиста и „по письму и языку“. Таковы, такъ сказать, теоретическая наблюденія надъ взглядомъ гр. Уварова на „памятники письма и языка“. Но этимъ однимъ далеко не исчерпывается заслуга гр. Уварова передъ русской наукой, въ частности наукой „о письмѣ и языке“: онъ не только, пользуясь памятниками письма и языка, вносилъ освѣщеніе и разрабатывалъ, такимъ образомъ, подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія и русскую письменную древность: ему принадлежитъ заслуга также энергичнаго и щедраго собирателя письменныхъ памятниковъ и отчасти ихъ издателя: гр. Уваровъ оставилъ послѣ себя въ Порѣчье не только замѣчательный музей матеріальной древности и искусства; но и громадное собраніе рукописей, самое крупное изъ всѣхъ частныхъ рукописныхъ собраній и по количеству собранныхъ въ немъ рукописей и по значенію сохранившихъ тамъ памятниковъ письма и языка. Собраніе это, мало того, что, какъ хранитель прошлаго нашей исторіи и литературы, какъ коллекція, составляеть фактъ въ нашей наукѣ, но—и это главное—ono, благодаря гр. Уварову и его наслѣдникамъ, хранящимъ свято его завѣты, не осталось, подобно инымъ частнымъ собраніямъ, мертвымъ капиталомъ для русской науки: будучи, по его собственнымъ словамъ, убѣждены, что „изданіе рукописей составляеть существенную потребность при занятіяхъ русскою исторію и словесностью... графъ Алексій Сергеевичъ Уваровъ рѣшился предпринять изданіе замѣчательнѣйшихъ рукописей своего собранія“; при чемъ изданіе памятниковъ историческихъ принялъ на себя самъ владѣлецъ собранія, поручивъ изданіе памятниковъ словесности специальному (впослѣдствии академику) М. И. Сухомлинову. Такъ сказано въ предисловіи къ изданіемъ по рук. гр. Уварова и на его средства твореніямъ Кирилла Туровскаго еще въ 1858 г., подъ заглавіемъ: „Рукописи графа Алексія Уварова“, т. II, вып. I.

Къ сожалѣнію, широко задуманное, строго научно начатое изданіе такъ и остановилось на этомъ единственномъ выпускѣ; повидимому, другія заботы, можетъ быть, возникшая и уже въ 1864 году начавшая осуществляться мысль основанія Археологического Общества и затѣмъ работы по Обществу отвлекли гр. Уварова отъ задуманнаго изданія¹⁾. Но

¹⁾ Недавно, впрочемъ, мысль графа объ изданіи важнѣйшихъ историческихъ памятниковъ его собранія начала отчасти осуществляться: я имѣю въ

прекращеніе начавшагося изданія замѣчательнѣйшихъ рукописей собранія гр. Уварова не лишило громаднаго значенія это собраніе: прекративъ изданіе, гр. Уваровъ сдѣлалъ свое собраніе, оставаясь его владельцемъ, доступнымъ для всѣхъ, кто интересуется памятниками письма и языка: начиная съ 60-хъ гг. истекшаго столѣтія и по настоящій день, безъ риска впастъ въ преувеличеніе можно утверждать, ни одинъ русскій ученый, которому приходилось и приходится обращаться къ памятникамъ древней письменности, ни одинъ не обошелся безъ пользованія рукописями гр. Уварова. Если бы составить списокъ всѣхъ, кто обращался къ собранію Уварова и оттуда извлекалъ матеріалъ для своихъ работъ, то съ увѣренностью можно сказать, списокъ этотъ быль-бы въ то же время едва-ли не полнымъ спискомъ русскихъ ученыхъ историковъ и особенно историковъ литературы за послѣднее полустаніе русской науки.

То значеніе, какое прочно утвердилось въ русской наукѣ за уваровскимъ собраніемъ рукописей, ясно показываетъ, что собираніе рукописей для гр. Уварова не было лишь дѣломъ прихоти богатаго любителя-коллекціонера, не было дѣломъ собранія рукописей для своихъ занятій только, а разсматривалось имъ, какъ дѣло общественное, какъ служеніе научнымъ стремленіямъ русскаго общества: иначе, онъ не поставилъ бы свое частное собраніе въ положеніе публичнаго, государственнаго, собранія.

Все сказанное о дѣятельности гр. Уварова по отношенію къ памятникамъ письма и языка даетъ право, даже обязываетъ насть остановиться нѣсколько подробнѣе на главной сторонѣ этой дѣятельности—на исторіи составленія этого замѣчательнаго собранія рукописей — и на самомъ собраніи, его составѣ и тѣхъ памятникахъ, которые вошли въ него.

Исторія созданія порѣцкаго рукописнаго собранія, какъ фактъ русской науки, тѣсно связана съ исторіей возникновенія у насть интереса къ изученію древней письменности, стоитъ въ связи съ исторіей разработки памятниковъ древней литературы: въ этомъ отношеніи дѣятельность гр. Уварова есть одинъ изъ послѣдующихъ фактovъ движенія, начало котораго восходитъ еще къ послѣднимъ десятилѣтіямъ XVIII в. и первымъ въ XIX-мъ, отмѣчено для насть именами гр. Н. П. Румянцева и его сподвижниковъ. Гр. Уваровъ, начавъ собирать рукописныя сокровища, былъ только однимъ изъ младшихъ (сравнительно) дѣятелей этой эпохи; и, видимо, подъ вліяніемъ настроеній румянцевскаго времени, и у него возникла мысль стать собирателемъ музея и библіотеки и отчасти стать археографомъ¹⁾. Поскольку извѣстно намъ,

виду „Описаніе актовъ собранія гр. А. С. Уварова. Акты исторические (опис. И. М. Катаевымъ и А. К. Кабановымъ)“ (М. 1905), гдѣ всѣ документы 1482—1612 гг. напечатаны полностью и точно, болѣе поздніе — частью въ извлеченіяхъ, а наибогѣ изъ нихъ интересные также полностью (см. стр. 1—107, 379—439).

¹⁾ Такимъ образомъ, я, видя въ дѣятельности гр. А. С. органическую и историческую связь съ эпохой и дѣятельностью гр. Н. П. Румянцева, иначе понимаю сопоставленіе этихъ поборниковъ просвѣщенія, нежели какъ простую

гр. А. С. Уваровъ, унаследовавшій отъ своего отца интересъ къ древности, искусству, вмѣстѣ съ крупными материальными средствами, собраніемъ древностей, преимущественно античныхъ и западно-европейскихъ памятниковъ искусства, и библіотекой, преимущественно по классическимъ и иноземнымъ литературамъ¹⁾), еще при жизни С. С. Уварова († 14 сентября 1855 г.) начинаетъ осуществлять свой планъ—собраніе рукописей и библіотеки русской, находясь еще на службѣ по разнымъ министерствамъ въ Петербургѣ²⁾. Повидимому, однимъ изъ первыхъ рукописныхъ пріобрѣтеній гр. А. С. Уварова, основой его собранія рукописей была покупка³⁾ имъ большого собранія рукописей (около 800 №№) извѣстнаго московскаго собирателя и любителя книжной старины И. Н. Царскаго († 1853 г. 15 июля), составлявшееся имъ въ теченіе болѣе 40 лѣтъ и уже описанное почти цѣликомъ П. М. Строевымъ („Рукописи славянскія и Россійскія, принадлежащія И. Н. Царскому“. М. 1848). Собраніе это—однѣ, впрочемъ, рукописи⁴⁾—куплены и увезены были въ Спб. гр. А. С. Уваровымъ въ февралѣ 1853 года⁵⁾.

Слѣдующимъ крупнымъ пріобрѣтеніемъ гр. А. С. была покупка части собранія извѣстнаго этнографа и собирателя устной и письменной старины И. П. Сахарова († 1863). Собраніе было довольно значительное: въ 1846 г. у Сахарова, по свидѣтельству В. М. Ундовольскаго⁶⁾, было болѣе 300 номеровъ; изъ нихъ около 80 №№ было пріобрѣтено въ библіотеку гр. Уварова⁷⁾; покупка была сдѣлана уже послѣ

аналогію, основанную на виѣшнемъ сходствѣ, какъ это дѣлалось въ статьяхъ, посвященныхъ памяти графа въ 1885 г. (ср. Д. Языкова, „Ученые заслуги графа А. С. Уварова“ („Ист. Вѣстн.“ 1885, т. XIX, стр. 392) и Е. В. Барсова, „Незабвенной памяти гр. А. С. Уварова“, стр. 70).

¹⁾ См. „Учен. Зап.“ И. Ак. Наукъ по II отд., кн. II, вып. I (1856), стр. CXXXVI (Воспоминанія И. И. Давыдова) и CXL.

²⁾ Служебная дѣятельность гр. А. С. Уварова въ Спб. кончились въ 1857 г., въ 1859-мъ—вообще гражданская его служба.

³⁾ За 25 тысячъ рублей; см. „Русск. Вѣд.“ 1885 г. № 3 (Д. Н. Анучина); ср. „Памяти гр. А. С. Уварова“ (Казань, 1885), стр. 19. Ср. также въ дневникѣ Погодина: „Вечеромъ былъ у Уварова молодого. Онъ перекупилъ собраніе рукописей Царскаго, а я выжидалъ время... Онъ заплатилъ 25 тысячъ р. серебромъ“. Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, XII, 377.

⁴⁾ Старопечатныя книги, числомъ 286, также описаны были П. М. Строевымъ: „Описание старин. книгъ И. Н. Царскаго“. М. 1836.

⁵⁾ См. Ж. М. Н. П. 1853 г. № 7 (ч. LXXIX), смѣсь, стр. 31—32. Составитель некролога И. Н. Царскаго въ концѣ его замѣчаетъ: „О судьбѣ и назначеніи собранныхъ покойнымъ книгъ старопечатныхъ, славянскихъ и гражданскихъ—въ настоящее время ничего сказать не можемъ“; ср.: „Библіотека старопечатныхъ книгъ осталась собственностью наследниковъ покойного собирателя“ (С. П. Шевыревъ, Ист. рус. слов., изд. 2 (М. 1859), стр. XLIV). Такимъ образомъ, выходитъ, что гр. А. С. пріобрѣтены лишь рукописи, которыхъ и до сихъ поръ все въ его собраніи.

⁶⁾ Библіогр. розысканія—„Москвитянинъ“ 1846 г., 20 стр. отд. отт.

⁷⁾ Точныхъ цифры установить не удалось по каталогу собранія гр. Уварова, составленному арх. Леонидомъ; цифры рукописей отдельныхъ собраній, поступившихъ въ каждый изъ 18 отдѣловъ уваровскаго собранія, приводятся арх. Леонидомъ въ началѣ описанія каждого отдѣла, но точностью не отличаются; напр., въ отд. XIV указано 8, на дѣлѣ 15 рукописей И. И. Сахарова; для отд. XVII

1855 года¹⁾. Собрание Сахарова, насколько намъ извѣстно²⁾, особой древностью текстовъ не отличалось, но замѣчательно было по содержанию собранныхъ въ немъ памятниковъ, часто въ автографахъ (напр., Кариона Истомина).

Не менѣе цѣннымъ для уваровскаго собранія было поступление въ него небольшой коллекціи рукописей А. С. Норова, давно уже пріобрѣтшой извѣстность въ ученомъ мірѣ, благодаря описанію ихъ, сдѣланному знаменитымъ соратникомъ гр. Н. П. Румянцева, А. Х. Востоковымъ³⁾. Коллекція А. С. Норова состояла всего изъ 18 рукописей, которая цѣликомъ и вошли въ составъ уваровскаго собранія⁴⁾; но эти немногія рукописи, какъ по древности, такъ и по своимъ особенностямъ принадлежать къ числу важнѣйшихъ памятниковъ болгарской и сербской письменности; цѣнность ихъ увеличивается еще и тѣмъ, что всѣ эти рукописи пріобрѣтены (въ 1834—5 гг.) въ Палестинѣ, главнымъ образомъ—въ лаврѣ св. Саввы, куда онъ постепенно заносились славянскими паломниками, отмѣчая, т. о., любопытные факты сношеній юга славянства съ Палестиной. Достаточно упомянуть, что среди этихъ 18 рукописей мы находимъ болгарскую псалтирь XIII в. съ замѣчательнымъ орнаментомъ въ заставкѣ⁵⁾, того же времени Евангелия, Октоихъ, здѣсь же замѣчательный сербскій Прологъ XIII в. и т. д.

Когда было сдѣлано пріобрѣтеніе норовскаго собранія графомъ

(сборники) указано, что изъ собранія И. П. Сахарова поступило 10 рукописей; на дѣлѣ же изъ самаго описанія отдѣльныхъ рукописей видно, что ихъ было не менѣе 15; изъ числа рукописей Хлѣбникова въ этомъ отдѣлѣ не указано ни одной, тогда какъ на дѣлѣ № 2078 числится поступившимъ отъ него. Тоже съ рукописями Норова: въ отдѣлахъ X (тѣ не упомянуто 3 рукоп.), XII (не отмѣчено рук. Норова подъ № 973—знаменитый прологъ XIII в.). По подсчету арх. Леонида въ составъ уваровскаго собранія изъ коллекціи Сахарова вошло 69 №№; на дѣлѣ же, несомнѣнно, больше. Съ другой стороны какъ извѣстно (см. Иконниковъ В. С., Историографія I, 1, стр. 793), что послѣ 59 г. (можетъ быть, послѣ смерти Сахарова) въ И. П. Б. поступило изъ собранія Сахарова 52 рукоп. и 224 акта. Кое-что, кажется, изъ сахаровскихъ рукописей куплено было И. А. Шляпкинымъ (Спб.), а кое-что поступило и въ Рум. Музей (Иконниковъ, Истор. I, 1, стр. 846). Т. о., замѣчаніе А. Н. Пыпина (Ист. рус. эти. I, 281) о покупкѣ сахаровскаго собранія гр. Уваровымъ нуждается въ ограниченіи.

¹⁾ Въ числѣ рукоп., пріобрѣтенныхъ отъ Сахарова, на одной (№ 1928—167) изъ нихъ запись рукой Сахарова о пріобрѣтеніи имъ этой рукописи въ Москвѣ 1855 г. сент. 25 дня. Впрочемъ, можно предполагать, что или покупка произвѣдилась гр. Уваровымъ частями, или Сахаровъ передавалъ рукописи Уварову, по мѣрѣ ихъ пріобрѣтенія; въ письмѣ 4/VI 1849 г. И. П. Сахаровъ увѣрялъ Погодина, что онъ свою библиотеку рукописей продалъ графу А. С. Уварову.—Барсуковъ Н., Жизнь и труды Погодина, X, 462.

²⁾ Напр., по описанію части его, вышедшей въ 1839 г. (Спб.—Славяно-русская рукописи, отд. первое), а также судя по экземплярамъ, попавшимъ къ гр. Уварову.

³⁾ См. Ж. М. Н. П. 1836 г., ч. XI, II, стр. 529—547, перепечатка—въ „Уч. Зап.“ А. Н. по II Отд., кн. II, 2, стр. 96—108.

⁴⁾ Это по Леонидовскому описанію №№ 6, 38, 55, 733, 623, 973, 108, 57, 848, 740, 11, 62 и др.

⁵⁾ См. снимокъ у Леонида, Описаніе рукоп. I, при стр. 9.

А. С. Уваровыи, точно мнѣ неизвѣстно; но можно съ увѣренностью сказать, что оно изъ раннихъ¹⁾.

Изъ другихъ коллекцій, вошедшихъ въ составъ уваровскаго собранія (не говоря объ отдѣльныхъ №№), можно упомянуть о рукописяхъ Хлѣбникова (Н. П.), иначе С. Д. Полторацкаго, въ количествѣ около 25²⁾, гр. Аракчеева—8 №№ и др.³⁾.

Какъ быстро шло собираніе рукописей у энергичнаго графа А. С., видно уже изъ того, что въ 1858 г. его собраніе насчитывало до 1700 №№, какъ узнаемъ объ этомъ изъ предисловія къ упомянутому выше изданію сочиненій Кирилла Туровскаго. Позднѣе приростъ собранія шелъ уже медленнѣе: за послѣдующія 26 лѣтъ жизни гр. Уварова собраніе достигло цифры 2250 рукописей, т.-е. прибавилось всего 550 штукъ. Причина этого, повидимому, не въ томъ, что собирательскій пыль ослабѣлъ у гр. Уварова, что его интересы обратились въ другую сторону, а въ измѣненіи общихъ условій собиранія рукописей у насть, какъ мы это сейчасъ будемъ имѣть случай увидѣть: гораздо менѣе стало встрѣчаться рукописей въ продажѣ, старые запасы поразошлись по рукамъ, число собирателей, лицъ и учрежденій, стало больше, и собиратели стали больше хранить собранное, менѣе охотно разставаясь съ накопленнымъ добромъ.

Таковы внѣшніе факты, поскольку они извѣстны въ печати, созданія рукописнаго собранія гр. А. С. Уварова. Выше было упомянуто, что на эту сторону ученой дѣятельности графа правильнѣе смотрѣть, не только какъ на дѣятельность, подобную румянцевской, но и какъ на продолженіе этой дѣятельности — идеиное, откуда объясняется и упомянутое выше сходство. Дѣятельность гр. Н. П. Румянцева выражалась главнымъ образомъ въ возбужденіи интереса къ собиранію, изученію и изданію памятниковъ русской древности; результатомъ этого были, какъ извѣстно, такъ называемыя археографическая экспедиція, образованіе румянцевскаго кружка ученыхъ съ К. Ф. Калайдовичемъ, П. М. Строевымъ, А. Х. Востоковымъ и др. въ числѣ работниковъ, затѣмъ — Румянцевскій музей съ его собраніемъ рукописей, учрежденіе Археографической Комиссіи, изданіе цѣлаго ряда важнѣйшихъ памятниковъ литературы и исторіи, каковы: Собрание государственныхъ грамотъ и договоровъ, Иоаннъ экзархъ Болгарскій, Памятн. россійской словесности XII вѣка и др. Однимъ изъ видныхъ послѣдствій этой дѣятельности „на благое просвѣщеніе“ было развитіе русскихъ науч-

¹⁾ А. С. Норовъ († 1869) продалъ свою первоначальную библіотеку кн. Н. И. Трубецкому (и отъ него купилъ гр. А. С. Уваровъ?), а вторичная его библіотека уже въ 1863 г. поступила въ Рум. Музей. В. С. Иконниковъ, Исторіогр. I, 2, стр. 1256.

²⁾ Судя по Леониду, 21 рукопись (въ отд. XIV в. изданія).

³⁾ Изъ лицъ болѣе или менѣе извѣстныхъ, отъ которыхъ получалъ графъ А. С. рукописи (судя по записямъ на нихъ), можно назвать: кн. Лобанова-Ростовскаго, Лебедева, гр. С. Г. Строганова, П. М. Строева, А. Ф. Малиновскаго, Мельникова (Печерскаго), о. Леонида, Максима Бѣляева (старообрядца изъ Каз. губ.), (см. Иконниковъ, Исторіографія, I, 2, стр. 1328), бар. Розенкампфа (№ 556), В. М. Ундорского (№ 1296) и др. Ср. Описаніе рук. гр. А. С. Уварова, I, стр. V.

ныхъ сношений съ западомъ, въ частности со славянствомъ, появление цѣлаго ряда собирателей древнихъ памятниковъ, прежде всего письменности; 20-ые и 30-ые годы прошедшаго столѣтія—время увлеченія коллекціонерствомъ этого рода, время возникновенія крупнѣйшихъ частныхъ (частью ставшихъ общественными впослѣдствіи) собраній рукописей, каковы, напр., Ф. Толстого, М. Погодина¹⁾, А. Лобкова, Кастерина, А. Норова, Царскаго, Строева²⁾ и др. Это все—наслѣдіе общественного настроенія конца XVIII в. (такихъ, напр., любителей, какъ гр. Мусинъ-Пушкинъ, проф. Баузе), поддержанное событиями 1812 года и дѣятельностью гр. Румянцева, митр. Евгения (Болховитинова)³⁾. Младшимъ, слѣдующимъ, поколѣніемъ этихъ дѣятелей были наши собиратели и ученые археографы, продолжавшіе дѣло, прочно поставленное гр. Н. П. Румянцевымъ: это—собиратели и издатели 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годовъ, каковы (кромѣ Погодина): В. М. Ундовльскій, известный создатель собранія рукописей, составляющихъ до сихъ поръ украшеніе Румянцевскаго музея; начавши собирать рукописи въ 1840—42 гг., онъ въ 1845 г. имѣлъ уже ихъ до 200, въ 1852 г. уже до 1000, а ко времени его смерти († 1864) цифра рукописей его собранія достигла уже 1350⁴⁾; рядомъ съ этимъ В. М. Ундовльскій является однимъ изъ крупнѣйшихъ изслѣдователей-библіографовъ⁵⁾, издателемъ новыхъ памятниковъ и т. д. Такими же изслѣдователями и собирателями, расширявшими районъ своей дѣятельности за предѣлы Россіи и, такимъ образомъ, продолжавшими дѣло Румянцева по части славянства и Византіи, являются В. И. Григоровичъ, собирающій въ 1844—46 г. славянскія, главнымъ образомъ, рукописи по Балканскому полуострову⁶⁾, А. Ф. Гильфердингъ, въ 50-хъ гг. составившій свое замѣчательное собраніе юго-славянскихъ рукописей⁷⁾, П. И. Севастьяновъ,

¹⁾ Оба собранія, какъ известно, вошли въ составъ И. Публ. Библ.

²⁾ Въ 1842 г. она куплена была Погодинымъ (*Н. П. Барсуковъ, „Жизнь и труды Строева“*, стр. 389).

³⁾ Подробнѣе на этой эпохѣ не останавливаясь въ виду существованія трудовъ въ этомъ отношеніи, каковы: *В. С. Иконникова*, „Гр. Н. П. Румянцевъ“ („Рус. Стар.“ 1881, IX—X; также см. его большую „Исторіографію“ т. I, 1), *Барсуковъ Н. П.: „Жизнь и труды П. М. Строева“*, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, *Е. Ф. Шмурло „Митр. Евгений, какъ ученый“*, *Н. С. Тихонравова* (Соч. II, 276) и мн. др.

⁴⁾ См. „Славяно-русскія рукописи“ В. М. Ундовльскаго (М. 1870), стр. I. Это собраніе болѣе другихъ по составу и характеру напоминаетъ уваровское, уступая ему, однако, въ объемѣ и, въ частности, въ количествѣ чисто историческихъ документовъ, занявшихъ столь видный отдѣль у гр. А. С. Уварова (см. „Описание актовъ собранія гр. А. С. У.“).

⁵⁾ См. его „Библіогр. разысканія“, начавшіяся въ 1846 г. и впослѣдствіи собранныя въ одну книгу, кажется, А. И. Хлудовымъ и А. Поповымъ.

⁶⁾ Собраніе Григоровича разбилось на части между Рум. муз. и Одесскимъ университетомъ, главнымъ образомъ; см. Отчетъ Р. М. за 1876—78 г.; ср. Лѣтопись И. Ф. Общ. при Новорос. унив., I (1890).

⁷⁾ Собраніе также разбилось на части между И. Публ. библіотекой (см. Отчетъ ея за 1868 г., стр. 10) и собраніемъ А. И. Хлудова (теперь Единов. мон. въ Москвѣ); см. А. Н. Попова „Описаніе рукоп. Хлудова“ (М. 1872), предисловіе.

собиравшій матеріали (въ видѣ фотографій, снимковъ и рукописей, иконъ), главнымъ образомъ, на Аѳонѣ въ 50-хъ гг.¹⁾. Къ этому же времени относятся собранія И. Д. Бѣляева (Рум. муз.), Д. П. Пискарева (тамъ же), Т. Ф. Большакова (тамъ же), кажется, И. Е. Забѣлина²⁾, И. П. Сахарова. Позднѣе, въ 60-хъ годахъ уже собираютъ рукописи и старину Н. С. Тихонравовъ, Ф. И. Буслаевъ и др. Вотъ въ эту-то семью собирателей и въ то же время изслѣдователей и издателей входитъ въ началѣ 50-хъ годовъ въ качествѣ виднаго ея представителя и гр. А. С. Уваровъ, сразу ставшій, благодаря покупкѣ рукописей Царскаго, однимъ изъ крупнѣйшихъ собирателей, усвоившій направление времени и въ другомъ отношеніи: гр. Уваровъ не только собираетъ матеріали, начинаетъ ихъ изданіе, но, подобно Румянцеву, является также и археографомъ-меценатомъ: на его средства и при его участіи снаряжается, какъ извѣстно, экспедиція для изслѣдованія древностей южной Россіи (1847), результатомъ которой является его „Изслѣданіе о древностяхъ южной Россіи“ (1851, 1856), напечатанное на средства его-же³⁾; въ 1856 г. графъ предлагаетъ средства П. М. Строеву на изданіе Тверской лѣтописи⁴⁾ и т. д. Тотчасъ же по возникновеніи собраніе гр. Уварова служитъ источникомъ для научныхъ занятій по различнымъ вопросамъ литературы и исторіи: въ изданіяхъ и изслѣданіяхъ съ конца 50-хъ и нач. 60-хъ гг. встрѣчаемъ уже ссылки на собраніе гр. Уварова, тексты оттуда-же⁵⁾. Наконецъ, съ эпохой Румянцева связываетъ гр. Уварова и то обстоятельство, что къ нему, такъ сказать, перешли отношенія Румянцева къ его сотрудникамъ (разумѣется, поскольку они были въ живыхъ въ 50-хъ годахъ): устанавливаются тѣсныя сношенія научныя, въ которыхъ археографические интересы играютъ видную роль, какъ и у Румянцева, съ Погодинымъ, П. Строевымъ, А. Куниковъ и др.⁶⁾ Такимъ образомъ, гр.

¹⁾ Та же судьба постигла и это собраніе: его унаследовалъ частично Рум. музей (см. Отчетъ музея 1873—75 г.) и Академія Художествъ.

²⁾ Въ 50-хъ годахъ этимъ собраніемъ пользуется А. Н. Пыпинъ въ своемъ извѣстномъ „Очеркѣ“ (Спб. 1858), см. стр. 21.

³⁾ Пам. гр. А. С. Уварова (Казань, 1885), стр. 11—12.

⁴⁾ См. Н. П. Барсукова, „Жизнь и труды П. М. Строева“ (Спб. 1898), стр. 491. Но дѣло не состоялось въ значительной степени по винѣ Строева. Рукоп. лишь въ 1863 г. издана А. Ф. Бычковымъ.

⁵⁾ Напр., въ 1858 г. Б. В. Кене ищетъ въ собр. Уварова указаній для определенія года рожденія Филарета Никитича (Н. П. Барсуковъ, „Жизнь и труды Строева“, стр. 566). А. Н. Пыпинъ въ своемъ „Очеркѣ“ стар. пов. и сказокъ русскихъ“ (Спб. 1858, стр. 21) пользуется рукописями Царскаго, перешедшими къ гр. Уварову. Около того же времени Н. С. Тихонравовъ работаетъ надъ отреченными книгами и готовить къ печати тексты ихъ, пользуясь тѣмъ же собраніемъ (см. Пам. отр. лит. [1863], I, 259, II, 248, 285, 372, 396, 422). О болѣе позднихъ изслѣдователяхъ, пользовавшихся рукоп. гр. А. С. Уварова, см. выше.

⁶⁾ Ср. Н. П. Барсуковъ „Жизнь и труды Погодина“, IX, 182—185; сближеніе съ Погодинымъ началось уже въ 1847 г. (см. письмо С. С. Уварова къ Погодину у Барсукова, стр. 184); съ Куниковъ, повидимому нумизматикой, графъ занимался еще раньше (ср. тамъ же, стр. 185). Съ археографомъ румянцевскимъ, П. М. Строевымъ, гр. А. С. Уваровъ сблизился также довольно рано: около 1855 г.

А. С. Уваровъ, унаследовавъ въ идеѣ основы дѣятельности Румянцева, унаследовалъ даже до извѣстной степени и сотрудниковъ. Но это наслѣдство, не только въ области науки о прошломъ вообще, но и въ частности археографіи и изученія памятниковъ письма и языка, не осталось у гр. Уварова безъ движенія: продолжая дѣятельность Румянцева, гр. Уваровъ сдѣлалъ слѣдующій шагъ въ развитіи русской науки, вызываемый естественнымъ ходомъ русской общественной научной мысли, именно: графъ Уваровъ является основателемъ у насъ, какъ извѣстно, не только археологіи вообще, но прежде всего русской археологіи, сохраняя въ то же время всю широту этого научнаго направленія, иначе сказать: въ науку археологіи гр. Уваровъ внесъ, и при томъ сознательно, идею народности. Въ этомъ случаѣ онъ является научнымъ истолкователемъ той идеи, носителемъ которой въ области просвѣщенія вообще и административной дѣятельности былъ его отецъ, классикъ и въ то же время націоналистъ-патріотъ. Въ области исторической науки эта идея національности, какъ выраженіе національного самосознанія, отчетливо впервые стала проводиться гр. А. С. Уваровымъ. Это уже носилось въ воздухѣ: гр. Уваровъ въ своей дѣятельности практически сталъ осуществлять эту идею, но безъ тѣхъ крайностей и односторонностей, какими страдало это примѣненіе въ другихъ областяхъ жизни, конечно, въ зависимости отъ обстоятельствъ, ничего общаго съ наукой и просвѣщеніемъ не имѣющихъ¹⁾. Не замыкая себя въ рамки національной исключительности, въ рамки того или иного общественнаго теченія (напр., славянофильства или западничества, или патріотизма въ духѣ Погодина и его кружка), А. С. Уваровъ въ своей дѣятельности удачно сочеталъ идею національности съ идеей, если такъ можно выразиться, всеобщности; онъ прежде всего служитъ русской наукѣ, но служить и міровой, постоянно привлекая и эту послѣднюю для пользы той же русской; таковы, какъ извѣстно, его работы по христіанскимъ древностямъ, по византійскому искусству²⁾. Этому-то именно пониманію задачъ русской науки, какъ мнѣ кажется, мы обязаны возникновеніемъ и созданіемъ рукописнаго собранія гр. Уварова. Его отецъ, гр. С. С. Уваровъ, въ своихъ ученыхъ трудахъ вращался въ международной области классицизма и западноевропейской литературы, платя этимъ дань своему времени, въ практической дѣятельности насаждая тотъ же классицизмъ, желая привить его русской школѣ, и теоретически проводя въ школу идею народности³⁾. Сыну онъ оставилъ собраніе классическихъ древностей, бо-

между ними возникаетъ уже переписка; въ 56 г. Уваровъ покупаетъ у Строева старые виды и планы Москвы за 230 р. (см. Н. Барсуковъ, „Жизнь и труды Строева“, стр. 521).

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. у А. Н. Пыпина: „Ист. этнogr.“, т. I.

²⁾ Въ этомъ отношеніи очень поучительна параллель къ взглядамъ гр. А. С. Уварова во взглядахъ его современника В. И. Григоровича, высказаннымъ этимъ послѣднимъ по поводу своихъ впечатлѣній отъ Рима въ 40—41 гг. (см. „Лѣт. И. Ф. Общ. при Новорос. унив.“, I [1890], стр. 22—23).

³⁾ Ср. „Памяти гр. А. С. Уварова“ (Казань, 1885), стр. 79.

гатую библиотеку классиковъ и западно-европейскихъ писателей. Гр. А. С. является, какъ сказано, практическимъ выразителемъ въ области науки идеи народности: унаследованный отъ отца интересъ къ классической древности онъ переносить на русскую почву, начавъ свою археологическую дѣятельность съ изученія классическихъ же древностей, но сохранившихъ на югѣ Россіи¹⁾, а въ области археографіи онъ пошелъ по слѣдамъ гр. Румянцева, въ то же время, по наслѣдству отъ С. С. Уварова, практически осуществляя внесеніе этой идеи, но не въ школу, а въ науку: рядомъ съ занятіями русскими древностями, рядомъ съ библиотекой и музеемъ отца, онъ созидаетъ во много разъ большую библиотеку русскихъ книгъ и рукописей и музей русскихъ древностей.

Такъ, въ связи съ идеинмъ настроениемъ времени и личнымъ гр. А. С. Уварова возникло и, при энергіи и средствахъ собирателя, создалось замѣчательное собраніе рукописей русскихъ и, неразрывно въ прошломъ связанныхъ съ ними, славянскихъ. Значеніе этого собранія, помимо ближайшей цѣли, которую оно преслѣдовало—собирание матеріаловъ исторіи и литературы старого времени,—археографіи въ тѣсномъ смыслѣ, этимъ однимъ не исчерпывается: оно служитъ гр. Уварову и для другихъ задачъ, входящихъ въ вѣдѣніе археологіи въ широкомъ смыслѣ этого слова: я имѣю въ виду работы по исторіи искусства, всегда интересовавшей графа, работы по „матеріальной“ археологіи, опирающіяся на рукописный матеріалъ. Въ подобныхъ работахъ особенную цѣнность представляютъ такъ называемыя лицевые рукописи и рукописи съ бытовымъ содержаніемъ²⁾. Рукописями

1) Ср. отзывъ П. М. Леонтьева объ „Изслѣдованіи о древностяхъ южной Россіи“ въ кн. „Пам. гр. А. С. Уварова“ (Казань, 1885), стр. 12.

2) Пользуюсь случаемъ дать небольшую справку о лицевыхъ рукописяхъ собранія гр. А. С. Уварова, составленную на основаніи описанія ихъ арх. Леонида. При пересмотрѣ этого описанія мною отмѣчены на 2250 общаго числа рукописей болѣе 70 съ лицевыми изображеніями, или рукописей лицевыхъ (я, разумѣется, сюда не включаю орнаментированныхъ рукописей, т.-е. съ болѣе или менѣе крупными заставками, рисованными инициалами; число ихъ, конечно, очень значительно). Изъ этого числа болѣе 70 рукописей особенно древнихъ указать нельзя (старшія относятся къ XV в.); преобладаетъ среди нихъ XVIII вѣкъ. Даю списокъ этихъ рукописей, указывая] № по описанію Леонида, отмѣчая вѣкъ и группируя рукописи по сюжетамъ:

Библія: № 2—(XVIII в.).

Псалтирь: 15 (Годуновская, конецъ XVI в.), 24, 30, 32 (XVII в.), 671 (1491 г.), пс. изслѣдованная).

Евангеліе: 46 (XV в.), 87 (XVI в.), 57, 99 (XVII в.), 69 (XVI в.), 73 (1558 г.) (О Еванг. 46, 69, 73—см. Е. К. Рѣдина, въ XXI т. „Древностей“).

Апокалипсисъ: 121, 122, 123, 2034, 2079 (XVIII в.), 154, 158, 159, 160 (XVIII—XIX в.).

Синодикъ: 937 (XVII в.), 940 (1704 г.), 943, 948 (XVIII в.), 950, 951, 952 (XIX в.).

Подлинникъ иконописный: 1280 (1666 г.), 1285 (XVII в.), 1289 (XVIII в.).

Житія: 1067 (Іоан. Злат., XVII в.), 1075 (Онуфрій и Аѳанасій, XVI в.), 1077 (Харлампій, 37 миніатюръ, XIX в.), 1068 (Василій Амасійскій; XVI в.), 1081 (Варлаамъ и Іосафъ, XVII в.), 1086, 1088 (Нифонтъ, XVIII в.), 1094 (Андрей юродивый, поморск. письма), 1103 (Алексѣй Б. ч., XVII в.), 1110 (Сергій Радон., нов.).

лицевыми своего собрания, равно какъ и текстами своихъ не лицевыхъ рукописей, графъ давно уже пользуется для своихъ работъ, главнымъ образомъ, по русской старинной символикѣ; такъ, для примѣра, можно указать на его статью: „Вѣтеръ.—Изъ русской символики“ („Рус. Арх.“ 1864 г., № 7—8), гдѣ авторъ, для иллюстраціи продолженія, развитія старой традиціи приводитъ изображеніе вѣтровъ по миниатюрѣ Псалтири собственного собранія¹⁾; или же въ статьѣ: „Образъ Ангела-хранителя съ похожденіями“, объясняетъ икону²⁾ „Словомъ отъ видѣнія ап. Павла“, которое и печатаетъ по „Измарагду“ XVI в. своей библіотеки³⁾; наконецъ, изъ тѣхъ же рукописей своего собранія (№ 114, по Леониду) онъ объясняетъ содержаніе рисунка символической школы XVII в.⁴⁾. Такимъ образомъ, и съ этой стороны собраніе рукописей и ихъ собираніе графомъ органически входитъ въ общую программу его занятій археологіей.

Не повторяя уже сказанного и того, что представляется общеизвѣстнымъ, о значеніи въ ученомъ мірѣ собранія рукописей гр. А. С. Уварова, закончу небольшой характеристикой самого собранія по его содержанію и подбору въ немъ памятниковъ письма и языка. Если бы мы пожелали квалифицировать собраніе гр. Уварова съ внѣшней стороны и примѣнили бы при этомъ тотъ неточный⁵⁾, хотя на первый взглядъ и наглядный, критерій, который не такъ давно примѣнялся (кажется, и теперь еще примѣняется), именно: процентное отношеніе рукописей пергаминныхъ (а потому и древнихъ, въ большинствѣ случаевъ) къ бумажнымъ въ собраніи, то получили бы слѣдующее: на 2250 номеровъ мы получимъ лишь 46 пергаминныхъ рукописей⁶⁾; цифра — сравнительно небольшая; взятая же безъ-относительно — до-

вр.), 1121 (Зосима и Савватій, XVII в.), 1125 (то же, XVIII в.), 1170 (Варлаамъ Хут., XVIII в.). 1174 (Антоній Сійскій, XVII в.), 1206 (Евфросинія Сузд., XVIII в.).

При сочиненіяхъ: 192 (Іоаннъ Лѣств., XV в.), 172 (Ефремъ Сир., XVII в.), 199 (Патер. Римск.: Григорій и Петръ, XVI в.), 254 (Димитрій Рост., XVIII в.), 314 (Іоаннъ Златоустъ, XVII в.), 2026 (Григорій, ученикъ Василія Нового, XVIII в.).

Отдѣльныя рукописи: 685 (Святцы, XVII в.), 863 (Службы XVI в. Богородицѣ), 1259 (Тихвинск. ик., 1696 г.), 894 (Минея служ. XVI—XVII в.), 1304 (Палея толк. XVI в.; о ней статья Е. К. Рѣдина), 1318 (Александрія, XVIII в.), 1435 (Мамаевщина, XVII в.; о ней—С. К. Шамбинаго), 1730 (Козьма Индикопл., 1495 г.), 1732 (то же, XVI в.), 1760, 1761 (Григоровичъ-Барскій), 1773 (Петръ Дамаск., XVII в.), 2048 (Трифонъ Коробейн., XVIII в.), 2082 (Видѣніе Козьмы, 1845 г.), 1898 (Сборн. XVII в.), 1947, 1973, 2046, 2064 (Сборники XVIII в.).

1) Это—по Леониду—№ 15.

2) „Рус. Арх.“, 1864 г., вып. I.

3) По Леониду, это—№ 309.

4) „Археол. Изв. и Зам.“, 1896 г., № 4.

5) Признать его точнымъ мѣшааетъ отсутствіе твердой связи между материаломъ и временемъ рукописи: если въ XI, XII, XIII и XIV вв. (не всегда) писали на пергаминѣ, то не всякая рукопись на пергаминѣ можетъ быть относима къ этимъ вѣкамъ: въ Молдавіи еще въ XVI и XVII вв. пишутъ уставомъ и на пергаминѣ (см. № 77, 126, 764, 771 у Леонида и № 120—тамъ же, рукоп. 1625 г.).

6) По подсчету на основаніи таблицъ въ началѣ каждого изъ 18 отдѣловъ описанія арх. Леонида.

вольно значительная, принимая во внимание общезвестную рѣдкость пергаминныхъ рукописей, а также время, когда составлялось въ массѣ собраніе рукописей графа; и, дѣйствительно, большинство пергаминныхъ рукописей попало къ нему отъ Царскаго и Норова, т.-е. отъ давнишнихъ собирателей, легче добывавшихъ подобныя рѣдкости. Другой принципъ виѣшней оцѣнки рукописей — это число датированныхъ рукописей: онъ опредѣляетъ цѣнность собранія по количеству точного материала и по значенію этого материала для цѣлей палеографіи¹⁾; въ этомъ отношеніи мы получимъ уже большую цифру: по моему подсчету — 185, и эти датированныя рукописи идутъ на пространствѣ конца XIV в. и до прошедшаго²⁾; на этомъ пространствѣ встрѣчаемъ довольно много датированныхъ текстовъ XV в., также XVI-го, очень много XVII-го. Т. о., эта одна сторона уваровскаго собранія показываетъ, что оно можетъ доставить, на ряду съ другими общественными собраніями, солидный материалъ для палеографіи, исторіи языка. Это его значеніе расширяется, если мы примемъ во вниманіе, хотя не датированныя, но опредѣленные по вѣкамъ рукописи, при томъ часто интересныя по мѣстностямъ, гдѣ они писаны; въ этомъ отношеніи уваровское собраніе выигрываетъ еще больше: старѣшія его рукописи восходятъ къ XIII вѣку и даютъ письмо не только русское, но югославянскія. Такъ, къ XIII в. относятся 5 рукописей, къ XIV-му — уже 25, къ XV-му — 84; остальные къ XVI—XIX в. По языку мы находимъ, кроме русскихъ: болгарскія (№№ 6—XIII в., 38—XIII в., 55—XIII—XIV в., 108—XV в.), сербскія (№№ 974—XIV в., 733—XIII—XIV в., 57—XV в., 11, 623—XVI в., 754—1602 г.)³⁾; отдельную, богато представленную группу составляютъ своеобразныя рукописи молдавскаго письма (№№ 7, 10, 16, 17, 18, 71, 77, 98, 626, 704, 771), часто писанныя на пергаминѣ, несмотря на сравнительно позднее происхожденіе (XVI в.)⁴⁾. Такимъ образомъ, собраніе даетъ материалъ не только для палеографіи разныхъ странъ, гдѣ писалось кириллицей, но и для языка, не только русскаго (съ его нарѣчіями), но и для югославянскихъ, весьма древняго времени этой письменности.

Наиболѣе правильная оцѣнка рукописнаго собранія, помимо указанныхъ его, пожалуй, второстепенныхъ, достоинствъ, заключается въ оцѣнкѣ содержанія сохраняемыхъ имъ памятниковъ письменности и языка въ широкомъ значеніи этого слова. Но оцѣнка эта въ то же время и наиболѣе затруднительна, особенно примѣнительно къ такому сложному по составу и объему собранію, каково настоящее: перечислить все, что въ немъ находится для исторіи, исторіи литературы,

1) Ср. этотъ принципъ въ основѣ издания *Specimina Palaeogr. Саввы*. (Памяти преосв. Саввы и др. изд. М. А. О.; моя статья: „Палеогр. труды Саввы“).

2) Старшая датированная рукопись, сколько я замѣтилъ, — Евангелие 1392 г., новгородскаго письма (№ 86).

3) Всѣ рукописи идутъ преимущественно изъ норовскаго собранія.

4) Ср. выше. Молдавскія рукописи идутъ въ большинствѣ случаевъ изъ собранія Царскаго.

церкви и быта, значило бы перечислить почти все рукописи, въ собраніе вошедшия: поневолѣ приходится ограничиться лишь намеками и примѣрами, которые иллюстрировали бы содержаніе уваровскаго собранія. Прежде всего достаточно обратить вниманіе на громадный каталогъ, составленный арх. Леонидомъ, на тѣ 18 отдѣловъ, на которые по содержанію пытался разбить описываемыя рукописи о. Леонидъ; но, этими отдѣлами исчерпать не удалось содержанія всего материала¹⁾, даже введя такую группу, какъ „сборники“, рядомъ со „свящ. писаниемъ“, „исторіей гражданской“ и т. д. Не смотря на всѣ свои несовершенства²⁾, каталогъ этотъ приводить къ весьма внушительному представлению о содержаніи собранія гр. Уварова: почти невозможно указать въ области древней письменности такого памятника (я, конечно, не имѣю при этомъ въ виду такие уники, какъ „Слово о полку Игоревѣ“, „Поученіе Мономаха“ и т. п.) или, лучше, такой группы памятниковъ, которые бы не имѣли представителя, иногда даже въ пѣсколькихъ экземплярахъ, въ собраніи гр. Уварова; съ другой стороны, нѣкоторыя группы представлены съ замѣчательной полнотой и разнообразіемъ; наконецъ, въ немъ найдемъ и такія рукописи, которыхъ составляютъ не только величайшую рѣдкость, но и прямо уники, каковы, напр., автографы дѣятелей старого времени. Для наглядности приведу нѣсколько примѣровъ. Такъ, въ отдѣлѣ свящ. писанія найдемъ три экз. списковъ книгъ ветхаго завѣта, изъ коихъ одинъ полный; списки же ветхозавѣтныхъ книгъ представляютъ явленіе далеко не частое въ собраніяхъ³⁾; евангелій, довольно часто встречающихся въ собраніяхъ, уваровская коллекція имѣть цѣлыхъ 75, изъ коихъ цѣлыхъ 7 относятся къ XIII и XIV вв. Возьмемъ извѣстное „Зерцало“: его найдемъ 10 экземпляровъ, изъ коихъ три отличаются замѣчательной полнотою, заключая въ себѣ болѣе, нежели по 800 главъ; Кормчихъ, начиная съ XIV в. и по XVIII-й, собраніе насчитываетъ около 20 штукъ, не считая другихъ каноническихъ сборниковъ; хронографы разныхъ редакцій представлены цѣлыми 45 списками; отдѣльно Александріе—7-ю; тутъ же найдемъ „Временникъ“ Георгія Амартола 1456 года—рѣдко находимый въ собраніяхъ. Житійная литература, такъ богато представленная въ собраніяхъ Ундолльского и Тихонравова⁴⁾, представлена не менѣе обильно и въ собраніи гр. А. С. Уварова: до 70 житій отдѣльныхъ святыхъ (иные въ 2-хъ, 3-хъ и даже 5 экз.), не считая цѣлыхъ

¹⁾ О причинахъ этого см. „Арх. Изв. и Зам.“ 1894 г., № 3—4.

²⁾ Напр., отсутствіе общаго подробнаго указателя статей и рукописей, неполноту частныхъ указателей, что значительно затрудняетъ пользованіе каталогомъ.

³⁾ Напр., въ коллекціи Ундолльского, при 1350 рукописяхъ, болѣе или менѣе обширномъ собраніи библейскихъ книгъ, наплось только 3 экз.; въ собр., очень богатомъ, А. И. Хлудова, не оказалось ни одного; въ собр. Румянцева всего три. А. В. Михайловъ, привлекающій по возможности всѣ списки книгъ ветх. завѣта при своемъ изданіи книги Бытія, въ Россіи и за границей могъ насчитать всего до 30 списковъ (Книга Бытія, вып. I [Варш. 1900], стр. 1).

⁴⁾ См. рукописи Ундолльского (М. 1870), стр. 15—17; Отчетъ Рум. и Публ. Муз. 1904 г., стр. 11—13.

сборниковъ, содержащихъ житія или опредѣленныхъ собраній житій (каковы: патерики разныхъ составовъ, пролога (ихъ 56), минеи-четыи (ихъ цѣлыхъ 10 книгъ), такъ называемые „житійники“). Духовно-поэтическая литература (куда относятся, напр., апокрифы) не менѣе богата и цѣнна: достаточно указать, напр., на извѣстный Тульскій сборникъ¹⁾, на рѣдкій и по редакціи пока единственный списокъ Книги Еноха праведнаго (№ 3) XV в., на Толковую Палею съ миниатюрами XVI в. и т. д. Наконецъ, къ числу уникъ надо отнести такія рукописи, какъ автографъ Каріона Истомина, Григоровича Барскаго и др.

Этихъ примѣровъ, число коихъ можно увеличить во много разъ²⁾), достаточно, чтобы, если не ознакомиться, то, по крайней мѣрѣ, составить себѣ нѣкоторое представлѣніе о дѣйствительномъ богатствѣ собранія. Поэтому понятно, что съ первыхъ же поръ своего существованія, еще во время своего роста, оно стало уже необходимымъ источникомъ для занятій, какъ самого владѣльца, такъ и русской науки вообще; и это послѣднее стало возможно потому, что гр. А. С. Уваровъ съ первыхъ шаговъ своего собиранія широко раскрылъ двери своей сокровищницы для всякаго, кто искалъ знанія; этимъ онъ исполнялъ свой долгъ передъ обществомъ, передъ наукой. Двери эти, благодаря ему и его наследникамъ, остаются отверстыми и до сего дня. И долго, долго еще порѣцкое собраніе, созданное энергией и благородствомъ А. С. Уварова, будетъ продолжать начатое имъ служеніе русской наукѣ, заставляя настъ съ вѣчной благодарностью вспоминать своего создателя.

¹⁾ О немъ см. выше; изъ него много извлекъ Н. С. Тихонравовъ въ своихъ Пам. Отр. лит.

²⁾ Напр., можно бы указать на замѣчательный по величинѣ и разнообразію содержанія отдѣльные сборники библіотеки: въ немъ (по подсчету Леонида) 317 номеровъ (не считая тѣхъ, которые Леонидъ разнесъ по другимъ отдѣламъ, руководясь преобладающимъ въ нихъ содержаніемъ). Эти сборники начинаются съ знаменитаго сборника Царскаго (№ 361; по Леониду 1770) XIV в. (на пергаминѣ) и № 362 (по Леониду 1772), по которому О. М. Бодянскій („Чтенія О. И. и Д. Р.“ 1848 г. кн. 7) печаталъ „Славянорусскія сочиненія въ пергаминномъ сборнике И. Н. Царскаго“, — и кончаются рядомъ сборниковъ новаго времени. Собиратели очень цѣнили (и справедливо) этотъ родъ рукописей-сборниковъ, охотно ихъ приобрѣтали. Гр. А. С. Уваровъ въ этомъ отношеніи превзошелъ своихъ товарищей по собирательству, приобрѣтя собранія Царскаго, Сахарова (дорожившихъ также сборниками); одинъ изъ наиболѣе богатыхъ сборниками коллекціонеровъ, В. М. Ундовольскій, имѣлъ ихъ только болѣе 230, и ни одного изъ нихъ не было XIV вѣка (см. „Рукоп. В. М. Ундовольскаго“, М. 1870, стр. 36 прибавленія А. Е. Викторова).

Графъ А. С. Уваровъ, какъ теоретикъ археологіи¹⁾.

H. H. Ардашевъ.

Воспоминая сегодня графа А. С. Уварова, 25-лѣтіе со дня кончины которого дало намъ не забыть, а только глубже сознать всю величину этой утраты для археологіи, мы достойно вспомнимъ наступающую послѣ завтра первую годовщину по смерти И. Е. Забѣлина, другого радѣтеля археологіи, сокрушавшагося о томъ, что „*при постоянныхъ частныхъ разработахъ нашихъ древностей, у насъ еще такъ мало говорили объ общемъ*, и стремившагося, по мѣрѣ своихъ силъ, восполнить этотъ существенный для науки пробѣлъ.²⁾

Вышеприведенныя слова, конечно, не относились и не относятся къ гр. А. С. Уварову. Покойный графъ-археологъ ничуть не принадлежалъ къ числу людей, которые „никогда не думаютъ надъ тѣмъ, что творятъ“, — *wer nie bedacht, was er vollbringt.*

„Общее“... Да, наука можетъ пользоваться только частными

¹⁾ Благодаря любезности предсѣдателя Археологического Общества, графини П. С. Уваровой, авторъ имѣлъ возможность воспользоваться, для своей рѣчи, корректурными листами изготавливавшагося ею къ юбилейному дню монументального „Сборника мелкихъ трудовъ и статей по теоретическимъ вопросамъ“ графа А. С. Уварова, вмѣстѣ съ „Матеріалами для биографіи“.

Въ III-мъ томѣ этого „Сборника“, кромѣ перепечатанного доклада графа на третьемъ Археологическомъ Съѣздѣ 1874 г. подъ заглавіемъ „*Что должна обнимать программа для преподаванія Русской Археологии и въ какомъ систематическомъ порядке должна быть распределена эта программа?*“, впервые опубликованы чрезвычайно цѣнныя „Лекціи“ графа, читанныя въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ въ 1879 году, и особая статья его „*Русская Археология*“.

Авторъ имѣлъ случай сослаться также на статью графа (1869 г.) во II-мъ томѣ „Сборника“ подъ заглавіемъ „*Международный Съездъ въ Копенгагенѣ*“ и на протоколы засѣданій третьаго Археологического Съѣзда въ Кіевѣ, напечатанные въ „*Трудахъ*“ этого Съѣзда.

²⁾ Авторъ, „Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ, какъ теоретикъ археологіи (отъ археологіи до исторіософіи)“. 1—148 с. М. 1909. И въ „*Древностяхъ*“ И. М. А. О., т. XXII. вып. 2.

наблюдениями, которые находятся въ связи съ какими-либо общими положениями. „Достоинъ сожалѣнія взглядъ,—говорить историкъ философіи въ связи съ культурой и наукой Виндельбандъ,—будто науку можно сгрести изъ отдѣльныхъ фактovъ, какъ соръ, сметаемый въ кучу метлой“.

Графъ А. С. Уваровъ тоже отмѣчалъ, что „руссская археология не сложилась еще въ стройную науку, не имѣть строгой научной формы“, и стремился вывести „молодую науку“ изъ такого положенія. Непрерывно занятый „частною разработкой нашихъ древностей“, онъ въ то же время не упускалъ изъ виду и „общаго“. Онъ находилъ, что „вопросы общие... составляютъ жизненную потребность развитія археологической науки“; что безъ нихъ, все равно, нельзя обойтись; что всегда съ ними приходится имѣть дѣло. И здѣсь, поэтому, какъ въ зреѣлыхъ наукахъ, подобно, напримѣръ, филологии, археологу надлежитъ дѣлать одно изъ двухъ: или „примѣнять общія правила“ своей науки къ оцѣнкѣ археологическихъ предметовъ, или, наоборотъ, —изъ разслѣдуемыхъ предметовъ „извлекать общія правила и понятія, общія для всей науки“. Въ противномъ случаѣ, положеніе археологии оставалось бы всегда такимъ, какимъ оно было ранѣе.

„Всѣ почти изслѣдованія по русскимъ древностямъ ограничивались доселѣ или описаніемъ отдѣльныхъ памятниковъ или составленіемъ отдѣльныхъ монографій по нѣкоторымъ отраслямъ русской археологии. При такомъ специальному направлениі, каждый изслѣдователь придерживался своего метода и проводилъ свое личное воззрѣніе на памятникъ, описывая его, какъ совершенно отдѣльную единицу въ науку, не соображаясь при этомъ или даже не имѣя причины соображать, какое положеніе занимаетъ этотъ отдѣльный памятникъ въ связи съ общимъ строемъ русской археологии. Понятно, что, при такихъ специальныхъ трудахъ, не могли выработать никакія общія воззрѣнія ни на систему, ни на объемъ русской археологической науки, хотя въ отдѣльныхъ этихъ изслѣдованіяхъ много намѣчено уже изъ того, что должно служить впослѣдствіи для окончательного объясненія настоящей задачи отечественной археологии... Но пока у насъ не подводились еще итоги такимъ общимъ понятіямъ о самой науки“.

Вступая на этотъ новый еще у насъ путь, графъ Алексѣй Сергеевичъ предварительно обращаетъ свой взглядъ на современное ему положеніе археологической науки на Западѣ, которое не вполнѣ удовлетворяетъ его.

Не говоря уже о томъ, что „во всей Европѣ въ прошломъ столѣтіи понятіе объ археологическомъ памятникѣ не было еще вполнѣ разъяснено“, даже въ трудахъ до своего времени онъ тамъ не всегда находить „точное разграничение того, что слѣдуетъ понимать подъ словомъ археологія“. Затѣмъ, онъ обозрѣваетъ „развитіе понятія о русской археологіи“, начиная открытиемъ въ 1726 г. Академіи Наукъ съ историческимъ отдѣломъ, въ трудахъ котораго, благодаря Байеру, появляются первыя „изслѣдованія чисто-археологического содержанія“, при чемъ приходитъ къ заключенію, что у насъ „не было самостоятельнаго опредѣленія этой науки“, да и не могло выработать никакія

кое самостоятельное понятие какъ о задачѣ, такъ и объ объемѣ этой науки", такъ какъ у насъ „слишкомъ мало доселѣ занимались археологіею", въ смыслѣ „общей археологии".

Что такое археология, какъ наука? Какой у нея предметъ? Въ чёмъ задача этой науки? Каковъ у нея методъ? Какъ широкъ ея объемъ? Какое она имѣть отношеніе къ исторіи? Вотъ тѣ общіе теоретические, въ нѣкоторомъ родѣ философскіе, вопросы, которые ставить себѣ графъ Уваровъ.

Здѣсь прежде всего графъ ищетъ „точнаго разграничения понятій". „Странное явленіе,—восклицаетъ онъ, отмѣтывая стремленіе на Западѣ отнести къ области археологии только памятники искусства и дать остальной смѣси памятниковъ название „древностей",—странные явленіе, что одинъ и тотъ же народъ имѣлъ подъ двумя различными названіями отдѣльныя отрасли одной и той-же науки; напримѣръ, для древняго міра появились сочиненія о греческихъ древностяхъ и о греческой археологии, о римскихъ древностяхъ и римской археологии!"

„Употребленіе въ наукѣ неточнаго выраженія необходимо влечетъ за собою и другія не научные выраженія", — продолжаетъ онъ. „Отъ неяснаго пониманія какъ объема, такъ и задачи этой науки возникли такія предубѣжденія", которыхъ съ трудомъ „приходится опровергать".

Это—предубѣжденіе въ большой публикѣ, среди которой „археологическая знанія" считаются какими-то специальными предметами, или не доступными или, скорѣе, не любопытными для лицъ, не посвятившихъ себя исключительно изученію этой науки". Это—предубѣжденіе, въ которомъ можно упрекнуть и „ученый міръ" за его „несправедливость къ различнымъ источникамъ археологической науки", такъ какъ, сравнительно съ памятниками письменными (въ самомъ тѣсномъ ихъ значеніи, т.-е. съ рукописями), памятники вещественные далеко не такъ основательно изслѣдованы". Въ этомъ отношеніи „многимъ казалось даже страннымъ ставить на одну и ту же степень важности рукописные остатки старины съ вещественными, не отдавая себѣ отчета, что огромное количество пробѣловъ въ нашихъ лѣтописяхъ пополняется или разъясняется единствено только свидѣтельствомъ вещественныхъ памятниковъ". Историки даже „не хотѣли (и доселѣ иные, прибавимъ отъ себя, не хотятъ) признать тѣ выводы, которые доставляются изслѣдованіями кургановъ, пещеръ или другихъ вещественныхъ источниковъ археологии".

Что же такое археология? Какъ именно опредѣляетъ графъ Уваровъ „понятие объ археологической наукѣ"? Какимъ образомъ раскрывается онъ и формулируетъ „общія основныя понятія объ объемѣ и задачахъ археологической науки"? „Объемъ самой науки, — говоритъ онъ, — тѣсно связанъ съ яснымъ пониманіемъ задачи". „Для достижения того и другого необходимо сперва уяснить себѣ настоящее значеніе археологическихъ памятниковъ", т.-е. прямого предмета археологии. Въ связи съ этимъ, конечно, стоитъ и методъ археологической науки. Такимъ образомъ „ясность задачи и объема археологии вполнѣ зависитъ отъ того, какъ стали смотрѣть на эти памятники".

Итакъ, уясненіе дѣла начинается съ вопроса, что такое археологический памятникъ? Какое „понятіе археологического памятника“ устанавливается граffомъ?

Въ глазахъ науки памятникъ есть свидѣтель прошлой жизни. „Произведенія художественной дѣятельности народа, зданія и другое памятники, — говоритъ граff Уваровъ, — ... суть *лучшіе свидѣтели* его нравственной жизни и умственнаго развитія“.

Никакія изслѣдованія прошлаго „немыслимы безъ свидѣтельства памятниковъ“ того или иного рода. Каждый археологический памятникъ—свидѣтель, поэтому, „хранить“ въ себѣ тайну отдаленныхъ вѣковъ. То, что онъ хранить въ себѣ, это, при извѣстныхъ условіяхъ, онъ можетъ и „открыть“. Тогда вмѣстѣ съ тѣмъ археологический памятникъ „дѣлается и источникомъ“ для изученія, возстановленія прошлой жизни. Здѣсь „самый важный вопросъ состоить въ опредѣленіи тѣхъ памятниковъ, которые можно считать источниками для археологии. Всѣ ли памятники, безъ исключенія, могутъ считаться источниками для археологии? И не требуется ли отъ этихъ памятниковъ *извѣстныхъ условій*, при содѣйствіи которыхъ памятники дѣйствительно получаютъ значение научныхъ источниковъ?“

„Не каждый остатокъ древняго быта имѣеть научное значеніе для археологии, а только тотъ остатокъ для нея важенъ, который дѣйствительно способствуетъ къ достижению извѣстнаго научнаго вывода. Такимъ образомъ, древній желѣзный гвоздь, найденный гдѣ-нибудь нечаянно, не можетъ привести ни къ какому научному результату; между тѣмъ какъ тотъ же самый гвоздь, если онъ найденъ въ древней могилѣ, несомнѣнно указываетъ на эпоху желѣзного вѣка, къ которой должна быть отнесена открыта могила, и вслѣдствіе такого результата желѣзный гвоздь дѣлается памятникомъ археологическимъ.—Отвалившійся кусокъ штукатурки съ слѣдами живописи не имѣеть самъ по себѣ никакого научнаго значенія, если мы не знаемъ, на какомъ мѣстѣ онъ найденъ и на какой глубинѣ. Но когда такой кусокъ стѣнописи открывается, напримѣръ, въ развалинахъ Десятинной церкви и на глубинѣ древняго помоста этой церкви, то изъ этой находки положительно можно заключить, что внутреннія стѣны древняго храма украшены были стѣнописью, и что найденный кусокъ принадлежалъ къ этой стѣнописи“.

„Если извѣстныя условія такъ важны для выясненія научнаго значенія вещественнаго предмета, какъ памятника археологическаго, то для памятниковъ собственно письменныхъ и устныхъ эти условія еще болѣе необходимы. Такъ, письменные памятники часто передаются въ спискахъ позднѣйшихъ свѣдѣнія о такой старинѣ древняго быта, отъ которой не сохранилось ни единаго свидѣтельства въ современныхъ рукописяхъ. Тогда всякая точная свѣдѣнія, указывающія на имя писателя, на время, когда написана была первоначальная рукопись, на мѣсто, где она была написана, служитъ драгоцѣнными данными для освѣщенія полнаго научнаго значенія этого письменнаго памятника“.

„То же самое можетъ быть сказано и о памятникахъ устныхъ.

Въ нихъ только потребность такихъ положительныхъ свѣдѣній еще ощущительнѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ археологическомъ памятнику. Устные памятники, какъ преданія или воспоминанія, запечатлѣвшіяся въ памяти народа, сами по себѣ такъ подвержены измѣненіямъ, толкованіямъ или даже искаженію, черпаютъ свое научное значеніе единственно только изъ полной извѣстности ихъ происхожденія. Безъ знанія времени, мѣста и причины происхожденія устныхъ памятниковъ, они утрачиваются для археологии всякое значеніе. Вообще, для всѣхъ остатковъ древняго быта, какого бы рода они ни были, необходимы извѣстныя условія, при которыхъ только они могутъ считаться настоящими археологическими памятниками“.

„Отсюда видно, что археологическимъ памятникомъ слѣдуетъ признать только тотъ остатокъ вещественный, только то письменное извѣстіе или устное свѣдѣніе, которыя поясняютъ намъ культурное состояніе древняго быта какого-либо народа въ извѣстную эпоху“. „Отсюда слѣдуетъ, что большее или меньшее значеніе каждого остатка древности зависитъ вполнѣ отъ извѣстныхъ внѣшнихъ условій, которыя можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ:

- а) знаніе, на какомъ мѣстѣ найденъ былъ или сдѣланъ былъ этотъ памятникъ;
- б) при какихъ обстоятельствахъ и въ какой обстановкѣ найденъ былъ этотъ памятникъ;
- в) къ какому времени онъ принадлежитъ, и, наконецъ, — формулируемъ на основаніи собственныхъ словъ графа, —
- г) каково ихъ происхожденіе, т.-е. къ какому „писателю“ или „народу“ они относятся.

„При достовѣрной извѣстности этихъ четырехъ главныхъ условій, самый, повидимому, незначительный остатокъ старины можетъ служить намъ важнымъ источникомъ для археологии. Кусокъ дерева или кусокъ камня, при такихъ условіяхъ, неоспоримо доказываетъ намъ существованіе деревянного или каменного зданія на извѣстномъ мѣстѣ, можетъ пояснить время, въ которое были воздвигнуты эти зданія и даже отчасти можетъ указывать на художественную сторону такихъ построекъ въ данную эпоху. Между тѣмъ, при полной неизвѣстности этихъ трехъ-четырехъ условій, кусокъ дерева или кусокъ камня лишаются всякаго научнаго значенія и остаются только простыми кусками дерева или камня“.

„Наконецъ, точное знаніе этихъ же четырехъ условій доставляетъ намъ убѣжденіе въ неоспоримой подлинности изучаемаго памятника, составляющее самое драгоценное свѣдѣніе для развитія всякой науки“.

Все это,—мы знаемъ изъ дипломатики, — отличительныя, существенные свойства документальныхъ памятниковъ, сама природа документа. И въ археологии—то же самое. „Вещественные памятники,—говорить графъ Уваровъ, — достигаютъ прямого значенія историческихъ документовъ“. „Они не только замѣняютъ всякия лѣтописи, но даже представляются намъ какъ бы обломками внезапно застывшей жизни далекаго древняго міра“. Съ этими четырьмя свѣтящимися точками,

какъ съ волшебной лампой Аладина, археологической памятникъ выводится изъ какой угодно тьмы вѣковъ и, безмолвный дотолѣ свидѣтель, онъ заговорить краснорѣчиво въ опытныхъ рукахъ ученаго изыскателя.

„Если вникнуть поглубже въ изученіе вещественныхъ памятниковъ, то будемъ поражены, какую наглядную и осозательную лѣтопись они раскрываютъ передъ нами! Надо только умѣть прочесть ее и ею пользоваться. Если за примѣромъ мы обратимся къ мѣстностямъ, лежащимъ на берегахъ Чернаго моря, то увидимъ цѣлое царство и богатыя поселенія, какъ бы забытыя всѣми древними писателями. Такъ они мало и такъ рѣдко вспоминаются ими. Не по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Страбономъ, Діодоромъ или Поліеномъ, возможно было разъяснить исторію Босфорскаго царства и возсоздать забытыя имена царей и происшествія, а только съ помошью монетъ, надписей и другихъ вещественныхъ памятниковъ, открытыхъ въ Керчи и на Таманскомъ полуостровѣ, возможно было возстановить и объяснить исторію и даже внутреннее состояніе этого царства“.

Попутно съ разрѣшеніемъ вопроса объ археологическомъ памятнику въ его существѣ, какъ объ историческомъ источнику, мы видѣли, что графомъ Уваровомъ разрѣшается и другой вопросъ—относительно объема археологии.

Какого именно рода памятники-источники составляютъ достояніе археологии вообще и русской въ частности? „Всѣ остатки нашей древней жизни“, потому что всѣ они могутъ служить „источниками для русской археологии“ и „для русской исторіи“.

Что касается классификаціи памятниковъ, то графъ Уваровъ даетъ слѣдующее перечисленіе ихъ.

„Всѣ остатки нашей древней жизни, не смотря на то, какому они народу принадлежали, какъ источники русской археологии, должны, по моему мнѣнію, быть раздѣлены на три главные разряда:

„I. Памятники вещественные (искусственные?), или вещественные остатки быта, ремесль и искусствъ древнихъ обитателей Россіи“.

„II. Памятники письма и языка (филологическіе, письменные?), или свидѣтельства писаныя, также и предметы, украшенные надписями или письменами.

„III. Памятники устные, или преданія о дѣяніяхъ, происшествіяхъ, вѣрованіяхъ и обычаяхъ, сохранившіяся въ памяти народа задолго прежде, чѣмъ были внесены въ писаныя лѣтописи или сборники“.

По этимъ тремъ группамъ графъ Уваровъ распредѣляетъ всѣ различные роды и виды памятниковъ. Соответственно тому онъ строить и систему археологическихъ наукъ. Но въ эти подробности мы не имѣемъ времени входить сейчасъ.

„Послѣ пониманія объема русской археологии въ такомъ обширномъ смыслѣ, ясно, что и археология *) вообще не можетъ уже быть умалена до того пониманія, которое было въ ходу еще въ началѣ нашего столѣтія“— говорить графъ Уваровъ. „Нельзя ужъ больше огра-

ничивать археологію *) одною исторією художествъ или однимъ изученiemъ вещественныхъ источниковъ". И „археографія“, напримѣръ, стоитъ не вnѣ археологіи: она есть только „часть археології“. Такова „обширность предъловъ, до которыхъ наука въ наши дни раздвигаетъ границы археології“.

Такимъ образомъ, графъ Уваровъ приходитъ къ заключенію, что „предметъ археологической науки“ составляютъ „всю памятники, какою бы ни было рода, оставшиеся отъ древней жизни народовъ“, всякия „древности“, какъ онъ иногда называются. Въ частности—„остатки и памятники, напримѣръ, древнейшей эпохи составляютъ предметъ особой отрасли археології“, получившой название „доисторической, или первобытной археології“ и т. д.

Въ зависимости отъ установленнаго, такимъ образомъ, предмета археологіи, во всемъ его объемѣ, опредѣляется и задача этой науки.

Если предметъ этой науки—археологический памятникъ вообще, какъ исторический источникъ, то, очевидно, задача ея—„прочесть“ и „объяснить“ памятникъ, „раскрыть“ его содержаніе, извлечь изъ него заключающееся въ немъ историческое свидѣтельство. Археологія, — говоритъ графъ Уваровъ, — „должна сперва указать на значеніе этого памятника въ тѣ времена, къ которымъ онъ принадлежитъ; потомъ опредѣлить, насколько этотъ памятникъ, самъ по себѣ, разъясняетъ древній бытъ своего времени или насколько онъ пополняетъ свѣдѣнія недостаточно ясныя или недостаточно точныя, дошедшія до насъ посредствомъ другихъ памятниковъ той же эпохи“. Такимъ путемъ археологія, изучая памятники, „раскрываетъ намъ картину древняго быта, въ мельчайшихъ его подробностяхъ, въ его вѣрованіяхъ, обычаяхъ и въ памятникахъ“. „Главной нашей цѣлью,— говоритъ онъ, какъ русскій археологъ, — является „изученіе памятниковъ древности нашего отечественнаго быта“. Наше знаніе о памятникахъ должно быть полное. Но не будемъ касаться здѣсь этой технической стороны дѣла, какъ ни великолѣпно и полно очерчена она у графа.

На основаніи всего сказаннаго какъ же формулируется опредѣленіе археологіи, по ея предмету и соответственно ея задачѣ? „Археологія, какъ видно изъ самаго производства этого слова (*ἀρχαιοτεս* и *λόγος*), — говоритъ графъ Уваровъ, — означаетъ *науку о древностяхъ*. Археологія въ точномъ смыслѣ слова есть „наука, которая занимается *исследованіемъ вещественныхъ памятниковъ*“, какъ „документовъ о древнемъ бытѣ“. Переводя это на современный языкъ науки, мы можемъ сказать такъ. Археологія есть *историческое источниковѣдѣніе*. Это—общее источниковѣдѣніе, обнимающее собою источниковѣдѣнія вещественное, письменное и устное, со всѣми ихъ внутренними подраздѣленіями.

Но графъ Уваровъ не останавливается на этомъ. Успѣхи археологіи, въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. вещественной археологіи, въ его время были слишкомъ велики. Открывающіяся въ памятникахъ

*) Въ текстѣ стоитъ собственно „задача археології“, „задачу археології“, но никакой задачи здѣсь не указывается, а смыслъ относится къ предмету археології. О задачѣ археології см. ниже.

извлеченныхъ изъ нѣдръ земли, картины древнѣйшей жизни, считавшися дотолѣ за предѣлами человѣческаго знанія, слишкомъ ярки.

„На нашихъ глазахъ,—говорить графъ,—совершенно измѣнилось знаніе исторіи Востока. На основаніи однихъ вещественныхъ памятниковъ раскрылись, для исторіи Ассирии и Египта, новыя происпествія, объяснились новыя царствованія, и опредѣлились новыя династіи, не говоря уже о тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя мы узнали о вѣрованіяхъ и внутреннемъ бытѣ этихъ народовъ“,—свѣдѣніяхъ, относящихся „ко временамъ миѳическимъ“.

Собственныя открытія графа на русской почвѣ были такъ замѣчательны, его личныя переживанія такъ завлекательны. Вотъ, напримѣръ, грандіозныя раскопки въ Ростово-Сузdalльскомъ краѣ. „Нѣмыя могилы,—свидѣтельствуетъ современникъ графа Л. И. Майковъ,—заговорили, и предъ нимъ раскрылась въ замѣчательной полнотѣ жизнь Мери, одного изъ финскихъ народцевъ, обитавшихъ нѣкогда въ средней Россіи, о которомъ мы до сихъ поръ ничего не знали изъ письменныхъ памятниковъ, кроме его имени“. Въ результатѣ „всесторонней и законченной разработки собраннаго такимъ образомъ матеріала“—появилась книга „Меряне и ихъ бытъ“ — „классическая работа гр. Уварова“.

Вотъ „одно изъ замѣчательнѣйшихъ открытій на русской почвѣ: въ с. Карабаровѣ, Владимірской губ., онъ нашелъ остатъ мамонта вмѣстѣ съ грубыми каменными орудіями и, такимъ образомъ, представилъ яркое доказательство обитаемости центральной Россіи въ палеолитическую эпоху“. Это—открытіе, которое повлекло за собою „общее изученіе памятниковъ каменного вѣка въ Россіи. И результатъ этого изученія,—продолжаетъ Майковъ,—уже предъ нами въ двухъ томахъ, заключающихъ въ себѣ не только описание находокъ каменныхъ орудій на русской почвѣ, но и полную картину жизни древнійшихъ обитателей Россіи“.

Да, соглашается графъ Уваровъ. „Времена, которыя теперь объясняются доисторической археологіею, относятся къ такой глубокой древности, что она не можетъ теперь быть исчислена ни годами, ни даже столѣтіями. Единственными лѣтописями такой старины являются издѣлія человѣка и памятники, которые онъ сооружалъ. По нимъ археология читаетъ и объясняетъ судьбы человѣчества въ эти отдаленные времена“; она, начиная съ каменного периода, вмѣстѣ съ первыми слѣдами человѣка, излагаетъ „состояніе его на первой степени культурнаго развитія“. И далѣе, вмѣстѣ съ разнообразными находками, этими „новыми доказательствами культурнаго развитія первобытнаго человѣка“, слѣдитъ „нить этого постепеннаго развитія“, даетъ „полную картину всего быта минувшихъ временъ“. Что касается русской археологии, то „мы можемъ,—говорить графъ,—опредѣлить русскую археологію, какъ науку, занимающуюся изслѣдованіемъ древняго русскаго быта по памятникамъ, оставшимся отъ народовъ, изъ которыхъ сперва сложилась Русь, а потомъ русское государство. Итакъ, вообще археология есть „наука, изучающая древній бытъ народовъ по всѣмъ па-

мятникамъ, какого бы ни было рода, оставшимся отъ древней жизни каждого народа“.

Такимъ образомъ, центръ тяжести съ мертвыхъ памятниковъ, какъ средствъ для изученія древняго быта, переносится на самый бытъ, т.-е. жизнь народа, о которой свидѣтельствуютъ памятники. Археологія изъ „науки о древностяхъ“ превращается въ „науку о древности“. Одинъ предметъ ея подмѣняется другимъ. „Ея дѣятельность обращена на изученіе древняго быта по всѣмъ памятникамъ, оставшимся отъ древней жизни каждого народа, какого бы рода они ни были“. „Археологія, со своими разнообразными отдѣлами представляется всеобъемлющою, охватывающею цѣлый бытъ народа“.

Здѣсь уже археологія, — говоритъ графъ Уваровъ по поводу международныхъ археологическихъ съѣздовъ, —*восходитъ „до поясненія общихъ законовъ природы, которые постепенно раскрываютъ намъ первона-чальную исторію человѣчества“*. Это — съ одной стороны. Съ другой стороны, „не смотря на давно прошедшія времена, она, все-таки, объясняетъ намъ начало и причину того, что насъ доселе окружаетъ“.

При такомъ взгляде выходило, что археологія утрачивала вспомогательную роль по отношенію къ исторіи. „Теперь можно, я полагаю, сознаться, — говорилъ графъ Уваровъ, — что (такая) наука не можетъ считаться наукой второстепеннаго значенія или только вспомогательною наукой“. „Исторія, равно какъ и археологія, онъ обѣ суть отрасли одной и той же общей науки, — бытописанія народа“.

Здѣсь археологія до такой степени сближается съ исторіею, что графъ Уваровъ находитъ возможнымъ говорить объ „источникахъ археологіи“, подобно тому, какъ говорится объ „источникахъ исторіи“.

Гдѣ же тогда различіе между археологіею и исторіею, оправдывающее ихъ самостоятельное, отдѣльное существованіе?

По его, графа, заключенію, „не предметъ ихъ изслѣдованій составляетъ существенное между ними различіе, а самый способъ или методъ, употребляемый при этихъ изслѣдованіяхъ“.

„Археологический методъ изслѣдованія обращаетъ вниманіе не столько на вещественные памятники по преимуществу, сколько отыскиваетъ во всякомъ источнике, какъ письменномъ, такъ и устномъ, ту детальнуу его сторону, которая раскрываетъ намъ подробности, хотя и мелкія, но иногда такія важныя, что онъ кажутся какъ бы еще живыми остатками древняго быта“.

Между тѣмъ, какъ по историческому методу, или „съ исторической точки (зрѣнія) разбираются историческая события“ — въ тѣхъ же самыхъ памятникахъ. Въ этомъ отношеніи „обѣ науки себя взаимно пополняютъ“, и археологія и исторія являются *родными сестрами*, какъ ихъ величаетъ графъ Уваровъ. Русскую археологическую науку онъ находитъ возможнымъ разматривать „какъ необходимую вѣтвь отечественной исторіи“.

Такимъ образомъ, провозглашенный графомъ А. С. Уваровымъ „археологический методъ“ не есть какой-либо логической пріемъ изслѣдованія, а просто особое, въ то время, полстолѣтія назадъ, дѣйствительно новое направление исторического изслѣдованія, обращенное въ

сторону „общественного и внутреннего быта народа“, или культуры, на что ранѣе исторія не обращала вниманія, довольствуясь изложеніемъ однихъ политическихъ фактovъ, или виѣшнихъ событій (*histoire bataille* Монтеня).

Графъ Уваровъ вводить еще нѣкоторое размежеваніе, вѣрнѣе, механическое раздѣленіе, между собственно исторіей и археологіей, именно въ хронологическомъ направлениі. Принимая условно установленное на археологическихъ съѣздахъ опредѣленіе конца древней русской археологіи XVII вѣкомъ, въ частности 1700-мъ годомъ, какъ рубежемъ для петровскихъ преобразованій, онъ выводитъ начало археологіи за предѣлы исторіи къ первобытнымъ временамъ каменнаго, бронзоваго и желѣзного вѣковъ и принимаетъ ограниченіе исторіи такъ называемымъ историческимъ періодомъ. „Возникшую предъ нашими глазами новую отрасль археологіи,—говорить онъ,—обозначали названіемъ доисторической, указывая этимъ названіемъ, что эти новые выводы, пріобрѣтенные археологію, ничего не имѣютъ общаго съ исторію, хотя и пополняютъ ее несмѣтнымъ числомъ столѣтій“. Съ своей стороны, онъ находитъ, что „выводы, полученные путемъ археологического анализа, и выводы, полученные путемъ исторического изслѣдованія, имѣютъ много общаго, хотя и остаются на разнородныхъ почвахъ. Первые изъ нихъ, какъ бы воочію возстановляя быть прошедшій, иногда не встрѣчаютъ никакого разъясненія въ историческихъ изслѣдованіяхъ. Они остаются тогда совершенно новыми, иногда неожиданными выводами и не могутъ быть даже включены въ исторію“. „Однимъ словомъ, археологія начинаетъ существовать за такими предѣлами, за которые исторія не простирается. И вообще все эти свѣдѣнія, выработанныя доисторическою археологіей, или добытыя археологическими изслѣдованіями въ могилахъ, курганахъ, насыпяхъ, городищахъ и проч., не могутъ быть разрѣшены историческимъ путемъ, а потому остаются *неотъемлемою собственностью одной археологии*“.

Такимъ образомъ, археологія у графа Уварова не только возвышается до исторіи, но въ нѣкоторомъ отношеніи, именно по хронологическому объему, даже превосходить ее.

Положимъ, что въ общей экономіи человѣческихъ дѣлъ „излишество, — если вѣритъ Вольтеру, — въ высшей степени необходимая вещь“. Оно необходимо имѣло мѣсто и въ дѣлѣ археологіи, въ известную пору ея развитія, что и неудивительно для этой „молодой науки“. Но, можетъ быть, мы вправѣ поставить теперь вопросъ. Не достаточно ли необъятенъ, неисчерпаемъ, безконечно разнообразенъ, необычайно сложенъ прямой предметъ археологіи—памятники, какъ исторические источники,—чтобы извлеченные изъ нихъ, въ свою очередь безчисленные и сложнѣйшіе, факты человѣческаго бытія нашей археологіи, какъ науки источниковѣдѣнія, надлежало сложить къ ногамъ исторіи, какъ науки жизневѣдѣнія?

Во всякомъ случаѣ, послѣ графа А. С. Уварова и его современника И. Е. Забѣлина, никто, кажется, не выступалъ у настѣ печатно съ такими широкими и глубокими размышеніями, которыхъ бы обни-

мали и проникали собою всю область археологии съ исторіей въ придачу. Но за истекшее время усиления многочисленныхъ дѣятелей археологии накоплены новые материаля и опыты, дѣлались и частичные попытки для разрѣшения общихъ отвлеченныхъ вопросовъ. Поэтому, теперь снова является потребность подняться на степень теоретического, философского пониманія археологии въ обширномъ смыслѣ слова, въ связи ея съ исторіей.

Наука, вѣдь, говоря словами Владимира Соловьевъ, есть „объективно-достовѣрное и систематическое знаніе о дѣйствительныхъ явленіяхъ...“ „Оба эти условія ставить науку въ неизбѣжную связь съ философіей, какъ такой областью, въ которой, во-первыхъ, окончательно провѣряются понятия и принципы, безотчетно предполагаемые различными науками, во-вторыхъ, сводятся къ всеобъемлющему единству всѣхъ частныхъ обобщеній этихъ наукъ...“

Этой степени пониманія достигли уже такія обширныя группы знаній, какъ исторія—*въ философии исторіи* и наука права—*въ общей теоріи права*. „Нѣть настоящей науки безъ философіи, нѣть права въ наиболѣе высокомъ смыслѣ слова безъ философіи права“ — говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ теоретиковъ въ области права Луи Бридель.

Тамъ считается, что, безъ твердаго отчетливаго знанія основныхъ положеній, безъ обстоятельного знакомства съ вопросами, общими всѣмъ юридическимъ наукамъ, безъ яснаго представлениія всей системы юридическихъ наукъ, безъ методологическихъ свѣдѣній,—невозможно плодотворное изученіе специальныхъ наукъ. Если общіе вопросы права рѣшать для своего домашняго обихода каждому представителю специальной юридической науки, то это бы послужило въ ущербъ громадному специальному материалу, ожидающему отъ него разработки. Отъ этого должна избавить ихъ общая теорія, или философія права.

Она береть на себя, во-первыхъ, изслѣдованіе вопросовъ, общихъ всѣмъ юридическимъ наукамъ, во-вторыхъ, изслѣдованіе основныхъ задачъ, или проблемъ, права, въ-третьихъ, построеніе всей системы права въ видѣ одного логическаго организма и, въ-четвертыхъ, наконецъ, изученіе тѣхъ методовъ и приемовъ, при помощи которыхъ разрабатываются юридическая науки.

Она, съ одной стороны, подвергаетъ критическому разсмотрѣнію и обобщенію материалъ, доставляемый специальными юридическими науками; съ другой стороны, даетъ руководящія указанія представителямъ специальныхъ юридическихъ наукъ; служитъ маякомъ, освѣщающимъ пути специалистамъ, не дозволяя превратиться имъ въ людей, изъ-за деревьевъ не видящихъ лѣса. Въ такой постановкѣ наука общей теоріи права служить и *введеніемъ* въ изученіе права, показывая величие этой области знанія, пробуждая интересъ къ ея вопросамъ, и—*завершеніемъ* всѣхъ юридическихъ наукъ, являясь могучимъ факторомъ дальнѣйшаго развитія права.

Что сказать намъ теперь объ археологии, этой обширнѣйшей области человѣческаго знанія, безпредѣльной, можно сказать, въ своемъ объемѣ, гигантскими шагами уходящей въ глубь вѣковъ прошедшихъ

и вѣчно бѣгущей въ даль вѣковъ грядущихъ,—области, въ то же время ближайшей нашему сознанію и потому важнѣйшей, безъ которой не существовало бы науки исторіи вообще и права вѣ частности?

Что иное, какъ не пожелать горячо, чтобы создана была, наконецъ, и въ сферѣ нашихъ специальныхъ интересовъ, начала созидаться *общая теорія археологии?*

И если исполнилось уже завѣтное желаніе графа Уварова поднять археологію на высоту профессорской каѳедры въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, то нынѣ настоитъ нужда *въ созданіи новой каѳедры* для этой области научного знанія, каѳедры общей теоріи археологіи, которая была бы наилучшней данью памяти графа и, какъ особая каѳедра, явилась бы въ наше время первою въ Европѣ.

Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ, какъ художественный дѣятель.

Н. В. Некрасова.

Нерѣдко дѣятелямъ науки и искусства приходится пріобрѣтать общее развитіе и специальная знанія при весьма трудныхъ условіяхъ: и материальный недостатокъ, и невѣжественность среды становятся тормазомъ на ихъ дорогѣ, часто, притомъ, настолько серьезнымъ, что не даютъ вполнѣ развиться ихъ силамъ. Нерѣдко, затѣмъ, у такихъ дѣятелей суживается поле активной работы въ избранной области изъ-за необходимости искать заработка въ другихъ, не связанныхъ съ ихъ стремленіями, дѣлахъ. Тѣмъ зато радостнѣй сознаніе, что тяжелая внѣшнія условія не стояли на пути лица, отмѣченного выдающими дарованіями, что, наоборотъ, обстановка содѣйствовала проявленію его талантовъ, энергіи, любви къ науки и что его дѣятельность развилась въ томъ масштабѣ, который соотвѣтствовалъ уровню его способностей и пріобрѣтенныхъ знаній.

Къ такимъ именно людямъ принадлежалъ графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ. Сынъ известнаго ученаго филолога, президента академіи наукъ графа Сергея Семеновича Уварова, графъ Алексѣй Сергѣевичъ въ дѣтствѣ и юности жилъ въ сферѣ науки и искусства: превосходная библіотека и музей его отца, ученые споры о предметахъ науки и литературы были тѣми благотворными впечатлѣніями, среди которыхъ онъ развивался. Далѣе слѣдовали: петербургскій историко-филологический факультетъ, имъ оконченный, и пребываніе въ заграничныхъ университетахъ—берлинскомъ и гейдельбергскомъ. О материальныхъ стѣсненіяхъ, конечно, не могло быть и рѣчи. Все это дало возможность не только свободно развиться дарованіямъ графа, но опредѣлило и направление его дѣятельности. Графъ Алексѣй Сергѣевичъ сдѣлался ученымъ, но онъ не сталъ только кабинетнымъ ученымъ: онъ обладалъ способностями и стремленіями къ общественной дѣятельности. Между людьми онъ не признавалъ другой разницы, кромѣ умственной и нравственной, и это драгоценное качество открыло ему возможность окружать себя достойными лицами и тѣмъ способствовало успѣху его общественной дѣятельности. Ее онъ посвятилъ самымъ дорогимъ своимъ интересамъ, интересамъ науки и просвѣщенія.

I.

По условіямъ своего воспитанія и образованія и той среды, въ которой протекли его дѣтство и юность, онъ не могъ быть чуждымъ искусству, не могъ не сознавать его значенія, какъ одного изъ видныхъ рычаговъ культуры. Его знаменитое имѣніе Порѣчье—цѣнныи музей. Но наряду съ коллекціями научного характера тамъ отведено должное мѣсто и предметамъ искусства. Графъ никогда не закрывалъ своего собранія для лицъ, серьезно занятыхъ дѣломъ: и ученые и художники имѣли туда не только свободный доступъ, но нерѣдко работали подъ его собственнымъ руководствомъ. Правда, многое досталось ему отъ отца, но онъ гораздо больше прибавилъ, и доставшееся по наслѣдству составляетъ лишь малую часть пріобрѣтенаго имъ лично.

Ставъ археологомъ и широко понимая задачи этой отрасли знанія, графъ сдѣлалъ не мало и для древняго искусства. Въ 1864 году открыло свои дѣйствія основанное имъ Московское Археологическое Общество. Въ первомъ же его засѣданіи графъ Алексѣй Сергеевичъ, въ своей вступительной рѣчи, отмѣтилъ, что одна изъ задачъ новаго Общества должна заключаться въ разработкѣ вопросовъ искусства, главнымъ же образомъ русскаго, и Московское Археологическое Общество постоянно обращало вниманіе на древности художественныя: классическія, восточныя, византійскія и, въ особенности, русскія. Между многими работами его членовъ по этимъ отдѣламъ самому графу принадлежать, между прочимъ, доклады: „Христіанскіе памятники Равенны“, „Взглядъ на архитектуру XII в. въ Сузdalскомъ княжествѣ“, „Объ архитектурѣ первыхъ деревянныхъ церквей на Руси“. Къ участію въ трудахъ Общества графомъ привлечены такія выдающіяся архитектурныя силы, какъ Мартыновъ, Даль, Артлебенъ. Графу же Алексѣю Сергеевичу принадлежала и самая мысль о необходимости русскихъ археологическихъ съѣздовъ; онъ также ихъ основатель, какъ и Московскаго Археологического Общества. При жизни графа, въ періодъ времени съ 1869 по 1884 годъ, состоялось шесть съѣздовъ. Какъ въ ихъ организаціи, такъ въ ихъ веденіи онъ принималъ самое дѣятельное участіе, являясь почти всегда ихъ предсѣдателемъ. И на всѣхъ бывшихъ при немъ съѣздахъ отводилось надлежапшее мѣсто вопросамъ художественнымъ. Такъ, на первомъ съѣздѣ былъ поднятъ вопросъ о вліяніи романской архитектуры на русскую, на второмъ—о древнихъ деревянныхъ церквяхъ въ Россіи, на третьемъ разбирались кіевская постройки, на пятомъ—грузинскія, на шестомъ—Херсонесъ и Византія, знакомство съ которыми необходимо для каждого художника, желающаго основательно изучить и понять русскій стиль.

Наши древніе исторические памятники, въ томъ числѣ и памятники художественные, нашли въ покойномъ горячаго защитника отъ искаожателей и разрушителей. На второмъ Археологическомъ Съѣздѣ, бывшемъ въ 1872 году, онъ ставитъ вопросъ о мѣрахъ къ сохраненію памятниковъ и предлагаетъ ходатайствовать предъ правительствомъ

объ учрежденіи ученаго за ними надзора на всемъ пространствѣ Россіи. Дѣло, поднятое графомъ, получило дальнѣйшее движеніе. 14 мая 1876 г. министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ Московское Археологическое Общество, что, по его ходатайству, организуется при Министерствѣ комиссія для разсмотрѣнія проекта, выработаннаго вторымъ Археологическимъ Съѣздомъ о мѣрахъ къ сохраненію памятниковъ древности. Въ комиссию долженъ былъ войти одинъ членъ отъ Московскаго Археологического Общества, по его выбору. Выборъ палъ на графа Уварова. Эта комиссія, засѣдавшая въ Петербургѣ, въ январѣ 1877 года, отнеслась весьма серьезно къ своей задачѣ; она выработала программу правиль о сохраненіи памятниковъ и оставила послѣ себя печатную брошюру, въ которой разобраны: различные виды памятниковъ, мѣры правительства къ ихъ охранѣ, грустныя случайности, доказывающія, что эти мѣры не достигаютъ цѣли, иностранныя учрежденія для сохраненія памятниковъ и недостатокъ у насъ особаго органа для той же цѣли. Къ сожалѣнію, предсѣдатель комиссіи, князь А. В. Лобановъ-Ростовскій, въ скромъ времени получилъ другое мѣсто и выработанные правила остались безъ утвержденія. Съ тѣхъ поръ прошло свыше 30 лѣтъ и только теперь, въ началѣ 1909 года, въ Министерствѣ внутренніхъ дѣлъ учреждается новая комиссія для разработки закона объ охраненіи памятниковъ прошлаго, имѣющихъ историческую или художественную цѣнность.* Но дѣятельность этой комиссіи пока не закончена и судить о ея трудахъ и ихъ результатахъ еще преждевременно.

Хотя мысль о повсемѣстномъ ученомъ надзорѣ за памятниками осталась безъ исполненія, графу все же удалось добиться многаго. Такъ, по его ходатайству Св. Синодомъ издается въ 1877 году извѣстный указъ, обязывающій духовныхъ властей испрашивать при перестройкахъ храмовъ дозволенія ближайшихъ археологическихъ обществъ.

Но графъ Алексѣй Сергеевичъ оставилъ послѣ себя такой памятникъ, который одинъ навѣки закрѣпляетъ его имя на страницахъ русской культуры. Этотъ памятникъ — созданный его заботами Исторический Музей въ Москвѣ.

Въ маѣ 1881 года покойный императоръ Александръ III всецѣло поручилъ графу устройство Музея. Графъ былъ назначенъ товарищемъ предсѣдателя Музея и предсѣдателемъ его строительной комиссіи, а для рѣшенія художественно-научныхъ вопросовъ въ помошь графу по временамъ собиралась такъ называемая ученая комиссія.

Графъ получилъ въ свое распоряженіе только голыя стѣны музеискаго зданія безъ оконъ, безъ дверей, даже безъ потолковъ, изъ коллекцій одну библіотеку Хмырова, да мало подходящіе къ цѣли остатки Севастопольского отдѣла Политехнической выставки. Словомъ, все нужно было начинать сначала, но въ самый короткій срокъ для такого сложнаго дѣла, всего въ два года времени, общирное музейское зданіе было приведено въ полный порядокъ, отдѣлано 10 залъ

*) „Старые Годы“. 1909 г., февраль, стр. 55, и мартъ, стр. 146.

и собрано коллекцій въ количествѣ 15,000 номеровъ. Въ іюнь 1883 г. Музей уже открыли для публики. И вся эта колоссальная работа была выполнена, благодаря неутомимой энергіи графа, не щадившаго здѣсь ни своихъ силъ, ни здоровья.

Въ основу новаго хранилища была положена задача—представить въ вещественныхъ памятникахъ и изображеніяхъ старины духовный обликъ русской народности во всемъ составѣ разнородныхъ племенъ Россіи, во всѣ велікіе моменты ея жизни и во всѣхъ видоизмѣненіяхъ ея исторіи и быта. Въ Музѣѣ было отведено и должное мѣсто для систематического изученія древняго искусства на всемъ пространствѣ Россіи въ оригиналахъ или точныхъ копіяхъ и слѣпкахъ.

По мысли графа, Музей получиль вполнѣ научный характеръ, но, помня, что тотъ же Музей долженъ имѣть и общеобразовательное значеніе, имъ проектируется орнаментація залъ; этому же интересу публики должны были служить рядъ историческихъ картинъ, а также въ одной изъ небольшихъ залъ устройство образцовой комнаты боярина XVI или XVII вѣка со всей ея бытовой обстановкой.

Проходя въ хронологической послѣдовательности по десяти отдѣланнымъ при графѣ заламъ, легко замѣтить, что орнаментація карнизовъ, наличниковъ, дверей и оконъ въ первыхъ изъ нихъ, начиная съ двухъ залъ каменнаго вѣка, взята прямо съ древнихъ вещей, расположенныхыхъ большою частію тутъ же въ витринахъ. Такого рода орнаментація ставить въ живую связь стѣны залъ съ господствующимъ вкусомъ эпохи: мотивы этихъ орнаментовъ предъ глазами зрителя дѣлаютъ самый вкусъ болѣе яснымъ и замѣтнымъ. Въ залахъ ранняго періода орнаментація заимствована съ мелкихъ вещей, но въ залахъ болѣе позднихъ эпохъ украшенія стѣнъ берутся уже всецѣло съ наиболѣе характерныхъ архитектурныхъ памятниковъ или, точнѣе, копіи и слѣпки съ украшеній этихъ архитектурныхъ памятниковъ переносятся прямо на стѣны Музѣя.

Подъ руководствомъ графа и при его содѣйствіи въ выборѣ научнаго материала, архитекторомъ А. П. Поповымъ составлялись рисунки для орнаментаціи всѣхъ залъ Музѣя. Рисунковъ составлено для 40 залъ, т.-е. для тѣхъ десяти, которыя были закончены при графѣ, и сверхъ того еще для 30. Послѣдовательный просмотръ этихъ рисунковъ даетъ ясное представление о томъ, что орнаментація музейскихъ залъ должна явиться глазамъ посѣтителя наглядной лѣтописью архитектурныхъ и вообще художественныхъ вкусовъ за прежнее время.

Желая воспользоваться живописью на историческія темы, графъ Алексѣй Сергеевичъ относился съ большой строгостью къ выбору художника, принимая всегда во вниманіе тѣ особенности художественнаго таланта, которыя должны соотвѣтствовать избранному сюжету.

Живопись, по мнѣнію графа, не должна заслонять научнаго материала Музѣя. Она должна только помогать воображенію посѣтителя перенестись въ отдаленную эпоху или сдѣлать нагляднымъ описание какого-либо древняго обряда или событія. При графѣ были исполнены В. М. Васнецовымъ его извѣстная картина: „Бытовыя сцены изъ жизни

людей каменного века", Г. И. Семирадскимъ двѣ картины: „Похороны Русса въ Булгарѣ" и „Святославъ у Силистріи. Ночная жертвооприношенія. Изъ войны Святослава съ Ioannomъ Цимисхіемъ". Кромѣ того, И. К. Айвазовскимъ — „Видъ Керченского пролива или Воспора Киммерийскаго". Всѣ четыре картины писаны на полотнѣ, искусно потомъ натянутомъ на стѣны, такъ что онъ производятъ впечатлѣніе какъ бы фресковой живописи. Произведеніе Васнецова находится въ той залѣ, гдѣ помѣщены предметы каменного века; своимъ сюжетомъ оно даетъ возможность вполнѣ перенестись въ ту отдаленную эпоху; работы Семирадского, украшая стѣны одной изъ соседнихъ залъ, придаютъ болѣе жизненнаго интереса находящимся въ этой залѣ погребальными урнамъ. Видъ Воспора Киммерийскаго, исполненный Айвазовскимъ, изображенъ на аркѣ той залы, которая посвящена памятникамъ греческихъ поселеній на берегахъ Чернаго моря, — Ольвіи и Пантикопеи. Но, помимо той цѣли, для которой въ Музей вводилась историческая живопись, всѣ четыре произведенія интересны и какъ выдающіеся образцы русской школы живописи. Несомнѣнно, при выполненіи всего плана графа относительно историческихъ картинъ достигалась бы сама собой и другая цѣль: та же русская школа могла получить цѣнныя для себя приращенія.

Изъ залъ, законченныхъ при графѣ, зала памятниковъ до X в. посвящена древнему христіанскому искусству. Все въ этой залѣ — копіи съ живописи катакомбъ, копіи съ древнихъ равенскихъ и византійскихъ мозаикъ, слѣпки съ саркофаговъ и статуй — вводятъ въ глубоко-интересный міръ искусства того далекаго времени. Ея памятники не находятся въ непосредственной связи съ задачами Музея; они преслѣдуютъ хотя и болѣе отдаленную, но весьма важную цѣль. По своей связи съ искусствомъ византійскимъ, они даютъ возможность изучить то состояніе, въ которомъ находилось это искусство во время крещенія Руси, и какія заимствованія были сдѣланы у него нашимъ искусствомъ.

Изъ собранныхъ графомъ Уваровымъ коллекцій для Исторического Музея имѣются въ особенности художественное значеніе прекрасныя копіи профессора Адріана Викторовича Прахова съ древнихъ мозаикъ, между прочимъ, съ мозаикъ города Киева; съ кievскихъ же барельефовъ, саркофаговъ и узорныхъ плитъ дѣлали слѣпки скульпторъ Севрюгинъ. Въ залѣ памятниковъ греческихъ поселеній на берегахъ Чернаго моря изслѣдователь и любитель искусства найдутъ богатый для себя матеріалъ. Въ Музей же находятся драгоценныя акварели русскихъ древностей работы Мартынова. Эти акварели пожертвованы, по инициативѣ графа, Московскімъ Археологическимъ Обществомъ.

Здѣсь не имѣется въ виду представить подробный обзоръ всѣхъ художественныхъ коллекцій Музея, но и сказанного достаточно, чтобы понять, какимъ богатымъ источникомъ онъ является для изученія искусства.

II.

Такова была художественная дѣятельность графа Уварова, дѣятельность, тѣсно связанная съ его трудами, какъ археолога. Но графъ Алексѣй Сергеевичъ работалъ на нивѣ русскаго искусства и какъ такового.

Въ концѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія образовался небольшой кружокъ лицъ, интересующихся искусствомъ. Душою этого кружка стали преданные друзья послѣдняго—С. И. Миллеръ, М. Е. Криштат-фовичъ и П. И. Миллеръ, принадлежавшіе къ лучшимъ интеллигентнымъ силамъ тогдашней Москвы. Здѣсь, среди занятій искусствомъ и бесѣдъ о немъ, возникла мысль основать въ Москвѣ общество, главною цѣлью котораго было бы не воспитаніе художниковъ, но содѣйствіе дальнѣйшему развитію наиболѣе талантливыхъ изъ нихъ по выходѣ изъ художественно-образовательной школы. Мысль эта получила осуществленіе благодаря, главнымъ образомъ, энергіи и настойчивости трехъ перечисленныхъ лицъ. Въ 1860 году утверждается уставъ Московскаго Общества Любителей Художествъ, а въ 1861 году Общество открываетъ уже свои дѣйствія и его первымъ предсѣдателемъ избирается С. И. Миллеръ. Новое учрежденіе становится тѣмъ художественнымъ центромъ, куда вступаютъ лучшіе художники того времени, образованные любители и знатоки искусства, писатели по этой отрасли знанія и коллекціонеры. Въ спискахъ второго года жизни Общества значится уже и имя графа Алексѣя Сергеевича Уварова; а отчетъ Общества за тотъ же годъ отмѣчаетъ графа, какъ одного изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ. 23 ноября слѣдующаго, 63-го года онъ избирается предсѣдателемъ Общества Любителей и состоить въ этой должности непрерывно по 1876 году, т.-е. въ теченіе свыше 13 лѣтъ. Хотя въ 1864 году граffомъ, какъ выше указано, было основано Московское Археологическое Общество, потребовавшее отъ него много силъ и заботъ, онъ находить время отдавать свой трудъ и новому художественному учрежденію. Выдающіяся способности графа къ общественной дѣятельности и широта его взглядовъ сказались и здѣсь: графъ умѣлъ собирать вокругъ себя людей, любящихъ искусство и желавшихъ быть ему полезными. Къ виднымъ дѣятелямъ Общества того времени принадлежалъ его секретарь Леонидъ Никитичъ Панинъ, состоявшій въ этой должности съ конца 1865 года по день своей смерти—28 марта 1870 г. Горячій любитель искусства и его знатокъ, онъ такъ дорожилъ совмѣстно службою съ граffомъ, что говорилъ: „я служу до тѣхъ поръ, пока служитъ графъ Алексѣй Сергеевичъ“, а одинъ изъ уважаемыхъ членовъ Общества, извѣстный граверъ и собиратель Николай Семеновичъ Мосоловъ, въ своемъ разсказѣ намъ о томъ времени, вспоминалъ о графѣ съ большой теплотою, какъ о дѣятельѣ, котораго любезность, такъ и желаніе общественной пользы содѣйствовали стремленію членовъ придать вполнѣ культурный обликъ жизни и дѣятельности самого Общества. Способность и желаніе

графа Алексѣя Сергиевича быть такимъ предсѣдателемъ, вокругъ кото-
раго объединялись бы другія лица, отразились весьма благотворно на
увеличеніи количества членовъ. Въ 1863 году ихъ было: 4 пожиз-
ненныхъ, 49 любителей и 32 художника. Эти цифры, постоянно про-
грессируя, достигли въ 1876 году, послѣднемъ изъ времени предсѣ-
дательства графа, значительно большаго уровня. По спискамъ того
года числится, кроме 7 почетныхъ членовъ, уже 12 пожизненныхъ,
156 членовъ-любителей и 66 членовъ - художниковъ. Въ числѣ же
ближайшихъ сотрудниковъ графа—членовъ Комитета—были лица, труды
которыхъ не прошли безслѣдно для исторіи русскаго искусства и
имена которыхъ уже занесены на ея страницы. Въ это свѣтлое въ жизни
Общества время такими близкайшими сотрудниками, кроме Леонида
Никитича Панина, были: оба брата Третьяковы, Дмитрій Петровичъ
Боткинъ, Козьма Терентьевичъ Солдатенковъ, наши художники Сав-
расовъ, Перовъ, Шмельковъ, Владимира Егоровича Маковскаго.

Жизнь Общества, какъ въ тѣхъ внѣшнихъ проявленіяхъ, которы-
ыми оно соприкасалось съ широкими слоями публики, такъ и внутри
его самого, протекала въ то время согласно завѣтамъ, положеннымъ
въ его основаніе. Однимъ изъ главныхъ его дѣлъ было устройство
постоянной художественной выставки. Ею сразу достигались двѣ цѣли:
знакомить публику съ лучшими произведеніями стараго и новаго рус-
скаго и иностраннаго искусства изъ частныхъ коллекцій, а вмѣстѣ
съ тѣмъ дать возможность даровитымъ русскимъ художникамъ предъ-
являть публикѣ свои новыя, еще никому неизвѣстныя работы. Въ пе-
ріодъ предсѣдательства графа постоянная выставка держалась на
очень высокомъ уровнѣ: ее украшали портреты Боровиковскаго, Кип-
ренскаго, картины Бруни, Брюллова, Федотова, Трутовскаго, Перова,
Айвазовскаго, Шварца, Ге, Васильева, Рѣпина и другихъ, а изъ ино-
странцевъ работы Кнауса, Каульбаха, Альма Тадемы, Грэза, Тройона,
Розы Бонеръ, Мейсонье и др. Самъ графъ Алексѣй Сергиевичъ пре-
доставилъ въ 1864 году на одну изъ ея перемѣнъ свое старинное се-
ребро. Но истинной гордостью Общества, въ періодъ предсѣдательства
графа, по справедливости можетъ считаться знаменитая выставка пор-
третовъ достопримѣчательныхъ русскихъ людей, портретовъ, собран-
ныхъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Здѣсь публика, помимо истори-
ческаго интереса, съ которымъ была связана самая выставка, могла
любоваться и прекрасными образцами портретнаго искусства. Работы
Левицкаго, Кипренскаго, Боровиковскаго, Тропинина чередовались на
ней съ работами ихъ знаменитыхъ иностранныхъ собратьевъ: Виже
Лебренъ, Анжелики Кауфманъ, Рослена, Лампи. Въ 1872 году насту-
пало 200-лѣтіе со дня рожденія Петра Великаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ
должна была открыться Политехническая выставка и уже въ 1870
году въ Комитетъ Общества возбуждается вопросъ—отмѣтить пред-
стоящія событія въ отношеніи русскаго искусства. Для этой цѣли
была образована комиссія, въ которую вошелъ и графъ Алексѣй Сер-
гиевичъ. Комиссіей предположено было устроить выставку, которая
явила бы наглядной лѣтописью всего русскаго искусства въ его

главнѣйшихъ моментахъ, съ конца XVII вѣка и до 1872 г., и присоединить къ ней выставку произведеній художниковъ всѣхъ славянскихъ земель. Для XVII вѣка графъ Алексѣй Сергѣевичъ предложилъ воспользоваться вещами изъ его коллекцій: фотографіями замѣчательныхъ зданій, древнимъ серебромъ, стеклянными и фінифтяными издѣліями, медалями, гравюрами, а расходы по пересылкѣ работъ славянскихъ художниковъ выразилъ желаніе принять на свой счетъ. Къ сожалѣнію, всѣмъ этимъ прекраснымъ предложеніямъ, по разнымъ причинамъ, не пришлось осуществиться на дѣлѣ, но все же выставка 1872 года дала интересный обзоръ русской живописи какъ академической школы, такъ и позднѣйшей—реальной.

Кромѣ постоянной выставки, другимъ важнымъ дѣломъ Общества Любителей были конкурсы на денежныя преміи по всѣмъ отдѣламъ художествъ. Выдаваемыя за лучшія работы, онъ являлись поощреніемъ молодыхъ художниковъ, которые исключительно и доставляли свои произведенія на конкурсъ; при томъ конкурсы дѣлались ежегодно; премія бывало по двѣ и больше и каждая изъ нихъ достигала значительныхъ суммъ въ 100, 200 и болѣе рублей. Графъ Алексѣй Сергѣевичъ неоднократно участвовалъ въ комиссіяхъ по присужденію премій, а въ 1871 году онъ вошелъ съ полезнымъ предложеніемъ въ Комитетъ Общества Любителей, которое и было имъ принято. Согласно его предложенію, Комитетъ долженъ быть извѣщать художника, удостоенного преміи, съ возможно точнымъ описаніемъ премированной вещи. Подобнаго рода извѣщеніе являлось цѣннымъ документомъ, такъ какъ Общество Любителей было въ то время крупнымъ факторомъ на нивѣ русскаго искусства, а его конкурсная комиссія, куда входили лучшія художественные силы, пользовались болѣшимъ уваженіемъ. До 1869 года въ Обществѣ не было специальныхъ конкурсныхъ капиталовъ, и денежныя преміи выдавались то изъ средствъ самого Общества, то собирались членской подпиской. Въ 1869 г. первое пожертвованіе на образованіе конкурсныхъ капиталовъ было сдѣлано Василемъ Петровичемъ Боткинымъ. Затѣмъ Леонидъ Никитичъ Панинъ завѣщалъ Обществу капиталъ въ суммѣ 3000 руб. съ тѣмъ, чтобы проценты съ него шли на нужды Общества по усмотрѣнію Комитета. Комитетомъ же было постановлено обратить завѣщанные 3000 р. въ постоянный капиталъ, изъ процентовъ съ котораго выдавать премію имени покойнаго. Капиталъ этотъ былъ увеличенъ пожертвованіями членовъ, и графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ было внесено для той же цѣли 300 рублей.

Сознавая, какую огромную пользу приносятъ для подъема уровня знаній публичныя лекціи, графъ, тотчасъ же по вступленіи своемъ въ предсѣдатели Общества, обратилъ вниманіе Комитета на важность такихъ чтеній по отдѣлу искусства и обѣщалъ содѣйствовать ихъ устройству. Неоднократно затѣмъ, при содѣйствіи графа, устраивались подобныя чтенія, но особенно много имъ сдѣлано было для этой цѣли въ 1874 году. Весною того года профессоръ Адріанъ Викторовичъ Праховъ прочелъ отъ имени Общества шесть лекцій „Объ искусствѣ

запада на всемирной вѣнской выставкѣ". Лекціи сопровождались туманными картинами и, въ талантливомъ изложеніи лектора, оставили сильное впечатлѣніе у многочисленной публики, ихъ посѣщавшей. Лекціи были прочитаны въ Политехническомъ Музѣѣ. Онъ состоялись по мысли графа Алексѣя Сергеевича; онъ же пригласилъ самого лектора и принялъ на себя заботы по ихъ устройству.

Во время предсѣдательства графа въ Обществѣ Любителей устраивались разъ въ недѣлю вечернія собранія членовъ. Эти вечернія собранія носили высококультурный характеръ: бесѣды объ искусствѣ, передача своихъ впечатлѣній о поѣздкахъ съ художественной цѣллю по своей родинѣ и чужимъ землямъ, сообщенія на разныя темы по части художествъ составляли обычное содержаніе такихъ вечеровъ. На нихъ же, въ 1870 и 1871 годахъ, Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ сдѣлалъ рядъ сообщеній, взявъ для послѣднихъ темы, представлявшія собою большой интересъ для русского художника. Такими темами были: "О значеніи русской археологии для русской исторической картины", "О русскомъ зодчествѣ, одеждахъ и домашней обстановкѣ старинной русской жизни".

До 1869 года въ Обществѣ не было своей библіотеки; начало ея было положено въ этомъ году Леонидомъ Никитичемъ Панинымъ. Зато нерѣдко члены Общества приносили съ собой на свои вечернія собранія драгоценныя книги и альбомы по всѣмъ отраслямъ русского и иностранного искусства и знакомили съ ними другъ друга. Иногда же показывали рѣдкія акварели и рисунки изъ личныхъ коллекцій.

Графъ Алексѣй Сергеевичъ относился съ искреннимъ расположениемъ къ такимъ вечерамъ и самъ оказывалъ ихъ устройству всякое содѣйствіе.

Въ 1866 году имъ изданъ, отъ имени Московскаго Общества Любителей Художествъ, на собственные средства, художественный сборникъ, который онъ же самъ редактировалъ. Все изданіе сборника имъ было принесено Обществу въ даръ. Въ сборникѣ находятся шесть обстоятельныхъ и интересныхъ статей на разныя темы: Д. Эрнста Ферстера — „Жизнь и произведенія Фра-Джіовани Анжеліко-да-Фіазоле“, переводъ съ нѣмецкаго Корша; А. А. Фета — „По поводу статуи художника Иванова „Материнская любовь“ на выставкѣ Московскаго Общества Любителей Художествъ“; Д. В. Григоровича — „Торвальдсенъ и Копенгагенъ“; Н. П. Петрова — „Русскіе портретисты Влад. Лук. Боровиковскій и Дм. Гр. Левицкій“; К. К. Гёрца — „Обзоръ замѣчательнѣйшихъ выставокъ въ Германіи“ и Н. А. Рамазанова — „Нѣсколько писемъ С. Ф. Щедрина изъ-заграницы“. Шесть прекрасныхъ художественныхъ приложенийъ украсили этотъ замѣчательный сборникъ. По своимъ сложтамъ они находятся въ тѣсной связи съ содержаніемъ статей, опубликованныхъ въ сборникѣ. Вотъ перечень самихъ приложенийъ: „Снятіе со Креста“ съ картины Фра-Беато-Анжеліко — гравюра по мѣди рѣзцомъ Д. Андрузскаго; Л. Сѣрякова — двѣ гравюры по дереву — со статуи художника Иванова „Материнская любовь“ и съ извѣстнаго портрета отца художника Левицкаго, портрета, исполненнаго этимъ послѣднимъ; двѣ гра-

вюры по дереву гравера Рахау съ статуей Торвальдсена: „Евангелистъ Матеѣ“ и „Геба“ и портретъ самого Торвальдсена, исполненный офортомъ Н. С. Мосоловымъ. Изъ приложеній особенно хороши портреты Торвальдсена и отца Левицкаго. Оба знаменитые гравера, и Сѣржаковъ и Мосоловъ, дали въ этихъ вещахъ чрезвычайно высокія образцы своего гравернаго искусства.

Такимъ образомъ, дѣятельность графа Алексея Сергеевича Уварова, на протяженіи 13-ти лѣтъ служенія въ Обществѣ Любителей Художествъ, протекала во имя высокихъ задачъ художественной культуры и Общество цѣнило его заботы: оно видѣло въ графѣ того рѣдкаго дѣятеля, который трудится во имя свѣта, познанія, истины. На своихъ годовыхъ собраніяхъ члены Общества избирали его единогласно своимъ предсѣдателемъ, а 28 января 1868 г., на годовомъ же собраніи, они единогласно выбрали его своимъ почетнымъ членомъ. 29 декабря 1884 г. графъ Алексѣй Сергеевичъ скончался. На первомъ, послѣ его смерти годичномъ собраніи Общества Любителей, бывшемъ 10 марта 1885 г., предсѣдатель Дмитрий Петровичъ Боткинъ произнесъ проникнутую искреннимъ чувствомъ рѣчь, посвященную памяти усопшаго, и предложилъ украсить одну изъ залъ Общества портретомъ покойнаго. Портретъ этотъ, исполненный известнымъ художникомъ Рачковымъ, украшая приемную залу, служитъ живымъ напоминаніемъ о самомъ дѣятелѣ и томъ свѣтломъ минувшемъ въ жизни учрежденія, которое связано съ трудами и заботами покойнаго во имя искусства.

Со дня кончины графа Алексея Сергеевича Уварова прошло уже четверть столѣтія. Та художественная его дѣятельность, которая протекала какъ въ связи съ археологіей, такъ и независимо отъ нея,—лишь малая часть его высокихъ научныхъ и общественныхъ заслугъ. И если она, изображенная здѣсь только въ общихъ чертахъ, является собою яркую, свѣтлую и радостную страницу въ исторіи русской культуры, то какого глубокаго уваженія и благодарной памяти заслуживаютъ труды покойнаго въ ихъ величественномъ цѣломъ! Эта память и уваженіе никогда не исчезнутъ. Онъ сохранятся не только среди насъ, русскихъ, но и среди всего культурнаго человѣчества, ибо въ основѣ трудовой жизни отошедшаго въ вѣчность дѣятеля были положены самые чистые и дорогіе завѣты всѣхъ мыслящихъ людей: уваженіе къ личнымъ качествамъ каждого, не считаясь ни съ чѣмъ другимъ, уваженіе лишь къ дѣйствительнымъ заслугамъ, горячая преданность истинѣ, наукѣ и просвѣщенію.

Примѣчаніе. Материаломъ для этого сообщенія послужили: „Историческая записка о дѣятельности Московского Археологического Общества за первыя 25 лѣтъ лѣтъ существованія“ 1890 г., „Незабвенной памяти гр. А. С. Уварова“—изданіе того же Общества 1885 г., „Каталогъ Россійскаго Историческаго Музея 1883 г.“, Отчеты и протоколы Комитета Московскаго Общества Любителей Художествъ за 1861—1876 гг., изданіе гр. А. С. Уварова—„Художественный сборникъ“ 1866 г. и сообщенія Н. С. Мосоловымъ Н. В. Некрасову воспоминанія о гр. А. С. Уваровѣ.

Нѣкоторые итоги русскихъ археологическихъ изслѣдованій послѣднихъ лѣтъ.

(Докладъ, читанный въ годичномъ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 19 февраля 1910 года).

И. Бороздина.

Въ настоящемъ краткомъ сообщеніи мнѣ хотѣлось бы остановиться на *нѣкоторыхъ* итогахъ археологическихъ открытій Россіи послѣднихъ лѣтъ, намѣтить основныя линіи совершенной работы. Съ самаго начала дѣлаю оговорку, что отнюдь не претендую на какую-либо исчерпывающую полноту и заранѣе позволю указать, что въ разсмотрѣніи и комбинаціи матеріала буду болѣе руководствоваться точкой зреянія историка, нежели археолога. Но представляется нeliшнимъ иногда бросить взглядъ на пройденный путь, резюмировать сдѣланное. Кромѣ этого общаго соображенія, ближайшей причиной, побудившей меня выступить съ сообщеніемъ на данную тему, было то, что еще такъ недавно при торжественномъ поминовеніи двадцатипятилѣтія со дня смерти незабвеннаго основателя и первого пожизненнаго предсѣдателя Московскаго Археологическаго Общества графа А. С. Уварова въ статьяхъ, рѣчахъ и докладахъ подводились итоги тому, что было сдѣлано въ области русской археологии при его жизни, а это вѣдь является лѣтописью успѣховъ русской археологии за цѣлое тридцатилѣтіе; въ извѣстное дополненіе къ этому и представляется интереснымъ бросить хотя бы самый общій взглядъ на то, что сдѣлано за послѣднее двадцатипятилѣтіе, въ какомъ отношеніи осуществились завѣты почившаго гегемона русскихъ археологовъ, въ какихъ направленияхъ продвинулась археологическая наука. Наконецъ, нельзя не отмѣтить еще одного обстоятельства. За послѣднее время среди археологовъ стали раздаваться голоса, что настало время въ области археологическихъ знаній, на ряду съ работой практической, изслѣдовательской и собирательской, заняться и работой теоретической, философско-обобщающей. Этихъ специалистовъ не удовлетворяютъ обслѣдованіе, собираніе, классификація матеріаловъ и всѣ виды аналитической работы; они ставятъ вопросы о философіи археологии, о созданіи цѣлой абстрактной философско-археологической дисциплины. Безусловно, эти вопросы чрезвычайно существенны и важны, съ ними серьезно

приходится считаться. Но невольно здѣсь предстаетъ вопросъ: а какъ количественно и качественно тотъ материалъ, на основаніи кото-
рого мы собираемся абстрагировать, каковы тѣ конкретные элементы,
комбинируя которые, мы сможемъ возводить общія построенія. Имѣемъ
ли мы больше нашихъ предшественниковъ, которые лишь очень осто-
рожно ставили теоретические вопросы, или мы только смылѣе въ на-
шихъ сужденіяхъ?

Вторая половина XIX вѣка ознаменована, какъ извѣстно, особымъ расцвѣтомъ археологии. Въ это время и у насъ и въ значительно опре-
редившей насъ Западной Европѣ было обращено серьезное вниманіе на тѣ драгоценныя памятники, на тѣ капитальные источники, кото-
рые таились въ глубокихъ нѣдрахъ земныхъ. Молчаніе или недоста-
точность лѣтописныхъ свидѣтельствъ часто мѣшиали рѣшенію важнѣй-
шихъ вопросовъ исторіи, а нерѣдко бывали и цѣлые провалы въ изоб-
раженіи исторической жизни народовъ за полнымъ отсутствіемъ пись-
менныхъ данныхъ. Но тутъ-то и сказалось громадное значеніе науки о древностяхъ; ревниво оберегавшая свои сокровища, земля разступа-
лась передъ пытливой работой археолога и изъ древнихъ, полуистлѣв-
шихъ жилищъ и могилъ вставали старинныя тѣни и выдавали свои тайны, завѣтныя думы, свои исторіи величия и паденія... Многія исто-
рическія эпохи, окутанныя сѣдой дымкой тумановъ, теперь проясни-
лись и представали передъ нами. Величественное поле исторіи все росло,
расширяясь и расчищаясь.

Первыми вопросами, которые естественно ставились, были вопросы о древности человѣка и объ его древнѣйшей культурѣ. Всѣ усилия ученыхъ были направлены къ рѣшенію этихъ капитальныхъ вопросовъ, но далеки еще они отъ окончательного разрѣшенія. Правда, на основаніи сдѣланнаго можно установить нѣкоторыя основныя положе-
нія (напр., пребываніе человѣка съ четвертичной эпохи), но вполнѣ возможны значительные продвиги вглубь, возможны новыя перспективы. Въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ заинтересованы какъ археология, такъ и антропологія и параллельные успѣхи той и другой науки сви-
дѣтельствуютъ объ интенсивной работе въ этой области, хотя рядъ воздвигаемыхъ и разрушаемыхъ гипотезъ равно свидѣтельствуетъ и о неполной опредѣленности построеній. Въ Россіи поиски древнѣйшаго человѣка—человѣка старо-каменного вѣка начались давно и на почвѣ русской было сдѣлано немало цѣнныхъ открытій. Достаточно пере-
смотрѣть капитальный трудъ о каменномъ періодѣ графа А. С. Уварова, чтобы убѣдиться въ этомъ. За послѣднее двадцатипятилѣтие ра-
боты продолжались въ направленіи, завѣщанномъ графомъ Уваровымъ. На ряду съ изслѣдованной имъ въ 1877 году Каракачовской стоянкой особенно крупнымъ археологическимъ открытиемъ является стоянка на Кирилловской улицѣ въ Кіевѣ¹⁾), изслѣдованная въ началѣ 90-хъ годовъ

¹⁾ П. Я. Армашевскій и В. Б. Антоновичъ — „Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева 1897 г.“; В. В. Хвойко — „Кіево-Кирилловская палеолитическая стоянка и культура эпохи Мадленъ“. („Археолог. лѣтопись южн. Россіи“, 1903 г.);

Хвойкой и Антоновичемъ и считающаяся одной изъ самыхъ большихъ стоянокъ палеолита (общее пространство 10 тысячъ метровъ). Здѣсь, на ряду съ остатками древней фауны—костями мамонта, носорога, пещерного льва, медвѣдя и флоры—разновидностями первобытнаго кедра, кипариса, пальмовиднаго дерева были найдены и характерныя издѣлія рукъ человѣческихъ (ножи, скребки, острые осколки изъ камня, орудія изъ бивней и костей мамонта). Интересно, что четыре бивня носятъ слѣды художественной отдѣлки, самой элементарной (впрочемъ, одинъ изъ бивней возбуждаетъ сомнѣніе). Стоянка эта, по мнѣнию большинства изслѣдователей, является древнѣйшей стоянкой палеолита въ Россіи; но Волковъ, основываясь на рисункахъ бивней, относить ее къ Мадленской эпохѣ, т.-е. къ концу старо-камennаго вѣка. Кирилловская стоянка представляется, въ сущности, наиболѣе крупнымъ и важнымъ открытиемъ въ области русскаго палеолита; можно было бы указать на большое количество другихъ, менѣе крупныхъ открытий. Отмѣчу только недавнія открытия Ф. К. Волкова въ с. Мезинѣ по Деснѣ, съ которыми онъ знакомилъ членовъ XIV Археологическаго Съѣзда въ Черниговѣ¹⁾. Найденная стоянка относится къ эпохѣ Мадленъ; залеганія культурныхъ остатковъ на почвѣ указываютъ появление ихъ въ то время, когда древніе ледники, покрывавшіе страну, отступили на сѣверъ; изъ остатковъ животныхъ найдены кости мамонта, носорога, лошади, розомахи, лося, медвѣдя, а также раковины морскихъ моллюсковъ. На ряду съ этимъ найдены и человѣческія издѣлія — кремневыя орудія, имѣющія форму небольшихъ тонкихъ осколковъ, иногда съ ретушью по краямъ.

На ряду съ изслѣдованіями палеолитического вѣка продолжались еще болѣе удачные и богатыя по результатамъ розысканія въ области неолита, обильно представленнаго въ различныхъ областяхъ Россіи. И югъ и сѣверъ, и востокъ и западъ, Сибирь, Крымъ и Кавказъ давали и даютъ обширный матеріалъ, знакомящій насъ съ различными разновидностями стоянокъ, мастерскихъ, землянокъ, очаговъ, земляныхъ городищъ (городища Волыни), свайныхъ построекъ, пещеръ и другихъ остатковъ неолитической культуры.

Но среди всѣхъ этихъ открытий неолитической эпохи особый интересъ для историка имѣеть открытие до-Микенской или Трипольской культуры, представленной раскопками В. В. Хвойки и Э. Р. фонъ-Штерна. Эти археологическія открытия на почвѣ Россіи выходятъ далеко за предѣлы Россіи и получаютъ интересъ всемирно-исторической.

Ф. К. Волковъ — Предисторичні західки на Кирилівській улиці въ Київі (Матеріали до українсько-руської етнографії, т. I); *его-жe*—Магдаленське майстерство на Україні (Записки Наукового товариства імені Шевченко, т. XLVI); *его-же*—„Искусство Мадленской эпохи въ Украинѣ“. („Археолог. лѣтопись южн. Россіи“ 1903 г.). См. также „Труды XI Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ“ и „Ізвѣстія XI Археол. Съѣзда“.

1) „Ізвѣстія XIV Археологическаго Съѣзда въ Черниговѣ“, стр. 121—122;
И. Н. Бороздинъ—„Первобытная археология и классическая древности на XIV археологическомъ съѣздѣ въ Черниговѣ“. („Гермесъ“, 1908 г., № 151, стр. 402);

Врядъ-ли я ошибусь, если скажу, что величайшимъ и грандіознѣйшимъ завоеваніемъ археологической науки конца XIX в. и начала XX в. было открытие Критско-Эгейской и Микенской культуръ. Счастливо начатыя Шлиманомъ раскопки велись затѣмъ съ исключительнымъ успѣхомъ какъ на почвѣ самой Эллады, такъ и на Критѣ. Уже Шлиманъ своими троянскими раскопками, а главное—открытиемъ „богатыхъ золотомъ“ Микенъ и Тиринѣского акрополя способствовалъ полной преоцѣнкѣ греческой исторіи, открылъ цѣлый періодъ греческой исторіи¹⁾, скрывавшійся дотолѣ въ туманѣ сѣдой старины и развѣ смутно вспоминаемый въ полулегендарныхъ сказаніяхъ и миѳахъ. Но еще далѣше продолжились раскопки и изумленному взору человѣка высокой культуры XX вѣка предстала богатая и пышно-развитая культура могучихъ критскихъ царей, владыкъ Эгейскаго моря. Раскопки Эванса въ Кноссѣ, итальянской миссіи въ Фестѣ и Гагіа Тріадѣ, веденные систематически и планомѣрно, дали колоссальные результаты²⁾. Величественныя монументальныя зданія, дворцы съ тронными залами и колоннадами, подземными кладовыми и погребами, громаднымъ театромъ и крѣпостными сооруженіями—все представляло жизнь богатую и развитую. Были найдены въ обиліи памятники изобразительныхъ искусствъ: рисунки, фрески—цѣлые картины разнообразнаго содержанія, золотыя и бронзовыя украшенія, оружіе, пышно-развитая керамика—преддверіе греческой вазовой живописи. Найдена и обширная письменность, но до сихъ поръ,

Х. Вовк (Ф. Волковъ) — Палеолітичні знахідки в с. Мізині на Чернигівщині (Записки Українського Наукового Товариства въ Київѣ, т. IV).

¹⁾ *H. Schliemann—Trojanische Alterthümer.* 1874; *Ilios* 1881; *Troja* 1884; *Mykene* 1878; *Tiryns*, 1886; *Orchomenos.* 1881; *Dörpfeld—Troja und Ilion.* 1902; *H. Schmidt—Schliemanns Sammlung trojanischer Alterthümer* 1902, *Milchofer—Die Anfänge des Kunst in Griechenland* 1883; *Helbig—Das Homerische Epos aus den Denkmälern erläusert* 1887; *Noack—Homerische Paläste* 1903, *Tsountas and Manatt—The Mycenaean Age* 1897; *Hall—The oldest Civilisation of Greece.* 1901, *Ridgeaway—The early age of Greece* 1901; *Bulle—Orchomenos* 1907, *Perrot et Chipiez—Histoire de l'art dans l'antiquité. Vol. VI.* 1894; *Neumann—Entwickelung und Aufgaben der alten Geschichte* 1910, *Бузескуль—Введеніе въ исторію Греціи* 1904; *его-же—Краткое введеніе въ исторію Греціи.* 1910; *Б. В. Фармаковскій—Микены и Финикия („Фил. Обозр.“ 1896), Тира Соколовская—Микенская керамика* 1904; *Э. Р. Фельсберг—Микенскій періодъ въ исторіи Греціи* 1907; *Б. В. Фармаковскій—Культуры Эгейской, Критской и Микенской (литогр. лекціи).* 1907.

²⁾ О раскопкахъ въ Кноссѣ см. отчеты *Art. Evans* (въ „Annual of the Britisch School of Athens 1899—1905“ и „Journal of Hellenic Studies“); о раскопкахъ въ Фестѣ и Гагіа-Тріадѣ см. „Monumenti antichi pubblicati per cura della reale accademia dei Lincei“ vol. XII—XIV, XIX. *Maraghannis—Antiquités cretoises* 1907; *Mosso; Escursione nel Mediterraneo e gli scavi di Crete* 1907 (то-же по-англійски); *Burrows—The Discoveries in Crete* 1907; *Lagrange—La Crete ancienne* 1908; *Hall—The decorative Art of Crete in the bronze Age.* 1907; *C. N. Hawes and H. Hawes—Crete, the Forerunner of Greece* 1910. *Noack—Ovalhaus und Palast zu Kreta* 1908; *Dörpfeld—Die kretischen, mykenischen und homerischen Paläste („Athein, Mitteil.“ 1905, XXX); его-же—Die Kretischen Paläste (id. 1907, XXXII), Evans—Essai de classification des époques de la civilisation minoenne.* 1906, *Fimmen—Zeit und Dauer der Kretisch-Mykenischen Kultur* 1909, *Б. Бузескуль—О. с., Ф. И. Успенский;—Новооткрытая древности на о. Критѣ (Вѣстн. и Биб. Самообразованія 1904). Е. Г. Кагаровъ.—Новѣшія изслѣдованія въ области критско-микенской культуры („Гермесъ“ 1909 г.).*

несмотря на интенсивную дѣятельность изслѣдователей, эти загадочные письмена молчатъ и не выдаются своихъ тайнъ. Въ прошломъ году неутомимымъ Эвансомъ изданъ первый томъ „*Scripta Minoa*“¹⁾ на основаніи фотографическихъ снимковъ и копій; но на нихъ можно только смотрѣть и любоваться, ходить вокругъ и около, лишь надѣясь и ожидая дешифровки. Но все-же на основаніи найденныхъ вещественныхъ памятниковъ можно установить многое; такъ, можно установить нѣкоторыя хронологическія даты, пользуясь сравнительнымъ матеріаломъ (въ Кносѣ найденъ египетскій предметъ²⁾ времени гиксосскихъ царей 1800—1706 г. до Р. Х.; Флиндерсъ-Петри указываетъ на критскіе глиняные сосуды, найденные въ Египтѣ, въ гробницахъ XII династіи, т.-е. приблиз. за 2500 лѣтъ до Р. Х.; въ Фестѣ—египетскіе памятники XV в. и т. п.), можно намѣтить эпохи съ ихъ болѣе мелкимъ подраздѣленіемъ на періоды (дѣленіе Эванса въ его уже цитированномъ „*Essai de classification des eroques de la civilisation minoenne*“³⁾), можно даже въ общихъ чертахъ конструировать строй и бытъ критской талассократіи. Расцвѣтъ Критско-Эгейской культуры относится къ бронзовому вѣку; въ эпоху бронзы славятся и Микены. Но за послѣднее время стали очищаться и древнѣйшіе пласти, относящіеся къ каменному вѣку, къ эпохѣ неолита. Здѣсь находять болѣе грубые, менѣе отфиницованыя предметы и сооруженія—примитивы того, что потомъ такъ пышно развило. Неолитическіе слои обнаружены на Критѣ, въ Кносѣ и Фестѣ⁴⁾ подъ дворцовыми постройками и дали любопытные образцы ранней вазовой орнаментики. Древнѣйшія поселенія каменного вѣка найдены въ Сескло и Димини, въ сѣверной Греціи; греческій ученый Цунда посвятилъ имъ цѣлую работу⁵⁾, гдѣ отмѣтилъ значеніе Фессалійскихъ раскопокъ и ихъ сходство съ находками въ Беотіи и Фокидѣ (въ Димини раскопанъ мегаронъ, напоминающій домъ 2-го города Трои—портикъ, жилое помѣщеніе, спальня; въ Сескло найдено зданіе, покрытое навѣсомъ съ фронтономъ⁶⁾). Интересно, что керамика, найденная въ Фессаліи, является сходной съ находками, сдѣланными во Фракіи, Сербіи, Босніи, южной Россіи, Венгрии (Тордошъ), Богеміи, Македоніи, Румыніи, Испаніи, Италіи и т. д.⁷⁾. Такимъ образомъ, опредѣляется

¹⁾ *Scripta Minoa*, The written documents of Minoan Crete with special reference to the archives of Knossos. By Arthur Evans. Vol. I. 1909.

²⁾ Крышка изъ египетского алебастра съ именемъ и титуломъ одного изъ царей гиксосовъ—Хiana.

³⁾ См. также *Finnem*—О. с.

⁴⁾ „An. Br. Sch. Ath.“ VI, XI, „Journ Hel. St.“ 1903, Rendiconti dei Lincei, XVI.

⁵⁾ Τούντας—Αι προϊστορικὰ ἀχροπόλεις Λίμνην καὶ Σέσκλου. 1908 (см. ср. обширную рецензію Эрнста Пфуля въ „Göttingische gelehrte Anzeiger“ 1910, 12).

⁶⁾ E. Кагаровъ—О. с. стр. 517.

⁷⁾ Изъ главнѣйшей литературы предмета отмѣтимъ: Э. Р. фонъ-Штернъ—Доисторическая греческая культура на югѣ Россіи въ „Трудахъ XIII Археологического Съезда въ Екатеринославѣ. Томъ I (съ обширными библіографическими указаніями), Höernes—Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa; его же—Neolithische Keramik in Oesterreich („Jahrb. d. k. k. Zentralkom. f. Kunst u. hist. Denkm., 1905); его же—Les premières céramiques en Europe centrale (Compt. rend.,

съверная культурная область, стоящая въ связи съ неолитическими находками на Критѣ. Чѣмъ-же объясняется сходство культурныхъ остатковъ странъ, прилегающихъ къ Средиземному морю, кто были носители этой общей культуры, гдѣ была ихъ прародина и каковы ихъ миграціи?

Эти вопросы и стали въ первую очередь, все время озаряемые свѣтомъ новыхъ археологическихъ открытий. Понятно, какое значеніе имѣть решеніе этихъ проблемъ; вѣдь это, можно сказать, основные вопросы о началахъ культурного бытія Европы. И въ разработкѣ, даже въ постановкѣ этихъ капитальныхъ вопросовъ видная роль принадлежитъ русскимъ археологамъ. Когда въ концѣ 90-хъ годовъ В. В. Хвойко напалъ на слѣдъ загадочной культуры, которую онъ по мѣсту первыхъ находокъ¹⁾ назвалъ культурой Трипольской²⁾, — положено было начало плодотворной и интенсивной работѣ, приводящей въ конечномъ счетѣ къ грандиознымъ перспективамъ.

Въ различныхъ частяхъ Киевской губ. (Кievскомъ, Васильковскомъ, Каневскомъ, Черкасскомъ, Чигиринскомъ, Звенигородскомъ и Липовецкомъ уѣздахъ), въ губерніяхъ Черниговской, Херсонской, Подольской и Бессарабской обнаружены слѣды этой культуры³⁾. Характеризуютъ эту культуру многочисленныя погребенія и жилища. Погребенія мы находимъ на особыхъ площадкахъ, устроенныхъ изъ обожженої глины

XIII Congres d'anthr. 1908); Hub. Schmidt—Tordoš (Zeitschrift fur Ethnologie 1903); *его-же*—Troja-Mykenae-Ungarn (id. 1904); Butureanu — Сообщеніе о „Cucuteni“ („Congres international d'antropologie. 1891); Wosinsky — Das prähistorische Schanzwerk von Lengyel. 1888; Radimsky—Die neolithische Station von Butmir, Dechelette—Essai sur la chronologie prehistorique de la peninsule iberique („Revue archéologique“ XIII), Orsi—Nuovi documenti della civiltà premicénea e micenea in Italia („Rivista della Societa Italiana di archeologia e storia dell'arte. 1907), Караповъ—О. с., Ed. Meyer—Geschichte des Alterthums. Band I. 2. Hälft. 1909.

¹⁾ Находки около м. Триполя Киевского уѣзда.

²⁾ Сходство этой культуры съ культурой Микенъ въ ея древнѣйшихъ слояхъ (до-микенскихъ) побудило нѣкоторыхъ изслѣдователей называть найденную въ Россіи культуру до-микенской культурой. Г. Хвойко предлагалъ называть новооткрытую культуру площечной, древне-орійской илиproto-славянской (послѣднее наименование стояло въ связи съ защищаемой имъ теоріею о древнѣйшихъ славянахъ; теперь эта теорія имъ оставлена). На послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Черниговѣ г. Хилинский, читавшій докладъ о Трипольской культурѣ, предложилъ называть ее болѣе широко — Карапато-Днѣпровской; проф. фонъ-Штернъ придерживается терминологии „до-историческая греческая культура на югѣ Россіи“.

³⁾ Хвойко — „Каменный вѣкъ средняго Приднѣпровья“ („Труды XI Археологического Съѣзда“, т. I); *его же*—„Раскопки 1901 г. въ области Трипольской культуры“ (Зап. Отд. Рус. и Слав. Археол. Импер. Рус. Археол. Общ., т. V, вып. 2); полемика по поводу этой статьи В. В. Хвойко и Н. Ф. Бѣляшевскаго („Археолог. Лѣтоп. южн. Россіи“, 1904 г.); Хвойко—„Раскопки площадокъ въ с. Кругобородинцахъ и вблизи с. Веремье (Древности. Труды Имп. Арх. Общ., т. XXII, вып. 2); А. Спицынъ—Раскопки глиняныхъ площадокъ близъ с. Колодистаго (Изв. Импер. Археол. Ком., XII); Волковъ—Вироби передмікенського типу у неолітическихъ станoviщахъ на Україні (Матеріали до українско-руської етнології, VI); М. Грушевський —Киевская Русь. т. I, 1911; фонъ-Штернъ — О. с.; von-Stern—Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres im Lichte archäologischen Forschung („Klio“ Beiträge zur alten Geschichte. B. IX, Heft 2).

или обмазанныхъ глиной; площадки были крытыя; до сихъ поръ на комьяхъ глины видны слѣды бревенъ. По снятіи комьевъ глины обнаруживаются черепки большихъ сосудовъ-чашекъ, мисокъ, вазъ различныхъ видовъ и формъ; на ряду съ большими сосудами-урнами встречаются сосуды грушевидные, широкогорлые, биноклеобразные и т. д. Кромѣ того, въ погребеніяхъ находятся глиняныя издѣлія, мечетельные камни, каменные топоры, молоты, ножи, пилы, костяныя вещи, кости, зубы и рога животныхъ. Въ погребеніяхъ на ряду съ преобладающимъ трупосожженіемъ встречается и погребеніе черезъ сложеніе (полубожженые скелеты); площадки, можно думать, служили для ритуальныхъ обрядовъ и жертвоприношеній. Въ Киевской губ. обнаружены наиболѣе богатые остатки интересующей насть культуры; здѣсь на ряду съ площадками обнаружены и землянки-жилица. Землянки имѣли отъ 4 до 6 метр. длины и отъ 3 до 6 ширины, представляя форму четыреугольника; посерединѣ четыреугольника находилась овальная или четыреугольная яма, выходъ изъ которой имѣлъ видъ ската или лѣсенки. Противъ выхода расположены были каменный очагъ (или сводчатая печь), частью выходящій въ яму, частью врѣзывающійся въ стѣну; по верхнему краю землянки вбивались колъя (рѣже столбы), поддерживавшіе крышу, которая обмазывалась глиной или засыпалась землей. Въ землянкахъ найдены многочисленные предметы—уголь, пищевые отбросы, черепки, кремневыя, роговые и костяные вещи.

Найденные при раскопкахъ предметы Хвойко дѣлить на два типа, на двѣ культуры, называемыя имъ *культура A* и *культура B*¹⁾. Культура A отличается богатыми керамическими издѣліями, находимыми въ большомъ количествѣ. Для этой культуры характерны: 1) сосуды съ рельефнымъ изображеніемъ человѣческаго лица на верхней части сосуда; 2) двойные биноклеобразные сосуды; 3) сосуды грушевидной, колоколообразной, плеткообразной формы; 4) полушаровидные миски на трехъ ножкахъ; 5) крестообразныя статуэтки человѣка; 6) просверленыя каменные, роговые и костяные топорики; находятся и издѣлія изъ чистой мѣди. Культура B отличается болѣе простымъ и менѣе пропорциональнымъ орнаментомъ; сосуды имѣютъ видъ двухъ усѣченныхъ конусовъ, черепахъ, леекъ, боченка. Найдены статуэтки женщинъ въ стоячемъ и сидячемъ положеніи, кремневые серпы и глиняныя грузила; мѣдь и просверленыя орудія отсутствуютъ.

Особенно интересной и характерной для всей рассматриваемой нами культуры является керамика, развитіе которой бросаетъ свѣтъ и на исторію этой культуры. Наиболѣе определенную классификацію керамическихъ издѣлій дѣлаетъ проф. фонъ-Штернъ²⁾; онъ дѣлить сосуды на три большия группы: 1) сосуды безъ всякаго украшенія, монохромные, удержавшіе цвѣтъ глины, 2) сосуды съ рѣзной техни-

1) Характеристику и разборъ этой классификаціи дѣлаетъ В. Е. Данилевичъ въ своемъ „Курсѣ русскихъ древностей“ (Кievъ, 1908г.).

2) Э. Р. фонъ-Штернъ. „Доисторическая греческая культура на югѣ Россіи“. Стр. 21—22 и сл.

кой и вдавленнымъ орнаментомъ (обыкновенно сосуды маленькие), 3) сосуды, украшенные на полированномъ фонѣ глины или облицовки декоративной росписью. Сосуды послѣдняго типа, составляющіе меньшинство въ Кіевскихъ раскопкахъ, особенно богато представлены въ Петренахъ (Бессарабской губ.), что и заставляетъ проф. фонъ-Штерна высказать предположеніе, что центръ новой керамической промышленности находился въ Бессарабіи. Здѣсь замѣтны техническія усовершенствованія обжига и изготвленія глины; однако, гончарный кругъ не извѣстенъ и работа производилась или отъ руки или при помощи деревянной палочки и дощечки. Петренскую расписную керамику (т.-е. третью группу нашихъ керамическихъ издѣлій) по характеру орнаментовки фонъ-Штернъ дѣлить также на три вида¹⁾: 1) сосуды отполированные и украшенные орнаментами одного цвета (черная или фіолето-коричневая краска), 2) сосуды изъ твердо обожженой красноватой или желтоватой глины, покрыты бѣлой, желтовато-бѣлой, коричневой или красной облицовкой съ нанесеніемъ на неѣ живописи, исполненной одной краской—черной, фіолето-коричневой (рѣже желтой и красной, 3) рѣдко встрѣчающіеся сосуды, при отдѣлкѣ которыхъ употреблялись двѣ краски—красная и черная. Украшающій сосуды орнаментъ свидѣтельствуетъ о долгой практикѣ въ искусствѣ и художественномъ вкусѣ, поразительно зрѣломъ для неолита. Петренская керамика даетъ обильный матеріалъ для отвѣта на вопросъ о происхожденіи и развитіи спиральнаго орнамента и существенно измѣняетъ традиціонное представленіе, будто бы отдѣлка сосудовъ каменного века въ Европѣ вращалась исключительно въ геометрическихъ формахъ—въ противоположность Месопотамской культурѣ, где мотивы декорации заимствовались изъ органическаго міра. Если геометрическая отдѣлка и преобладаетъ, то на ряду съ ней встрѣчаются изображенія органическаго міра, кончая человѣкомъ (здѣсь интересны рисунки Хвойкинскихъ сосудовъ)²⁾. Особенно много изображеній животныхъ; эти изображенія, помимо высокаго художественнаго интереса, даютъ возможность опредѣлить, какія животныя были въ ту эпоху. На рисункахъ изображены лошади, собаки, козы, быки. Что касается до послѣднихъ, то они являются не только въ росписи, но и въ первобытной глиняной пластикѣ. Терракотовыя статуэтки изъ глины³⁾—однѣ даютъ изображенія идоловъ, другія—быковъ. Фигурки быковъ, особенно частыя, невольно заставляютъ сближать ихъ съ находками въ Микенахъ (голова коровы), Вафю (быки на золотыхъ кубкахъ), Гурніи (изображенія на

¹⁾ Фонъ-Штернъ. О. с., стр. 22.

²⁾ Хвойко—Раскопки 1901 г. („Записки Имп. Рус. Арх. Общ.“, т. V, 2, табл. III, 2, 5). Ср. фонъ-Штернъ—О. с., стр. 28.

³⁾ О глиняныхъ статуэткахъ до-микенской культуры, которая нѣкоторыхъ археологовъ приводили къ самымъ фантастическимъ построеннымъ, см. новѣйшую работу проф. Н. И. Веселовскаго (*И. И. Веселовскій—Алебастровыя и глиняныя статуэтки до-микенской культуры въ курганахъ южной Россіи и на Кавказѣ* въ „Извѣстіяхъ Императорской Археологической Комиссіи“, вып. 35, 1910).

каменномъ рогъ для питья). Hörnсs¹⁾ считаетъ эти частыя изображенія быка явленіемъ не случайнымъ; онъ склоненъ скорѣе связать съ ними извѣстныя религіозно-метафизическія представлениа тѣхъ отдаленныхъ временъ; быть можетъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ тотемизмомъ. Таковы предметы, знакомящіе насъ съ художественнымъ развитіемъ человѣка этой культуры. Но по нѣкоторымъ находкамъ есть возможность конструировать въ самыхъ общихъ чертахъ его материальный бытъ. Предметы землянокъ показываютъ, что человѣкъ уже приручилъ животныхъ (козъ, свиней, воловъ), что онъ уже перешелъ къ осѣдлой, земледѣльческой культурѣ. На послѣднее указываютъ раскопки Хвойко, который нашелъ сѣмена пшеницы и проса, нашелъ также примитивныя ручныя мельницы (зернотерки).

Какъ мы уже отмѣтили выше, районъ распространенія этой культуры чрезвычайно широкъ, материалъ, заключающійся въ его предѣлахъ, все пребываетъ. Но до сихъ поръ не рѣшенъ и не установленъ окончательно основной вопросъ о носителяхъ этой культуры и о путяхъ ея распространенія. Одни изслѣдователи выставили гипотезу о микенскомъ вліяніи²⁾, о микенскихъ ремесленникахъ, занесенныхъ съ юга на сѣверъ³⁾, наконецъ, о цѣломъ движениіи культуры съ юга на сѣверъ⁴⁾; въ противоположность этой точкѣ зрѣнія Губертъ Шмидтъ⁵⁾, Мухъ⁶⁾ и, особенно, фонъ-Штернъ⁷⁾ выставили гипотезу о сѣверномъ происхожденіи Критско-Микенской культуры и объ ея движениіи съ сѣвера на югъ. Новокаменный вѣкъ, расцвѣть неолита засвидѣтельствованъ этой культурой на сѣверѣ; къ концу неолита она спускается на югъ, за Балканы, и въ бронзовомъ вѣкѣ опредѣляется пышное развитіе миносскихъ культуръ и культуры Микенъ.

Гипотеза—весыма интересная, остроумная и заманчивая, но все же еще не можетъ быть безусловно принятой. Въ передней Азіи (особенно при Сузанскихъ раскопкахъ де-Моргана) найдено въ неолитическомъ слоѣ немало сосудовъ, аналогичныхъ трипольскимъ; кромѣ того, сходные-же предметы найдены при раскопкахъ близъ Мерва и Асхабада, въ средней Азіи (сообщеніе Ф. К. Волкова на Черниговскомъ Археологическомъ Съездѣ⁸⁾.

Наконецъ, не лишнее отмѣтить, что загадочные письмена на од-

¹⁾ Hörnсs — „Prähistorische Formenlehre“ (въ „Mitt. des Prähist. Kommission der Kaiserl. Academie der Wissenschaften“, Wien, 1897); *его же* — „Urgeschichte der bildenden Kunst; фонъ-Штернъ—О. с., стр. 31—32.

²⁾ См. обзоръ этихъ мнѣній въ цитированной работѣ фонъ-Штерна, стр. 43—45 и сл.

³⁾ Id.

⁴⁾ Wosinsky — Inkrustierte Keramik der Stein und Bronzezeit. 1904.

⁵⁾ Hub. Schmidt. О. с. въ „Zeitschrift für Ethnologie“ 1903 и 1904.

⁶⁾ M. Much — Die Heimat der Indogermanen. 1904.

⁷⁾ Фонъ-Штернъ—О. с., стр. 44—52; см. ср. von-Stern—О. с., стр. 140.

⁸⁾ Извѣстія XIV Археологического Съзыва въ Черниговѣ, стр. 51; *Бороздинъ*. „Первоб. археология и клас. древности на XIV Арх. Съездѣ“, стр. 401—402; von-Stern — Die griechische Kolonisation... стр. 140; ср. R. Pampelly — Explorations in Turkestan. 1905.

номъ изъ приධѣпровскихъ сосудовъ, найденныхъ Хвойко и изданныхъ имъ совмѣстно съ проф. Линниченко¹⁾, по своимъ начертаніямъ представляютъ болыше всего сходство съ среднеазіатскими надписями, изданными академикомъ В. В. Радловымъ. Такъ что съ востокомъ существенно приходится считаться. Но это, повторю, лишь одни вопросы и гипотезы, далекіе отъ окончательнаго разрѣшенія при наличности существующаго материала. Но къ одному они могутъ побуждать—къ дальнѣйшей интенсивной работѣ. И можно сказать съ справедливой гордостью, что культура, охватывавшая огромную территорію отъ Крита до Киева и отъ береговъ М. Азіи до Іспаніи, оставила крупные слѣды на нашей родинѣ и раскопки русскихъ археологовъ открыли новые, широкіе горизонты, поставили на очередь важнѣйшіе вопросы общехistorического характера²⁾.

На ряду съ Критско-Микенскими открытиями западно-европейскіе археологи и историки³⁾ особенно сильно работали въ области изученія передней Азіи. Передне-азіатскія открытия 90-хъ и 900-хъ годовъ не менѣе, чѣмъ открытия Эгейскія, заставили во многомъ измѣнить сложившіяся историческія представленія. Такія открытия, какъ кодекс царя Хаммураби съ его частями, относящимися къ древнему сумерійскому праву, или изслѣдованные нашимъ глубокоуважаемымъ со-членомъ М. В. Никольскимъ памятники хозяйственнаго быта древнѣйшей эпохи Халдеи⁴⁾ яркимъ свѣтомъ озаряютъ сѣдую старину странъ Тигра и Евфрата, отодвигая начала ихъ культурнаго бытія въ глубокую древность. Я привелъ только наикрупнѣйшія открытия, но на ряду съ ними идетъ непрестанная систематическая работа изученія передне-азіатскихъ древностей. Въ этой ученой работѣ соревнуются націи; на ряду съ нѣмцами (особенно съ ихъ дѣятельнѣйшимъ „Orient-Gesellschaft“) археологическими изысканіями занимаются американцы и французы. Отправляются экспедиціи, издаются специальные органы и журналы, публикуются постоянные отчеты, держащіе въ курсѣ текущей работы⁵⁾. Русская наука приняла здѣсь весьма малое участіе; часто она начинала, дѣлала важныя открытия, но затѣмъ дѣло переходило къ иностранцамъ. Русскихъ археологическихъ экспедицій въ Азіи не было, если не считать поѣздки Я. И. Смирнова (оставила слѣдъ на

¹⁾ И. А. Линниченко и В. В. Хвойко.—Сосуды со знаками изъ находокъ на площадкахъ Трипольской культуры („Записки Одесского Общества Истории и Древностей“, XXIII).

²⁾ О значеніи изслѣдований фонъ-Птерна и Хвойки см. въ новомъ изданіи классическаго труда Эд. Мейера „Geschichte des Altertums“ (I B, 2 H. s. 718, 732—736, 740—742 и др.).

³⁾ Надо также отмѣтить плодотворную дѣятельность американскихъ ученыхъ.

⁴⁾ М. В. Никольский — Документы хозяйственной отчетности древнѣйшей эпохи Халдеи изъ собранія Н. П. Лихачева („Древности Восточныя“, томъ III, вып. II. 1908).

⁵⁾ Такъ, въ одномъ изъ послѣднихъ (№ 41) выпусковъ „Mittellungen der deutschen Orient-Gesellschaft“ напечатанъ предварительный отчетъ объ интереснѣйшихъ раскопкахъ на мѣстѣ Йерихона, гдѣ обнаружены остатки стѣнъ колосальной кладки.

изученіи хеттитскихъ древностей) и цѣнной эксперсіи для изученія христіанскихъ древностей Сиріи, исполненной подъ руководствомъ директора Константинопольского Археологического Института Ф. И. Успенского¹⁾. Но ассиро-авилонскія древности, насыщенные дождавшись, къ намъ пришли—и Кавказъ изъ своихъ нѣдръ сталъ давать памятники древнѣйшихъ восточныхъ культуръ. Теперь уже установлено, что Кавказъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ культуры Междурѣчья и что даже до сихъ поръ въ языкѣ его обитателей можно найти пережитки нарѣчій угаснувшихъ передне-азіатскихъ народностей²⁾. На древности Кавказа было обращено вниманіе русскихъ ученыхъ, и вотъ по иниціативѣ графа А. С. Уварова и, особенно, при ближайшемъ и неустанномъ участіи гр. П. С. Уваровой, энергично и быстро подвигнувшей начатое дѣло, повелось археологическое обслѣдованіе Кавказа. Я не стану здѣсь останавливаться на всѣхъ кавказскихъ открытияхъ, нѣкоторыя изъ которыхъ³⁾, какъ, напр., открытие Кобаньского могильника, вызвали исключительный интересъ западно-европейского ученаго міра, но мнѣ хотѣлось бы отмѣтить крупное значеніе экспедиціи М. В. Никольского и А. А. Ивановскаго, спаряженной Московскимъ Археологическимъ Обществомъ для археологическаго изслѣдованія нашего Закавказья. Эта экспедиція имѣла своей задачей изслѣдованіе памятниковъ Ванскаго или Урартійскаго царствъ⁴⁾. Это мощное государство съ царями-завоевателями, силой меча образовавшими грозную большую имперію, серьезно соперничавшую съ Ассирией, особенную роль играетъ въ IX—VII вв. до Р. Х. На Кавказѣ встрѣчаются многочисленные памятники культуры „Наири“ и „Урарту“ или „Вана“, особенно частые въ видѣ клинообразныхъ надписей. Еще недавно, на одномъ изъ предыдущихъ засѣданій Археологического Общества мы имѣли удовольствіе слушать докладъ⁵⁾ М. В. Никольского объ одной ново найденной надписи, про-

¹⁾ Ф. И. Успенскій.—Археологические памятники Сиріи („Ізвѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ“). Томъ VII, вып. 2—3. 1902.

²⁾ Этому вопросу былъ посвященъ весьма интересный докладъ проф. В. Ф. Миллера „Этнографический интересъ кавказскаго языковѣдѣнія въ настоящее время“ на послѣднемъ Съездѣ естествоиспытателей и врачей (см. ср. „Дневникъ XII Съезда русскихъ естествоиспытателей и врачей“, стр. 561—562).

³⁾ Гр. П. С. Уварова.—Материалы по археологии Кавказа вып. VIII; В. Б. Антоновичъ.—О раскопкахъ на Кавказѣ (Труды V Арх. Съезда въ Тифлисѣ); Virchow—Das Grabfeld von Koban 1883; Bauern—Untersuchungen über die ältesten Gräber und Schatzfunde in Kaukasien. 1885; Chantre—Recherches antropologiques dans le Caucase. 1885—87; его-же—Origine et ancienneté du premier age du fer au Caucase 1892.

⁴⁾ М. В. Никольскій.—„Клинообразныя надписи Закавказья (Материалы по археологии Кавказа, вып. V. 1896); его-же—Клинообразная надпись Русы I въ Келлани-Керласу на берегу Гокчи („Археол. Извѣстія и Замѣтки“ 1893); его-же—Древняя страна Урарту (Аракатъ) и слѣды ассиро-авилонской культуры на Кавказѣ („Землевѣдѣніе“ 1895); см. ср. его-же—Клинообразныя надписи ванскихъ царей, открытые въ предѣлахъ Россіи („Древности Восточныя“, т. I, вып. 3) и статья въ сборникѣ въ честь Ф. Е. Корша. Отчетъ прив.-доц. А. А. Ивановскаго въ непроложительномъ времени появится въ печати въ изд. Моск. Арх. Общ.

⁵⁾ Печат. въ „Ізвѣстіяхъ Императорской Археологической Коммиссіи“.

ливающей свѣтъ на поселенія Вана. Въ нашемъ Закавказье (около Армавира, Ташбуруна и др.) найдены эти памятники, сохранились подробныя описанія дѣятельности ванскихъ царей, которые, подобно своимъ соперникамъ—ассирійскимъ владыкамъ, подробно повѣствуютъ о своихъ подвигахъ и славныхъ дѣяніяхъ въ автобіографіяхъ-надписяхъ (цари Аргишти I, Сардури II, Руса II армавирскихъ надписей).

Если въ памятникахъ, находимыхъ въ предѣлахъ Россіи, намъ приходится констатировать ассиро-аввилонское вліяніе, то Востокъ вліялъ и своей болѣе поздней культурой. Такъ, въ различныхъ частяхъ Россіи, въ томъ числѣ, особенно, на далекомъ сѣверѣ, въ Перми находятся при раскопкахъ многочисленныя пр旎изведенія (преимущественно серебряная посуда) Сассанидскихъ временъ. Недавно эти памятники изданы въ видѣ особаго атласа „Восточное серебро“ Императорской Археологической Комиссіей подъ редакціей Я. И. Смирнова ¹⁾. Я не останавливаюсь на этихъ открытіяхъ, какъ не останавливаясь и на открытіяхъ въ области скиѳскихъ и сарматскихъ древностей. Изслѣдованія въ этомъ направлениі, начатыя давно, продолжались и продолжаются ²⁾, но далеко еще то время, когда возможны будутъ какія-либо рѣшающія обобщенія. Въ статьѣ объ И. Е. Забѣлинѣ проф. Д. Н. Анучинъ приводить мнѣніе академика Кондакова, сказавшаго, что скиѳскія древности нуждаются еще въ большой работе, и сомнительно, чтобы кто-нибудь могъ эту работу теперь исполнить ³⁾.

Но если не такъ утѣшительны результаты въ области изученія скиѳскихъ древностей, то все болѣе и болѣе раскрывается передъ нами широкая картина жизни греческихъ колоній на югѣ Россіи. Памятники этихъ колоній всегда изучались особенно интенсивно и особенно продолжительно. Уже въ 50-хъ годахъ появился такой крупный трудъ, какъ „Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря“ графа А. С. Уварова.

Дальнѣйшія изысканія вширь и вглубь продолжались, продолжаются и будутъ продолжаться, такъ какъ матеріалъ обиленъ и захватывающе интересенъ ⁴⁾. Опять и здѣсь раскопки на почвѣ Россіи пред-

¹⁾ Ему-же принадлежитъ брошюра—„О Сассанидскихъ блюдахъ“. 1894.

²⁾ Толстой и Кондаковъ—Русскія древности, II, 1889; гр. Бобринскій—Курганы и случ. арх. находки близъ м. Смѣлы. 1894; Д. И. Багалкѣй—Раскопки кургановъ въ Валкѣ и Богодухѣ. уѣздахъ Харьк. губ. (Труды XIII Археол. Съѣзда въ Екатеринославѣ); Е. Н. Мелиникъ—Раскопки кургановъ въ Харьковской губ. (Труды XII Археол. Съѣзда въ Харьковѣ); А. С. Лаппо-Данилевскій и В. К. Мальмбергъ—Курганъ Карагадеушахъ (Матеріалы по археологіи Россіи, 13); Лаппо-Данилевскій—Скиѳскія древности. 1888 и др.

³⁾ Д. Н. Анучинъ. — И. Е. Забѣлинъ, какъ археологъ въ первую половину его научной дѣятельности, стр. 70 (Древности, Труды Моск. Археол. Общества, т. XXII, вып. 2, 1909).

⁴⁾ E. von-Stern—Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres in Lichte archaologischen Forschung (Klio, 1909); В. В. Латышевъ—Понтика. 1909; B. Latyschev—Inscriptiones antiquae orae septentrionales Ponti Euxini graecae et latinae. Vol I, II, IV. 1885, 1890, 1901; Ю. А. Кулаковский — Прошлое Тавриды 1906; Н. И. Новосадский—Греческая эпиграфика. Часть I. 1909.

ставляютъ интересъ обще-исторической. Въ настоящее время, когда изученіе греческой исторіи переходитъ отъ центра къ периферіямъ, особое значеніе представляеть исторія колоній, часто питавшихъ и кормившихъ свои метрополіи. Хозяйственная исторія аѳинской республики необходимо базируетъ на черноморскомъ материалѣ, такъ какъ источникомъ питанія великаго города Эллады былъ pontийскій хлѣбъ (Аттика получала съ Боспора половину нужнаго ей хлѣба, что составляло 400 тысячъ медимновъ). Но и до выступленія Аттики на Черноморское побережье выводились колоніи другими греческими государствами-городами. Можно сказать, что какъ только начался ростъ греческихъ городовъ и опредѣлились колонизаціонные процессы, нашъ Черноморскій югъ вошелъ въ исторію Эллады. Недавнія, но уже давшія богатый материалъ, раскопки Э. Р. фонъ-Штерна въ Березані ¹⁾ устанавливаютъ громадное культурное вліяніе Милета на находящееся тутъ поселеніе (особенно характерны образцы керамики). Могущественный Милетъ поддерживалъ торговыя сношенія съ Востокомъ и Египтомъ и былъ въ VIII—VII вв. однимъ изъ главенствующихъ городовъ. Вліяніе Милета заходило далеко въ глубь Россіи (находки въ Смѣль Кіевской губ.) ²⁾. Затѣмъ вліяніе Милета падаетъ, когда является сильный конкурентъ въ лицѣ Аѳинъ временъ тиранніи Пизистрата и, особенно, эпохи грекоперсидскихъ войнъ. И въ Березані мильтское вліяніе смѣняется аттическимъ; въ керамикѣ это отмѣчено появлениемъ чернофигурныхъ вазъ. Насколько можно реконструировать на основаніи добытаго материала, населеніе на Березані было небольшое, обитатели его были люди небогатые, занимавшіеся рыболовствомъ и торговлей.

Дальнѣйшія раскопки на Березані продолжаются. Отъ этой скромной и небольшой колоніи мы переходимъ къ остаткамъ пышной, богатой и много пережившей Ольвіи. Древности этой колоніи давно уже привлекли вниманіе и немало археологовъ потрудилось надъ ними; но особенно интенсивная работа началась съ 1901 г., когда руководство раскопками принялъ Б. В. Фармаковскій ³⁾. И вотъ въ теченіе 8 лѣтъ раскопки, веденные систематически и планомѣрно, дали богатые результаты, расширяя материалъ исторіи Ольвіи (такъ, напр., важна надпись, изслѣдованная проф. М. И. Ростовцевымъ и устанавливающая отношенія между Ольвіей и МитридатомъPontийскимъ ⁴⁾ и давая богатые образцы

¹⁾ E. von-Stern—O. с. s. 141—145; фонъ-Штерн—Отчетъ о раскопкахъ на о. Березані (Записки Одесского Общества Исторіи и Древностей, проток. № 369, № 377, № 385; Извѣстія XIV Археологического Съѣзда въ Черниговѣ, стр 91—92.

²⁾ Бобринскій—Курганы и случ. арх. находки близъ Смѣлы.

³⁾ Б. В. Фармаковскій — Раскопки некрополя древней Ольвіи въ 1901 году („Ізв. Имп. Арх. Комиссіи“, вып. 8. 1903); его-же—Раскопки въ Ольвіи въ 1902 и 1903 годахъ (id. вып. 13. 1906); его-же—Раскопки въ Ольвіи въ 1907 году („Гермесъ“, 1907 г.); B. Pharmakowsky—Olbia. Fouilles et trouvailles 1901—1908. Communication faite au Congr  s arch  ologique du Caire le 1/14 avril 1909. Extrait du Bulletin de la Commission Imperiale arch  ologique, fast. 33); von-Stern—O. С. s. 148—149; B. Латышевъ.—Почтга. 1909.

⁴⁾ M. I. Ростовцевъ—Митридатъ Pontийский и Ольвія („Ізвѣстія Импер. Археол. Ком.“, вып. 23. 1908).

изобразительныхъ искусствъ. На памятникахъ Ольвії можно прослѣдить цѣлую смѣну вліяній: эпоха милетскаго вліянія съ египетскими экскурсами, большая и плодотворная эпоха аттическаго вліянія, эллинизмъ, варваризация, романизація, новое разрушеніе — все это интересно и конкретно представлено. Достаточно пересмотрѣть рисунки, помѣщенные въ резюмирующемъ докладѣ Б. В. Фармаковскаго, читанномъ на международномъ конгрессѣ въ Каирѣ¹⁾, чтобы убѣдиться въ богатствѣ и значеніи открытыхъ памятниковъ.

На ряду съ обслѣдованіемъ Ольвії продолжались дѣятельныя раскопки въ Херсонесѣ²⁾, гдѣ одинаково интересны, какъ Херсонесъ античный, такъ и Херсонесъ христіанско-византійскій. Но и здѣсь, несмотря на произведенную большую работу, далеко не все рѣшено и приведено къ концу; достаточно указать, хотя бы, на недавнюю полемику Э. Р. фонъ-Штерна и А. Л. Бертье-Делагарда о мѣстоположеніи древняго Херсонеса³⁾. Христіанскіе памятники Херсонеса нынѣ выходятъ въ прекрасномъ изданіи графини П. С. Уваровой (въ 1908 г. вышелъ III выпускъ „Памятниковъ христіанского Херсонеса“, заключающій въ себѣ работу проф. С. П. Шестакова — „Очерки по истории Херсонеса въ VI—X вѣкахъ по Р. Х.“). 90-ые и 900-ые годы оживили раскопки въ Керчи, гдѣ работали Ю. А. Кулаковскій и, особенно, В. В. Шкорпиль⁴⁾.

Большой интересъ вызываютъ раскопки 1908 г. въ области старшаго и младшаго Танаисовъ; это вѣдь были самые крайніе проводники классическаго вліянія въ глубь Россіи. Поиски Танаиса, начатые московскимъ профессоромъ П. М. Леонтьевымъ⁵⁾, были продолжены въ различныхъ направленіяхъ проф. Н. И. Веселовскимъ и А. А. Миллеромъ. Если Н. И. Веселовскій въ Недвиговкѣ⁶⁾ окончательно установилъ остатки новаго или младшаго Танаиса, воздвигнутаго во II вѣкѣ по Р. Х. послѣ разгрома древняго Танаиса боспорскимъ царемъ Полемономъ, и сдѣлалъ любопытныя находки, то А. А. Миллеръ⁷⁾, разслѣдуя курганы Елисаветовской станицы, нашелъ золотыя украшенія и

¹⁾ B. Pharmakowsky — O. c. passim.

²⁾ Отчеты о раскопкахъ въ Херсонесѣ К. Косцюшко-Валюжинича въ „Отчетахъ“ и „Извѣстіяхъ“ Импер. Археол. Комиссіи; Бертье - Делагардъ — Раскопки Херсонеса (Матер. по археологіи Россіи, 12, 1893); Латышевъ — Погтижа. 1909; Ящуржинскій — Очеркъ археологическихъ развѣдокъ и изслѣдований въ области Херсонеса Таврическаго (Извѣстія Таврической Ученой Архивной Комиссіи, 5, 1898); Энгель — Русская Помпея, 1904; гр. П. С. Уварова — Раскопки въ Херсонесѣ (Древности. Труды Моск. Археол. Общ. XII, вып. 2); Бобринскій — Херсонесъ Таврическій 1905; Бертье-Делагардъ — О Херсонесѣ („Извѣстія Импер. Археол. Комиссіи“, вып. 21, 1907).

³⁾ Бертье-Делагардъ — О Херсонесѣ (Изв. Имп. Арх. Ком., 21, 1907); фонъ-Штернѣ — О мѣстоположеніи древняго Херсонеса. 1908.

⁴⁾ Отчеты Ю. А. Кулаковскаго въ „Матер. по археологіи Россіи“, 9 и В. В. Шкорпиль въ „Изв. Импер. Арх. Ком.“.

⁵⁾ П. М. Леонтьевъ — Археологическая разысканія на мѣстѣ древняго Танаиса и въ его окрестностяхъ („Пропилеи“, кн. IV, 1854).

⁶⁾ Н. И. Веселовскій. — Танаисъ младшій („Гермесъ“, 1909, 5).

⁷⁾ А. А. Миллеръ. — Къ вопросу о Танаисѣ („Гермесъ“, 1909, 3); его же — Раскопки въ районѣ древняго Танаиса („Изв. Импер. Археол. Ком.“, вып. 35, 1910).

сосуды, датируемые IV—III вв. до Р. Х., т.-е. временемъ древняго Танаиса. Но вліяніе античнаго міра на судьбы юга Россіи этимъ не исчерпывается, и совсѣмъ недавно, на Кавказѣ, на недоступныхъ горныхъ высотахъ Гарни, открыть греко-римскій храмъ, подвергнутый изученію классическимъ отдѣленіемъ Импер. Русскаго Археологическаго Общества при ближайшемъ участіи проф. Н. Я. Марра и Я. И. Смирнова¹⁾. Таковы результаты открытій классической древности въ предѣлахъ Россіи; они, какъ можно видѣть, даютъ многое и разрѣшаютъ немало существенныхъ вопросовъ, но за разрѣшенными вопросами становится рядъ вопросовъ неразрѣшеннныхъ и раскопки новая неумолимо побуждаютъ къ раскопкамъ новѣйшимъ.

Этимъ я и заканчиваю свои *нѣкоторые итоги*. Въ задачу мою не входило обозрѣніе древностей славяно-русскихъ, древностей княжескаго периода; это могло бы составить задачу особаго доклада. Нельзя, однако, не отмѣтить, что и въ этомъ направленіи работа послѣднихъ лѣтъ громадна и захватывающа. Многое суммировано, многое поставлено на первую очередь, многое существенно измѣнило старыя представленія (напр., открытие въ Киевѣ мастерскихъ ювелирныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ), но еще болѣе находятся въ области гипотезъ и болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположений.

Заканчивая свой бѣглый очеркъ, позволю себѣ остановиться на уже поставленномъ вопросѣ: что изъ разсмотрѣннаго вытекаетъ-ли какая-нибудь возможность широкаго философско-археологическаго построенія, цѣльной абстракціи на основаніи даннаго материала. Вѣдь философское построеніе, выведенное индуктивнымъ путемъ, опирается на опытъ и наблюденіе, исходить изъ твердо установленныхъ и критически пропроверенныхъ фактовъ. Между тѣмъ, въ археологии, даже въ тѣхъ областяхъ археологическихъ открытій, которыя увѣнчаны признаннымъ успѣхомъ, дѣло не доведено до конца, весь фактическій материалъ не установленъ. Попытки общихъ построеній могутъ быть не доведены до окончательного результата, какъ новое археологическое открытие потребуетъ коренного измѣненія самого плана построенія. Безусловно, мы еще въ періодѣ сбиранія и накопленія; въ лучшемъ случаѣ мы можемъ подводить итоги работы, резюмировать, ставить отдѣльныя осторожныя рѣшенія въ отдѣльныхъ научно проработанныхъ случаяхъ, до созданія-же общей философско-археологической концепціи далеко, еще дальше, быть можетъ, чѣмъ прежде. Но широкая перспектива, мысль о созданіи точной исторической дисциплины²⁾ является тѣмъ путеводнымъ огнемъ, тѣмъ свѣточемъ, который широко озаряетъ кропотливую, незамѣтную, но глубокую и неустанную работу археолога-древлевѣда.

И. Бороздинъ.

¹⁾ Съ результатами этихъ изслѣдований Я. И. Смирновъ знакомилъ Моск. Археол. Общество.

²⁾ Здѣсь археология не отдѣлма отъ исторіи.

I.

РѢЧИ И АДРЕСЫ.

РѢЧЬ московского губернского предводителя дворянства А. Д. Самарина.

Не мнѣ, въ настоящемъ ученомъ собраніи, касаться научныхъ трудовъ покойнаго графа Алексѣя Сергеевича Уварова; его заслуги передъ наукой уже получили достойную и справедливую оцѣнку.

Но, какъ предводитель московского дворянства, къ которому принадлежалъ графъ, я считаю своимъ долгомъ почтить его память. Съ чувствомъ глубокагоуваженія я долженъ отмѣтить его заслуги передъ дворянствомъ, въ собраніяхъ котораго онъ принималъ всегда живое и дѣятельное участіе. Среди своихъ обширныхъ научныхъ занятій гр. Уваровъ нашелъ время, чтобы посвятить свои силы и общественной дѣятельности въ родномъ ему Можайскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ почти два трехлѣтія занималъ должность уѣзданого предводителя дворянства. Неся государственную службу по выборамъ дворянства, графъ А. С. въ то же время былъ при введеніи земскихъ учрежденій убѣжденнымъ горячимъ работникомъ въ московскомъ земствѣ.

Такія заслуги графа налагаются на меня почетную обязанность присоединить голосъ московского дворянства, какъ помѣстнаго служилаго сословія, къ голосу тѣхъ, кто собрался здѣсь, чтобы воздать должное одному изъ самыхъ просвѣщенныхъ дѣятелей прошлаго столѣтія, положившему всѣ свои силы на служеніе родной наукѣ и обществу.

Адресъ Лазаревскаго Института

Императорскому Московскому Археологическому Обществу.

Наканунѣ открывшагося вчера радостнаго праздника русской науки, привлекшаго въ Москву тысячи гостей, стремящихся ознакомиться съ ея послѣдними успѣхами, мы получили отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и Историческаго Музея приглашеніе почтить память графа Алексѣя Сергеевича Уварова, незавѣннаго основателя, перваго и пожизненнаго предсѣдателя Общества,

въ день двадцатипятилѣтней годовщины его смерти. Откликаемся на этотъ призывъ съ тѣмъ болѣшой готовностью, что онъ, хотя бы случайно, напомнилъ намъ древнее народное *jus mortis*, „право почившихъ предковъ“. Вспомнимъ трогательный русскій обычай, въ силу котораго всѣ величія празднества сопровождались культомъ мертвыхъ: потомки, готовясь къ празднству, посѣщали могилы дорогихъ покойниковъ и воскрешали о нихъ свои воспоминанія. Этимъ поддерживалась духовная связь чередующихся поколѣній, передавалась преемственно культурная традиція. Какія же воспоминанія о графѣ вызываетъ въ насъ настоящее чествованіе его памяти? Первоклассный ученый, проложившій широкій путь археологической наукѣ въ нашемъ отечествѣ, обогатившій ее цѣннѣшими трудами, работавшій всю свою жизнь безъ устали, не покладая рукъ, замѣчательный организаторъ научныхъ предпріятій, оставившій слѣды своей неутомимой дѣятельности въ основаніи нашего Общества, въ возведеніи этого грандіознаго зданія Историческаго Музея — сокровищницы исторического прошлага русской культуры, въ организаціи Археологическихъ Сѣвѣздовъ, освѣщающихъ лучами науки цѣлую громадную область Россіи, инициаторъ многочисленныхъ раскопокъ и археологическихъ изысканій, — наконецъ,—что стоитъ выше всего въ сердцахъ лицъ, имѣвшихъ счастье вступать съ нимъ въ личное общеніе—высокосимпатичный, безконечно добрый и отзывчивый человѣкъ—вотъ какой образъ покойнаго возстаетъ въ нашей памяти, образъ, который мы, его младшіе современники, унесемъ съ собой въ могилу. Любвеобильная память вдовы графа украсила нынѣшній день новымъ, только что завершеннымъ научнымъ предпріятіемъ: передъ нами три обширные тома, собравшіе его мелкіе труды, его статьи по теоретическимъ вопросамъ археологии и материалы для его біографіи. Благодаря этому прекрасному изданію, покойный ученый снова возстаетъ передъ нами во весь ростъ, а біографическая данныя проливаются новый свѣтъ на первый періодъ его неутомимой дѣятельности, открываютъ передъ нами тѣ задатки даровитаго ученаго, которые такъ плодотворно развились въ его дальнѣйшихъ трудахъ. Возможно ли было болѣе благороднымъ, болѣе цѣннымъ для науки способомъ почтить память покойнаго, чѣмъ этимъ изящнымъ изданіемъ, а равно учрежденiemъ преміи и медали имени графа Уварова?

Привѣтствуя Императорское Московское Археологическое Общество и его высокочтимаго предсѣдателя отъ имени профессоровъ Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ, отъ Восточной Комиссіи нашего Общества и отъ Этнографического Отдѣла И. О. Л. Е. А. и Э., тѣсно связанныхъ въ своей дѣятельности съ многосторонними научными интересами покойнаго, въ этотъ свѣтлый день воспоминаній о свѣтлой личности, выражаютъ глубокуюувѣренность, что имя графа А. С. Уварова никогда не утратитъ своего высокаго положенія въ исторіи русской науки и что память о его великихъ заслугахъ будетъ всегда чтиться идущими намъ на смѣну поколѣніями русскихъ археологовъ.

Профессоръ *Всеволодъ Миллеръ*.

Отъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ.

Незабвенної памяти графа Алексея Сергеевича Уварова
Румянцовскій Музей.

Въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка видный русскій аристократъ посвящалъ досуги отъ государственной службы на высокихъ ея постахъ собиранию и изданію рукописей и книгъ для изученія исторіи отечественной земли и плоды этихъ благороднѣйшихъ стараній онъ завѣщалъ подъ именемъ „Румянцовскаго Музеума“ Русскому государству „на благое просвѣщеніе“.

И когда сего русскаго мецената не стало, въ свой чередъ, явился въ средѣ нашей аристократіи ему достойнѣйшій преемникъ и продолжатель его научныхъ стремленій, графъ Алексѣй Сергеевичъ Уваровъ, который понялъ задачу служенія наукѣ русской исторіи и русской археологіи глубже и шире своего знаменитаго предшественника. На опытѣ убѣдившись, какъ избранная имъ наука требуетъ у него всего времени и всѣхъ силъ, графъ Алексѣй Сергеевичъ нашелъ, что соединеніе государственной службы со служеніемъ наукѣ, въ избранной имъ мѣрѣ, уже невозможно и потому, удалившись въ частную жизнь, онъ отдался, съ ему одному тогда свойственнымъ увлеченіемъ, книгѣ, организаціи археологическихъ раскопокъ и устройству ученаго содружества, посвященнаго изученію русской археологіи, въ родной ему Москвѣ. Ставши между нами руководителемъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, онъ, въ свою очередь, увидѣлъ, что однѣхъ раскопокъ и одной теоретической разработки археологіи недостаточно и что, въ разныхъ цѣляхъ, необходимо созданіе въ центрѣ Россіи большого Россійскаго Историческаго Музея. Тогда открылось передъ графомъ Алексѣемъ Сергеевичемъ здѣсь обширное поле сооруженія величественнаго по размѣрамъ и характернаго по стилю зданія, съ одной стороны и собиранія для него памятниковъ быта и художествъ русской земли, по всѣмъ ея мѣстамъ, съ другой. Много лѣть протекло и много думъ передумано въ этой упорной и сложной работѣ, — и графу Алексѣю Сергеевичу благосклонною судьбою было даровано счастье увидѣть начало самостоятельнаго существованія и плодотворной дѣятельности созданнаго имъ новаго просвѣтительнаго института, который будетъ жить, пока будетъ жива Москва, или, что одно и то же, пока будетъ жива сама Россія.

Музей, нѣкогда созданный графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцовыи, нынѣ съ низкимъ поклономъ приноситъ чувство благоговѣнія къ славной памяти графа Алексея Сергеевича Уварова, какъ геніального русскаго археолога, имя котораго произносится съ почте-

ніемъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ, какъ основателя Императорскаго Московскаго Археологического Общества и Археологическихъ Съѣздовъ въ Россіи; ему Румянцовскій Музей нынѣ несетъ свой почтительный поклонъ и какъ основателю идущаго отъ силы къ силѣ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея. Директоръ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ И. Цвѣтаевъ.

Московской Синодальной Конторы.

Московская Святѣйшаго Синода Контора, имѣюща въ своемъ завѣданіи первопрестольный храмъ Пречистыя Богородицы, какъ древнѣйшую всероссийскую святыню, нынѣ, въ день исполнившагося двадцатипятилѣтія со времени блаженной кончины незабвенаго первого предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, графа Алексѣя Сергеевича Уварова, стяжавшаго своею ученой дѣятельностью славу безпрѣмѣрного его организатора и оставившаго ему свои мудрые завѣты для строгаго охраненія священныхъ памятниковъ российской древности, возносить къ Господу Богу свои усердныя молитвы о упокоеніи чистой души его со святыми.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая близко къ сердцу высокія задачи и благія цѣли Археологическаго Общества, въ ознаменование четверти вѣка ученыхъ трудовъ его подъ опытнымъ руководствомъ достойнаго преемника графа, теперешняго его пожизненнаго предсѣдателя, досточтимой графини Параскевы Сергеевны Уваровой, Синодальная Контора уполномочила меня, какъ своего сочлена и настоятеля Успенскаго Собора, быть выразителемъ одушевляющихъ ее чувствъ глубокагоуваженія къ ученымъ трудамъ Общества и торжественно засвидѣтельствовать, что соборъ святителей, присутствующихъ въ Синодальной Конторѣ, преподаетъ Обществу свое благословеніе и усердно молитъ Бога о продолженіи его плодотворной дѣятельности на стражѣ охраненія памятниковъ отечественной старины, подъ тѣмъ же надежнымъ высокопросвѣщеннымъ руководствомъ, на многая и многая лѣта.

Членъ Московской Святѣйшаго Синода Конторы

Протопресвитеръ Владимиръ Марковъ.

29 декабря 1909 года.

Московскаго Археологическаго Института.

Въ половинѣ XIX вѣка выступили на поприщѣ разработки археологии выдающіеся ученые, обладавшіе несомнѣннымъ талантомъ и громадною эрудицією. То былъ Порфирий Успенскій, Федоръ Ивановичъ

Буслаевъ, графъ Алексѣй Сергеевичъ Уваровъ. Съ того времени, можно сказать, и началась русская археологія, какъ наука.

Сегодня, въ день исполнившагося двадцатипятилѣтія со времени кончины графа А. С. Уварова, съ особеною яркостью долженъ выступить предъ русскимъ обществомъ свѣтлый образъ этого родоначальника русской археологіи.

Необычайная способность группировать около себя дѣятелей для совмѣстной, дружной разработки родной старины—вотъ одна изъ отличительныхъ чертъ его.

Однимъ изъ принциповъ дѣятельности графа была солидарность, такъ сказать, соборность изученія прошлыхъ судебъ отечества и освѣщеніе тьмы минувшихъ вѣковъ.

Его можно назвать рыцаремъ науки, который объединялъ подъ ея знаменемъ ученые силы, и въ отношеніяхъ котораго и тѣни не было эгоистическихъ цѣлей и личныхъ мелкихъ интересовъ. Потому-то едва-ли среди ученыхъ другой какой-либо области исторического знанія въ Россіи наблюдалась большая солидарность, какъ среди археологовъ времени графа А. С. Уварова. Сверхъ материальныхъ средствъ онъ не только лично работалъ неустанно для успѣховъ археологіи, но и своимъ общественнымъ положеніемъ пользовался для нея же.

Съ чувствомъ благоговѣнія относятся къ памяти графа тѣ, кто только имѣлъ счастье работать вмѣстѣ съ нимъ и подъ его руководствомъ. Эта память въ душѣ ихъ окружена ореоломъ.

Графъ А. С. Уваровъ былъ организаторомъ I-го Археологическаго Съѣзда, за которымъ еще при немъ послѣдовалъ и рядъ другихъ, основателемъ Московскаго Археологическаго Общества, Историческаго Музея.

Имъ, вмѣстѣ съ его сотрудниками, издано множество капитальныхъ трудовъ, безъ которыхъ до сихъ поръ никакъ не обойтись ученому, занимающемуся русской археологіей.

Здѣсь нѣтъ времени перечислять ученые труды графа въ области первобытныхъ и бытовыхъ древностей, христіанской археологіи и т. п.

Московскій Археологический Институтъ считаетъ себя учрежденіемъ, возникшимъ на почвѣ, воздѣланной его трудами, и въ стѣнахъ Института его имя слышится во всѣхъ, аудиторіяхъ на лекціяхъ по самымъ разнообразнымъ предметамъ.

Потому-то въ настоящій день профессора и преподаватели Института, собравшись *in corpore*, считаютъ своимъ священнымъ долгомъ торжественно выразить здѣсь свою глубочайшую признательность и чувство благоговѣйного почтенія къ графу А. С. Уварову.

Память о немъ и горячія симпатіи къ нему не умрутъ! Дѣла его живы и будутъ жить, пока въ Россіи существуетъ наука и пока въ мірѣ слышится русская рѣчь!

Церковно-археологического Отдѣла Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія.

Мы, члены Церковно-Археологического Отдѣла Московскаго Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, считаемъ пріятнымъ долгомъ отмѣтить выдающіяся заслуги незабвеннаго графа Алексія Сергеевича Уварова на поприщѣ церковной археологии.

Для возбужденія интереса къ старинѣ и для добыванія возможно большихъ свѣдѣній объ имѣющихъ памятникахъ, графъ Алексій Сергеевичъ Уваровъ отнесся къ епархиальнымъ архіереямъ съ просьбою, чтобы они пригласили настоятелей монастырей и церквей къ сообщенію свѣдѣній о всѣхъ имѣющихъ у нихъ древностяхъ, что и послужило основаніемъ той замѣчательной коллекціи по церковной археологии, которую въ настоящее время обладаетъ Императорское Московское Археологическое Общество.

Графъ Алексій Сергеевичъ Уваровъ издалъ альбомъ древностей Новгорода, Пскова, Рязани, Троицко-Сергіевской Лавры.

Кромѣ трудовъ, отдѣльно издававшихся, графъ Алексій Сергеевичъ Уваровъ помѣстилъ много своихъ изслѣдований по церковной археологии въ „Древностяхъ“ Московскаго Археологического Общества, „Археологическомъ Вѣстникѣ“ и „Трудахъ“ первыхъ археологическихъ съѣздовъ, созданныхъ такъ же по инициативѣ графа.

Своими учеными трудами вообще, и по церковной археологии въ частности, графомъ Алексіемъ Сергеевичемъ Уваровымъ безспорно приобрѣтена „вѣчнаѧ память“.

Н. Д. Струковъ, И. Стеллецкий, Ю. В. Арсеньевъ.

29—XII—09.

II.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Отъ Императорской Археологической Комиссіи.

Императорская Археологическая Комиссія просить Ваше Сіятельство вѣрить одушевляющему ее чувству благодарного уваженія къ дарованіямъ и заслугамъ великаго русскаго археолога графа Алексея Сергѣевича Уварова въ памятный день двадцатипятилѣтія его кончины.

Графъ Алексѣй Вобринскій.

Отъ Императорского Русского Археологического Общества.

Въ двадцать пятую годовщину смерти своего незабвенного основателя Императорское Русское Археологическое Общество съ благодарностью вспоминаетъ научныя заслуги покойнаго Алексея Сергѣевича Уварова въ области изученія древностей Россіи.

Помощникъ предсѣдателя графъ Иванъ Толстой.

Отъ Императорского Одесского Общества Исторіи и Древностей.

Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей, съято чтя память незабвенного графа Алексея Сергѣевича Уварова, какъ основателя научнаго изученія русской археологіи, съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія присоединяется къ торжественнымъ поминкамъ по немъ,

Предсѣдатель Общества профессоръ фонъ-Штернъ.

Секретарь профессоръ Попруженко.

Отъ Русского Археологического Института въ Константинополѣ.

Русский Археологический Институтъ, въ памятный день кончины графа Уварова, выражаетъ чувства глубочайшаго уваженія къ заслугамъ покойнаго.

Успенскій.

Отъ Харьковского Историко-Филологического Общества.

Харьковское Историко-Филологическое Общество присоединяется къ чествованію памяти славного дѣятеля русской науки графа Алексѣя Сергеевича Уварова, проложившаго новые пути къ изученію старины.

Предсѣдатель профессоръ Сумцовъ.

Отъ Новгородского Общества Любителей Древности.

Въ двадцать пятую годовщину кончины графа Алексѣя Сергеевича Уварова Новгородское Общество Любителей Древности вспоминаетъ его плодотворную научную дѣятельность и въ Вашемъ лицѣ привѣтствуетъ Императорское Московское Археологическое Общество, созданное покойнымъ и четверть вѣка подъ Вашимъ предсѣдательствомъ обогащающее археологію своими трудами.

Муравьевъ.

Отъ Московского Отдѣла Императорского Русского Военно-Исторического Общества.

Исторический Музей, князю Щербатову. Московский Отдѣль Императорского Русского Военно-Исторического Общества въ двадцать пятую годовщину смерти графа Алексѣя Сергеевича Уварова присоединяется къ чествованію славной памяти его, какъ дѣятеля на почвѣ русской исторической науки и проситъ Ваше Сіятельство быть выразителемъ предъ графиней Прасковьей Сергеевной чувствъ глубокаго почитанія къ памяти покойнаго графа.

Генералъ отъ кавалеріи *Ллеве.*

Отъ Киевского Отдѣла Императорского Военно- Исторического Общества.

Кievskий Отдѣль Императорского Военно-Исторического Общества, свидѣтельствуя Вамъ, графиня, чувства глубокой скорби памятнаго дня утраты основателя Археологического Общества, вмѣстѣ съ тѣмъ шлетъ увѣренія, что его завѣтъ всегда останется живымъ для Отдѣла.

Предсѣдатель Отдѣла генералъ-адъютантъ *Ивановъ.*

Отъ Московскаго Общества любителей художествъ.

Московское Общество любителей художествъ, высоко чтя свѣтлую память графа Алексѣя Сергиевича Уварова, какъ бывшаго своего предсѣдателя, въ теченіе долгихъ лѣтъ неустанно заботившагося объ интересахъ Общества и оставилшаго по себѣ глубокій и яркій слѣдъ, шлетъ горячее привѣтствіе Московскому Археологическому Обществу и его предсѣдательницѣ, глубокоуважаемой графинѣ Прасковѣй Сергиевнѣ Уваровой, въ этотъ знаменательный день чествованія памяти основателя и первого пожизненнаго предсѣдателя, графа Алексѣя Сергиевича Уварова.

Предсѣдатель *Боткинъ*. Секретарь *Ежовъ*.

Отъ Минусинскаго Музея.

Музей чествуетъ память графа Алексѣя Сергиевича Уварова и привѣтствуетъ Васъ съ двадцатипятилѣтіемъ выдающейся научной дѣятельности, съ осуществленіемъ завѣтныхъ думъ покойнаго.

Савенковъ, Тропинъ.

Отъ Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей.

Комитетъ Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей въ день двадцатипятилѣтія со дня кончины незабвеннаго почетнаго члена Музея графа Алексѣя Сергиевича Уварова, помолившись объ упокоеніи его души, считаетъ своимъ долгомъ выразить Вамъ чувства глубокой преданности.

Титовъ, Шляковъ.

Отъ Московской Синодальной Типографіи.

Неустанно заботясь о сохраненіи памятниковъ древности, графъ Алексѣй Сергиевичъ Уваровъ много потрудился надъувѣковѣченіемъ памяти русскаго первопечатника Ивана Федорова, отъ котораго начала быть Московская Синодальная типографія; графъ сохранилъ намъ слѣпокъ съ надгробія Ивана Федорова, который нынѣ замѣняетъ утраченный оригиналъ; графъ всемѣрно заботился о научной реставраціи одного изъ старѣйшихъ зданій Москвы—„Книгохранительной Палаты“,

первымъ положилъ прочное основаніе благоустройству этой палаты и облегчилъ доступъ къ ея книжнымъ и рукописнымъ богатствамъ и всѣмъ этимъ покойный графъ стяжалъ себѣ незабвеннуу память въ стѣнахъ старого печатнаго двора. Въ день двадцатипятилѣтія со дня кончины графа Алексѣя Сергѣевича Уварова Московская Синодальная типографія приносить глубокую и искреннюю благодарность Императорскому Московскому Археологическому Обществу, первымъ предсѣдателемъ котораго состоялъ покойный графъ.

Управляющій типографіею *C. Войтъ.*

Отъ Педагогического Музея.

Императорское Московское Археологическое Общество, съ про свѣщенною готовностью снабжающее своими цѣнными тудами Педагогический Музей, и Императорскій Россійскій Историческій Музей, неоднократно шедшій навстрѣчу педагогическимъ нуждамъ Музея своими научными коллекціями, много облегчили и помогли Педагогическому Музею выполнить его трудную задачу внесенія науки въ школьное преподаваніе въ области русской исторіи и археологии. Поэтому Педагогический Музей, выражая общее желаніе педагоговъ, работающихъ въ немъ, въ день двадцатипятилѣтія кончины графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, считаетъ своимъ долгомъ и нравственною обязанностью засвидѣтельствовать о той пользѣ, которую принесла педагогическому дѣлу научная работа Императорского Московского Археологического Общества и Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея и почтить благодарнымъ воспоминаніемъ графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, создателя Императорскаго Археологическаго Общества и основателя Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея.

Предсѣдатель бюро Педагогического Музея *H. Тарасовъ.*

Отъ Тверской Ученой Архивной Комиссіи.

Вѣчныя памяти достойный графъ Алексѣй Сергѣевичъ, среди не престанныхъ заботъ и трудовъ какъ по охранѣ и изученію памятниковъ родной старины, такъ и по созданію въ сердцѣ Россіи—Москвѣ, центральныхъ для этой цѣли учрежденій Археологическаго Общества и Историческаго Музея, удѣляя много вниманія Твери, пробуждая и поддерживая здѣсь интересъ къ историческимъ изысканіямъ, заботливо слѣдя за обогащеніемъ Тверскаго Музея и принимая горячее и непосредственное участіе въ изданії его коллекціи. Поэтому въ настоящій памятный день двадцатипятилѣтней годовщины незабвеннаго устроителя отечественной археологии, Тверская Ученая Архивная Комиссія считаетъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать передъ Вами, достойной

продолжательницей его великихъ трудовъ, о чувствахъ глубокой признательности къ заслугамъ почившаго, питая увѣренность, что живыя и дѣятельныя сношенія первопрестольной Москвы со старой Тверью будутъ продолжаться и развиваться на пользу русской исторической науки.

Предсѣдатель Комиссіи *Ивановъ*.

Правитель дѣлъ Комиссіи *Виноградовъ*.

Отъ Рязанской Архивной Комиссіи.

Рязанская Архивная Комиссія предъ портретомъ Алексѣя Сергѣевича Уварова кладеть земной поклонъ памяти славнаго археолога.

Предсѣдатель *Яхонтовъ*.

Отъ Ярославской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Ярославская Архивная Комиссія, тѣсно и неразрывно связывая имя графа Алексѣя Сергѣевича со славной эпохой развитія самопознанія русскихъ людей, шлетъ свой привѣтъ достойной продолжательницѣ трудовъ покойнаго.

Предсѣдатель Комиссіи *кн. П. Урусовъ*.

Отъ Можайского Благотворительного Общества.

Молитвенно присоединяясь къ чествованію Археологическимъ Обществомъ дня двадцатипятилѣтія годовщины кончины Вашего супруга, графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, Можайское Благотворительное Общество, отслуживъ сегодня панихиду по покойномъ, какъ основателѣ его, приносить Вашему Сіятельству искреннія пожеланія здоровья и многолѣтія на пользу и дальнѣйшее процвѣтаніе этихъ Обществъ.

Помощница предсѣдательницы *Давыдова*.

Отъ Витебской Ученой Архивной Комиссіи.

Витебская Ученая Архивная Комиссія присоединяется къ чествованію памяти незабвеннаго дѣятеля русской старины графа Уварова.

Предсѣдатель *Арсеньевъ*.

Отъ Московскаго Губернатора.

Глубоко сожалѣю, что служебныя дѣла лишаютъ меня возможности воспользоваться любезнымъ Вашимъ приглашеніемъ и приѣть на торжественное засѣданіе по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія со дня кончины графа Алексѣя Сергеевича Уварова, память котораго я особенно чту.

Губернаторъ *Джунковскій.*

Отъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.

Милостивый государь, князь Николай Сергеевичъ! Не имѣя возможности быть сегодня на торжественномъ соединенномъ засѣданіи Управленія Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Александра III и Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, посвященномъ памяти основателя Музея и первого его предсѣдателя графа А. С. Уварова, позволяю себѣ письменно привѣтствовать Васъ, Ваше Сиятельство. Примите увѣренія въ совершенномъ уваженіи и преданности.

Вашего Сиятельства покорнѣйший слуга *А. Ждановъ.*

Отъ профессора Д. В. Айналова.

Чтѧ заслуги основателя Историческаго Музея, покойнаго графа Уварова, приношу дань глубокаго уваженія памяти и трудамъ выдающагося русскаго ученаго.

Айналовъ.

Отъ ректора Харьковскаго Университета.

Всей душой присоединяюсь къ чествованію памяти графа Уварова, заслуги котораго останутся незабвенные въ лѣтописяхъ русской археологической науки.

Ректоръ *Багалій.*

Отъ проф. М. Н. Бережкова.

Дай Богъ ему царство небесное и сбытие его земныхъ надеждъ на то, что археологическая и историческая наука въ Россіи будетъ рости и привлекать къ себѣ все больше людей таланта и патріотического настроения, что во вкусъ ея войдутъ постепенно всѣ образованные и просто грамотные люди русскіе. И мы уже видимъ, что эти надежды въ значительной мѣрѣ сбываются. Идея графа жива. Прощайте! Цѣлую Вашу руку, душевно преданный Вамъ *М. Бережковъ.*

Отъ Е. В. Барсова и А. А. Титова.

Съ именемъ графа Уварова связана новая эпоха исторической науки. Состоя подъ знаменемъ собранной имъ археологической дружины, мы научились и любить и уважать это знамя. Горды этимъ сознаниемъ, вдохновляемые его энтузиазмомъ, мы благоговѣйно присоединяемся къ чествованію его памяти и величаго подвига его жизни.

Барсовъ, Титовъ.

Отъ К. В. Болсуновскаго.

Ваше Сиятельство, глубокоуважаемая графиня Прасковья Сергеевна! Узнавъ изъ газетъ о торжественномъ чествованіи въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ 29 декабря памяти основателя нашего Общества, высокопочтаемаго супруга Вашего Сиятельства графа Алексея Сергеевича Уварова, считаю своимъ долгомъ, хотя письменно, присоединиться къ этому акту лучшихъ представителей всероссийской науки и выразить Вашему Сиятельству мои искреннѣйшія чувства глубокаго уваженія къ свѣтлой памяти незабвенного дѣятеля въ области археологии. Одновременно прошу разрѣшенія прислать на усмотрѣніе Вашего Сиятельства 10-ти экземпляровъ моего изслѣдованія о „Жертвеникѣ Свѣтовидѣ“.

Вашего Сиятельства искренно преданный слуга *К. В. Болсуновскій.*

Отъ М. П. Боткина.

Съ искреннею благодарностью преклоняюсь передъ незабвенной памятью графа Алексея Сергеевича, создавшаго чудный Музей въ Москвѣ, и передъ графиней Прасковьей Сергеевной, достойно и съ честью продолжающею благое дѣло просвѣщенія. Желаю здоровья и энергіи на многія лѣта.

Михаилъ Боткинъ.

Отъ проф. В. П. Бузескуль.

Мысленно отъ всей души присоединяюсь къ чествованію памяти незабвенного въ лѣтописяхъ русской археологии графа Алексея Сергеевича Уварова, сожалѣю, что не могу присутствовать лично.

Бузескуль.

Отъ А. И. Вахромѣева.

Покойный отецъ мой, Иванъ Александровичъ Вахромѣевъ, сталъ на путь историко-археологическихъ интересовъ благодаря нравственному воздействию незабвеннаго графа Алексѣя Сергеевича Уварова и потому завѣщалъ все свое рукописное собраніе въ Исторический Музей, основанный графомъ. Движимый семейнымъ воспоминаніемъ и благодарнымъ чувствомъ, отъ лица всей семьи привѣтствуя Императорское Московское Археологическое Общество, продолжающее завѣтъ и подвигъ своего славнаго основателя.

Александръ Вахромѣевъ.

Отъ П. П. Вейнеръ.

Сожалѣю, что поздно узналъ о годовщинѣ кончины графа Уварова. Прошу передать Археологическому Обществу, что „Старые Годы“ благодарно вспоминаютъ графа Алексѣя Сергеевича Уварова, положившаго столько труда, знанія и любви на изученіе родной старины. Вѣчная слава его имени.

Вейнеръ.

Отъ проф. Р. Гаусманна.

Чту память основателя научнаго изслѣдованія русской археологии.

Гаусманнъ.

Отъ А. А. Голомбіевскаго.

Позвольте привѣтствовать Васъ и пожелать многіе годы нести знамя вождя русской археологии, полученное Вами двадцать пять лѣтъ назадъ изъ рукъ самого достопамятнаго графа Алексѣя Сергеевича Уварова, первого русскаго ученаго археолога.

Голомбіевскій.

Отъ М. И. Забѣлиной.

Посылаю мое искреннее привѣтствие Археологическому Обществу и Историческому Музею, съ его блестящей и плодотворной дѣятельностью, свято и крѣпко сохранившую за эти 25 лѣтъ завѣты и намѣченныя цѣли незабвеннаго графа Алексѣя Сергеевича. Да здравствуетъ Исторический Музей, да здравствуетъ Археологическое Общество и его славная досточтимая предсѣдательница на многія, многія лѣта.

М. Забѣлина.

Отъ проф. В. С. Иконникова.

Вспоминая великий подвигъ, совершенный покойнымъ графомъ Алексѣемъ Сергиевичемъ на пользу отечественной науки, считаю долгомъ выразить искреннѣйшее почитаніе его памяти и пожеланіе Обществу и впредь слѣдоватъ дорогимъ завѣтамъ своего основателя.

Иконниковъ.

Отъ проф. Д. А. Корсакова.

Глубоко и искренно чти память графа Алексѣя Сергиевича, какъ основателя русской археологической науки и патріота въ наилучшемъ смыслѣ этого слова, сердечно сожалѣю, что не могу быть на сегодняшнемъ чествованіи его незабвенной памяти, но возобновившаяся малаярія не позволяетъ мнѣ это исполнить.

Профессоръ Корсаковъ.

Отъ проф. П. А. Лаврова.

Присоединяюсь къ чествованію памяти графа, заслуженного изслѣдователя въ области археологии.

Профессоръ Лавровъ.

Отъ проф. Н. П. Лихачева.

Пожалуйста, присоедините къ общему хору и мой скромный приѣтъ. Знаменательный день чествованія памяти графа Алексѣя Сергиевича является въ то же время и юбилейнымъ днемъ двадцатипятилѣтней могучей и неустанной дѣятельности графини, достойной замѣстительницы создателя археологическихъ сѣздаовъ и научной разработки русской археологии.

Николай Лихачевъ.

Отъ настоятеля Меречской церкви.

Въ январѣ наступающаго 1910 года исполнится ровно 20 лѣтъ, какъ мною получено было приглашеніе прибыть въ Москву на VIII Археологическій Съездъ. Тогда я былъ счастливцемъ гостемъ; мнѣ пришлось жить въ кабинетѣ покойного графа Алексѣя Сергиевича Уварова, при той обстановкѣ, какая была при жизни его. Пять лѣтъ только отдѣляло свѣжую тогда могилу дорогого и незабвенного графа отъ не-

изгладимыхъ тѣней его жизни, совокупной и нераздѣльной съ жизнью истинныхъ сыновъ Россіи!

Ознакомленный обстоятельно съ возникновенiemъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и съ завѣтами покойнаго графа, воплотившаго въ своей жизни красу семейнаго Богомъ благословленнаго счастья, сроднившаго подъ семейнымъ очагомъ священные завѣты предковъ, поставивъ ихъ — какъ вѣчно дорогое наслѣдіе потомству Россіи, съ неземнымъ восторгомъ вспоминаю и теперь лучшіе годы моей жизни, къ которымъ молитвенно прилипаетъ душа, вѣрующа не только въ лучшее прошлое, но и въ лучшее будущее...

Воистину рѣдкое воплощеніе идеаловъ, гармонично связующихъ семью домашнюю и притомъ аристократическую съ семьею общерусскою! Сколько вѣры, чистой, какъ кристаллъ, сколько энергіи, сколько силы и простоты душевной воплотилось въ этой избранницѣ двухъ родовъ — князей Щербатовыхъ и графовъ Уваровыхъ! Обѣѣхать весь Кавказъ, колыбель древняго христіанства, посѣтить всѣ святыни Грузіи, Имеретіи и т. д., ставшихъ нынѣ камнемъ преткновенія для міра сего, развѣ это не великий подвигъ служенія русской женщины родной вѣрѣ и аборигенамъ ея — носителямъ этой вѣры!

Гр. археологи! Вспомните засѣданія VIII Археологическаго Съѣзда, величавыя, чудныя и безподобныя по своей архаической простотѣ и искренности въ зданіи Историческаго Музея, гдѣ во весь ростъ красуется живой портретъ незабвеннаго графа А. С. Уварова — основателя Московскаго Археологическаго Общества! Вспомните нашу заключительную экскурсіонную поѣздку въ Троице-Сергіеву Лавру! Вспомните послѣдующіе Археологическіе Съѣзды въ Вильнѣ, Ригѣ!.. Кто былъ живымъ и миленъ отголоскомъ бессмертной души графа А. С. Уварова, какъ не благовѣрная супруга его, донынѣ здравствующая графиня Прасковья Сергеевна! Какъ она умиротворяла на съѣздахъ бушующія страсти — словно родная мать, избранница ареопага ученыхъ людей Россіи и Европы! Можно ли, напримѣръ, сравнить подчасть „бурныхъ“ засѣданія Археологическихъ Съѣзовъ съ нынѣшними засѣданіями Государственной Думы? Разница какъ небо отъ земли!

Окружимъ же „русской“ дружиною вѣчно дорогую могилу основателя „русской археологии“ незабвеннаго графа А. С. Уварова; пусть онъ будетъ для всѣхъ нась и потомковъ нашихъ свѣточемъ русской души и русской жизни! Вѣчная и блаженная память ему! Слезами оросимъ могилу его, а вѣрной хранительницѣ завѣтовъ въ Бозѣ почившаго графа, достойнѣйшей супругѣ его графинѣ П. С. Уваровой отъ чистой души пожелаемъ съ неослабною energieю продолжать и совершенствовать ученые труды свои для славы родной матушки нашей Россіи на многая и многая лѣта!

Меречской Кресто-Воздвиженской церкви настоятель
священникъ *Левъ Паевскій.*

Отъ проф. Н. И. Петрова.

Благоговѣйно чту память незабвеннаго графа.

Профессоръ *Петровъ*.

Отъ протоіерея Попова.

Вѣчная память о высокопочтенныхъ подвигахъ и приснопамятныхъ трудахъ незабвеннаго основателя славнаго Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и драгоцѣннаго Историческаго Музея графа Алексѣя Сергиевича Уварова всегда будетъ жить въ русскомъ сердцѣ, изъ котораго нынѣ изливается горячая молитва объ упокоеніи чистой души почившаго въ райскихъ обителяхъ и о здравіи и долголѣтии Вашего Сіятельства, какъ просвѣщеннаго и энергичнаго выполнителя великихъ завѣтовъ почившаго. Да процвѣтаютъ Императорское Московское Археологическое Общество и Исторический Музей, какъ памятники славнаго и просвѣщеннаго ихъ основателя!

Протоіерей *Поповъ*.

Отъ доктора Рябинина.

Въ день двадцатипятилѣтія памяти незабвеннаго графа Алексѣя Сергиевича Уварова привѣтствуя въ Вашемъ лицѣ, графиня, предсѣдательницу Московскаго Археологическаго Общества, основаннаго имъ любимаго его родного дѣтища и отъ души желаю процвѣтанія Общества на многіе славные годы.

Докторъ *Рябининъ*.

Отъ Н. Ф. Рихтера.

Усиленныя работы не даютъ возможности лично присутствовать на торжественномъ засѣданіи Археологическаго Общества, чтобы почтить память графа; всей душой съ Вами въ этотъ памятный день.

Николай Рихтеръ.

Отъ проф. Д. Я. Самоквасова.

По нездоровью выражаютъ телеграммой чувство глубочайшаго уваженія къ памяти графа Алексѣя Сергиевича Уварова, положившаго

прочныя основы русской археологии своими раскопками, основаніемъ въ Москвѣ Археологического Общества и Исторического Музея, учрежденіемъ общерусскихъ Археологическихъ Съездовъ и богатѣйшими изданіями, передавшаго великое дѣло своей доблестной супругѣ, уже четверть вѣка съ изумительной энергией продолжающей дѣятельность незабвенного графа, также не щадя своихъ личныхъ силъ и средствъ на пользу русского національного самосознанія.

Професоръ *Самоквасовъ*.

Отъ протоіеря Смирнова.

Незабвенному супругу Вашему вѣчная память.

Протоіерей *Симеонъ Смирновъ*.

Отъ А. И. Стоянова.

Всю душою присоединяюсь къ чествованію памяти незабвенного графа Алексѣя Сергѣевича. *Стояновъ*.

Отъ С. В. Фарфоровскаго.

Ваше Сіятельство! По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ предполагается чествование незабвенної и великой памяти предсѣдателя Археологического Общества графа А. С. Уварова; я бы былъ бы счастливъ, если бы прилагаемый при семъ „Сборникъ матеріаловъ (архивныхъ) по русской исторіи“ былъ принятъ какъ малая дань великой работѣ графа А. С. Уварова. Его великую цѣль я приспособилъ къ школьному преподаванію, проводя въ немъ ту же идею, какую осуществлялъ великий ученый. Этотъ сборникъ вышелъ во исполненіе словъ Государя Императора въ Полтавѣ: „нужно, чтобы всѣ вѣрные Мои подданные помогали Своему Государю, нужна вѣра въ силу своего отечества, любовь къ нему, любовь къ своей старинѣ“.

Почтительнѣйше прошу извиненія за мое обращеніе къ Вамъ, Ваше Сіятельство. Преподаватель гимназіи *С. Фарфоровскій*.

Отъ прокурора Московской Святѣйшаго Синода конторы.

Имѣю честь увѣдомить Московское Археологическое Общество, что на имѣющеъ быть 29 сего декабря, въ залѣ Исторического Музея, чествование 25-лѣтія кончины основателя и первого пожизненнаго предсѣдателя означенаго Общества графа А. С. Уварова отъ Московской Св. Синода Конторы и подвѣдомственныхъ ей учрежденій командируется членъ Конторы протопресвитеръ Московскаго Большого Успенскаго собора В. С. Марковъ.

Прокуроръ *Ф. Степановъ*. Секретарь *В. Трелинъ*.

Правила о медали имени графа А. С. Уварова, учрежденной при Императорскомъ Москов- скомъ Археологическомъ Обществѣ.

§ 1. Въ память основателя Императорского Московского Археологического Общества и его первого и пожизненного предсѣдателя гр. А. С. Уварова учреждается большая золотая медаль для увѣнчанія отличныхъ трудовъ по русской археологии.

§ 2. Медаль выдается за труды, написанные на русскомъ языке и посвященные изслѣдованию памятниковъ древности, какъ первобытныхъ, такъ и христіанскихъ, классическихъ, восточныхъ и памятниковъ зодчества, но съ непремѣннымъ условиемъ, чтобы изслѣдованіе касалось древностей, найденныхъ или находящихся въ предѣлахъ Россіи и имѣющихъ прямое отношеніе къ древностямъ Россіи.

§ 3. Медаль имени графа А. С. Уварова выдается и за такія сочиненія, которыхъ были уже удостоены другими почетными наградами или преміями.

§ 4. Медаль присуждается одинъ разъ въ три года за сочиненіе, вышедшее въ свѣтъ въ теченіе этого периода времени, причемъ первое присужденіе медали пріурочивается ко дню 25-лѣтія со дня кончины графа, т.-е. къ 29 декабря 1909 года.

§ 5. Для присужденія медали Императорское Московское Археологическое Общество избираетъ въ послѣдній годъ каждого трехлѣтія, въ первомъ своемъ осеніемъ засѣданій, особую Комиссію изъ 7 членовъ, которая изъ появившихся въ трехлѣтній периодъ времени археологическихъ сочиненій выбираетъ наиболѣе важное и поручаетъ разборъ его лицу по своему усмотрѣнію.

§ 6. Заключеніе свое Комиссія, вмѣстѣ съ отзывомъ специалистовъ, представляетъ на утвержденіе чрезвычайного общаго собранія Общества, созываемаго въ день кончины графа, 29 декабря.

§ 7. Медаль присуждается баллотировкой большинствомъ двухъ третей голосовъ присутствующихъ действительныхъ членовъ Общества.

§ 8. Кромѣ золотой медали, выдается, въ знакъ признательности, лицамъ, принялшимъ на себя трудъ составленія разборовъ, такая же серебряная медаль.

Протоколъ засѣданія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 27 декабря 1909 г., подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, въ присутствіи гг. членовъ: Н. Н. Ардашева, С. К. Богоявленскаго, Р. Ф. Брандта, В. А. Городцова, А. Д. Григорьева, С. О. Долгова, Б. И. Дунаева, З. И. Иванова, Д. И. Иловайскаго, о. И. И. Кузнецова, Н. С. Курдюкова, Х. И. Кучукъ - Іоаннесова, И. К. Линдемана, И. П. Машкова, В. Ф. Миллера, А. А. Покровскаго, Л. М. Савелова, Д. П. Сухова, А. Н. Филиппова, А. С. Хаханова и секретаря Общества В. К. Трутовскаго.

1. Засѣданіе было посвящено, главнымъ образомъ, выслушанію отзывовъ о сочиненіяхъ, намѣченныхъ Совѣтомъ Общества въ засѣданіи 15 декабря, какъ отвѣчающихъ требованію § 2 Правилъ о медали имени основателя Общества гр. А. С. Уварова, присуждаемой каждое 3-лѣтіе, начиная съ 29 декабря сего года—дня 25-лѣтія его кончины и для рѣшенія вопроса о присужденіи этой медали.

2. Доложенье протоколъ засѣданія Совѣта Общества 15 декабря по вопросу о выборѣ трудовъ историко-археологического характера, вышедшихъ въ свѣтъ за послѣдніе 3 года и которые удовлетворяли бы § 2 Правилъ о присужденіи золотой медали имени гр. А. С. Уварова.

По поводу этого протокола, Н. Н. Ардашевъ просилъ добавить и объ его предложеніи намѣтить послѣднія изданія гр. П. С. Уваровой, которая въ засѣданіи 15 декабря отказалась отъ этого предложенія, а другіе члены просили упомянуть также, что единодушное мнѣніе всѣхъ остановилось на послѣднемъ трудѣ М. В. Никольскаго „Документы хозяйственной отчетности древнѣйшей эпохи Халдеи“, но онъ не могъ быть принятъ къ разбору, какъ касающійся памятниковъ, найденныхъ въ Россіи, и не относящихъ къ исторіи Россіи.

Постановлено: внести это дополненіе въ настоящій протоколъ, а о предложеніи Н. Н. Ардашева занести въ протоколъ.

3. Заслушаны были отзывы о сочиненіяхъ, отмѣченныхъ въ засѣданіи Совѣта Общества 15 декабря, а именно:

1) С. О. Долговъ прочелъ отзывъ о трудахъ проф. В. С. Иконникова: „Опытъ русской исторіографіи“, т. 2-й, книги 1 и 2.

2) Секретарь прочелъ отзывъ Ю. В. Готье о трудахъ проф. Д. Я. Самоквасова: а) „Сѣверянская земля и сѣверяне по городищамъ и могиламъ“ и б) „Описаніе археологическихъ раскопокъ и собранія древностей проф. Д. Я. Самоквасова“.

Къ этому Н. Н. Ардашевъ указалъ еще на послѣдній томъ „Документовъ Архива Мин. Юстиціи“, представляющій серьезный вкладъ въ науку, а В. К. Трутовскій на пропущенные рецензентомъ труды проф.

Самоквасова, также являющіеся весьма серьезными въ научномъ отношеніи— „Могилы русской земли“ и „Курсъ исторіи русского права“, изд. 3, какъ заключающій въ себѣ очень много чисто археологическихъ данныхъ.

3) В. К. Трутовскій прочиталъ свой отзывъ о послѣднихъ трудахъ д. чл. А. В. Орѣшникова: а) „Окуловскій кладъ русскихъ денегъ“, б) „Киликійскія монеты царя Марка Антонія Полемона“, в) „Херсоно-византійскія монеты“, г) „Полтавская медаль и плакета Гоголя“ и д) „Аптекарская посуда времени Петра Великаго“.

Такъ какъ всѣ отзывы были вполнѣ въ пользу разбиравшихся сочиненій, то всѣ они и были поставлены на баллотировку, причемъ, согласно § 7 Правилъ о медали, большинство должно было быть не менѣе $\frac{2}{3}$ присутствующихъ членовъ, каковое было установлено для настоящаго собранія въ 15 голосовъ, въ виду присутствія 22 дѣйств. членовъ Общества.

При баллотировкѣ шарами наибольшее количество шаровъ—16—6 получилъ трудъ проф. Иконникова, которому и была присуждена медаль.

Постановлено: объявить о семъ въ засѣданіи 29 декабря.

Отзывъ С. О. Долгова о труде проф. В. С. Иконникова.

Опытъ русской историографии. Томъ второй. Книга первая. Киевъ, 1908, 8 д. л., V+II+X+1056+XXXIII+V стр.

Томъ второй. Книга вторая. Киевъ, 1908, 8 д. л., III+(1057—1955)+XLIX+113 (Указатели)+IX+XI.

Въ 1908 году появился въ печати второй томъ замѣчательнаго труда заслуженнаго профессора университета св. Владимира В. С. Иконникова— „*Опыта русской историографии*“. Содержаніе этого тома представляетъ систематическій обзоръ источниковъ и исторію разработки Русской исторіи. Трудъ, по-истинѣ, гигантскій, потребовавшій, при исключительной работоспособности и подготовленности автора и при благопріятныхъ прочихъ условіяхъ, цѣлыхъ 18 лѣтъ для своего завершенія. За то сразу же послѣ своего отпечатанія второй томъ Русской историографии сталъ, подобно первому, необходимой настольной книгой русскаго историка, русскаго археографа, вообще всякаго лица, такъ или иначе интересующагося прошлымъ земли Русской.

Весь второй томъ „*Опыта русской историографии*“ раздѣленъ на двѣ книги и пять отдѣловъ; отдѣлы въ свою очередь подраздѣляются на главы, въ зависимости отъ содержанія. Кроме того, въ началѣ первой книги приложены предисловіе и введеніе, а въ концѣ второй, сверхъ дополненій, два указателя: личныхъ именъ и географическихъ названій.

Обратимся къ содержанію разсматриваемаго сочиненія.

Въ главѣ I первого отдѣла авторъ опредѣляетъ роль эпическихъ пѣсенъ въ дѣлѣ сохраненія преданій, а чрезъ это и въ пріобрѣтеніи народомъ историческихъ знаній. Попутно объясняется во всемъ этомъ роль памяти и дается характеристика эпоса у разныхъ народовъ.

Вмѣстѣ съ этимъ авторъ указываетъ на вліяніе поэтическаго элемента въ первоначальныхъ историческихъ опытахъ народовъ и опредѣляетъ роль генеалогіи и хроники въ дѣлѣ возникающей историографіи. Глава вторая посвящена возникновенію лѣтописи и ея исторіи. Здѣсь вкратцѣ разсматриваются лѣтописные труды Востока (Китай, Ассирія, Египетъ, Индія, Іудея и пр.) и болѣе подробно лѣтописаніе европейскихъ народовъ, начиная съ грековъ и римлянъ и кончая западными славянами. Особенное вниманіе здѣсь авторъ справедливо удѣляетъ средневѣковой историографіи. Онъ изслѣдуетъ лѣтописи монастырскія, мѣстныя и государственные, всемирныя и городскія хроники, указываетъ на вліяніе политическихъ событий и мѣстныхъ условій на ходъ

лѣтописаній, характеризуетъ позднѣйшіе сборники и компиляціи, при чмъ останавливается на преданіяхъ и легендахъ и, въ заключеніе, разбирааетъ важнѣйшія хроники западныхъ славянъ — чеховъ и поляковъ. Обѣ эти главы носятъ характеръ вводныхъ, и содержаніе очень удачно приурочено для поясненія дальнѣйшаго изложенія. Болѣе детально разработана авторомъ слѣдующая 3-я глава: о византійской хронографіи, имѣющаю болѣе близкое отношеніе къ хронографіи русской. Здѣсь, кромѣ общаго характера византійскихъ хроникъ, особенно внимательно изученъ и изложенъ вопросъ о значеніи Георгія Амартона, указаны славянскіе переводы Амартона и пояснено вліяніе его воззрѣній на русскую лѣтопись. Затѣмъ разсмотрѣны другія византійскія хроники, существующія въ славянскихъ переводахъ — Малала, Манассія, Зонара, Симеонъ Логофетъ, „Лѣтописецъ вскорѣ“ патріарха Никифора и др.; въ заключеніе разобраны южно-славянскія и румынскія лѣтописи и даже опредѣлено вліяніе византійской хронографіи на лѣтописаніе Востока (армянъ, грузинъ, турокъ).

Первый отдѣль, какъ мы видѣли, служить необходимымъ введеніемъ къ изслѣдованию русской исторіографіи и только со второго отдѣла это изслѣдованіе начинается. Здѣсь вопросъ ставится очень широко, материалъ тщательно группируется и всесторонне освѣщается. Въ первой главѣ авторъ собираетъ свѣдѣнія о культурѣ Приднѣпровья съ Геродотовскихъ временъ, приводитъ древнѣйшія извѣстія о славянахъ и русахъ, слѣдить за вліяніемъ Византіи и Корсуні въ первыя времена Русской исторіи. Здѣсь также разматриваются политическія отношенія при первыхъ князьяхъ, до принятія Русью христіанства и въ послѣдующее время, установление государственного порядка по византійскимъ началамъ и прослѣженіе судьбы Кіевской Руси до нашествія татаръ. Отведено здѣсь мѣсто политическимъ и брачнымъ союзамъ, не забыть извѣстный „путь въ Греки“, указаны торговыя связи съ Востокомъ и Западомъ, и отдѣльно разматриваются культурные вліянія на основаніи важнѣйшихъ письменныхъ свидѣтельствъ и археологическихъ данныхъ, напр., въ десятой рубрикѣ этой главы перечислены и сведены многочисленныя археологическая находки можетъ, кіевскихъ кладовъ и вообще древнихъ вещей въ области древней Руси и смежныхъ съ нею. Слѣдующая глава посвящена гражданскому быту, церковному устройству и начаткамъ образованности Кіевской Руси. Здѣсь также говорится о возникновеніи монашества, монастыряхъ Кіевской области, особенно Печерскомъ, и о благочестивыхъ хожденіяхъ на Востокъ. Въ главѣ третьей авторъ повѣствуетъ о возникновеніи письменности на Руси и ея характерѣ, перечисляеть древнѣйшіе книжные памятники, какъ переводные, такъ и оригиналъные, и сообщаетъ свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ Кіевского периода; затѣмъ онъ подробнѣ разсказываетъ о началѣ русского лѣтописанія, о лѣтописи Кіево-печерской, останавливается на мірской стихіи въ литературѣ и жизни, выясняетъ неблагопріятныя условія развитія этой стихіи подъ вліяніемъ византійскаго аскетизма, проникшаго въ русскую жизнь, и, въ заключеніе, указываетъ на причины исчезновенія

письменныхъ памятниковъ древней Руси отъ набѣговъ кочевниковъ, татарского нашествія и позднѣйшихъ бѣдствій Киевской области. Съ четвертой главы этого отдѣла начинается самая значительная часть „Опыта исторіографіи“. Здѣсь авторъ вступаетъ въ область наиболѣе важную своего „Опыта“, для изученія и разработки которой онъ и самъ много потрудился въ области русской лѣтописи. Въ области этой онъ не только, какъ и вездѣ, тщательный собиратель и изслѣдователь всѣхъ мнѣній,—онъ здѣсь глубокій знатокъ, а потому и изложеніе его исчерпываетъ вопросъ до самого дна, и аппаратъ его — исторический, критический и библіографический—совершененъ. Нѣть, кажется, той стороны изученія Начальной лѣтописи, лѣтописей мѣстныхъ, лѣтописныхъ сводовъ, которой онъ не изложилъ бы съ ясностью и исключительной полнотой. Вотъ, напримѣръ, содержаніе четвертой главы:—Отношеніе русской лѣтописи къ византійской и западной хронографіи.—Пасхальныя таблицы.—Хронологія.—Источники Начальной лѣтописи и ея содержаніе.—Значеніе кievскаго свода.—Мѣстный элементъ.—Лѣтописные параллели.—Міросозерцаніе лѣтописца.—Государственное значеніе лѣтописи.

Такъ же обстоятельны и исчерпывающія слѣдующаю главу этого отдѣла, посвященные: глава 5-я — научной разработкѣ древней лѣтописи отъ Татищева до „нашихъ дней“, т.-е. до изслѣдований и статей А. А. Шахматова; главы 6 по 13-ую — лѣтописямъ мѣстнымъ или областнымъ кievской, смоленскими, галицко-волынской, новгородскимъ, псковскимъ и др. Всѣ эти областныя лѣтописи изслѣдуются въ связи съ политической, бытовой и культурной исторіей тѣхъ княжествъ, областей и городовъ, где эти лѣтописи возникали. Особенно подробно въ этомъ отношеніи изслѣдованы Волынь и Галичъ, Новгородъ-Великій, Псковъ, Ростовъ, Владимиръ и Сузdalъ, Тверь и Рязань.

Главы 1 и 2 отдѣла третьяго посвящены московскому лѣтописанію, которое изслѣдуется авторомъ также широко. Предварительно онъ разсказываетъ о возышеніи Москвы, расширениіи ея территоріи, утвержденіи единодержавія, ея промышленности и о роли церкви во всемъ этомъ. Затѣмъ онъ останавливается на значеніи монастырей въ дѣлѣ московской книжности и письменности и опредѣляетъ вліяніе политическихъ условій на исторіографію московскаго періода. Указавъ по томъ связь московскаго лѣтописанія съ владимирскимъ, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію лѣтописныхъ сводовъ: Софійскаго, Воскресенскаго, Никоновскаго, лицевыхъ лѣтописей, официальной лѣтописи, разрядовъ. Въ 3-й главѣ разсматриваются такъ же подробно Казанскій лѣтописецъ и лѣтописи Сибирскія, а въ 4-й Степенная книга, ея происхожденіе, содержаніе и видоизмѣненія. При всѣхъ этихъ обозрѣніяхъ тщательно указаны списки памятниковъ, ихъ изданія и литература. Въ главѣ 5-й подробно повѣствуется о русскомъ хронографѣ, его происхожденіи, редакціяхъ и спискахъ. Въ заключительной 6-й главѣ этого отдѣла разсматриваются своды XVII и XVIII-го вѣковъ, позднѣйшія городская и мѣстная лѣтописи, лѣтописи раскольниччи, синодики и разсуждается о причинахъ прекращенія лѣтописанія.

Отдѣль IV весь отведенъ лѣтописанію Западной Руси и Малороссіи.

Отдѣль V раздѣленъ на три главы. Первая посвящена житіямъ святыхъ и другимъ сочиненіямъ біографическаго характера, вторая—сказаніямъ и повѣстямъ въ широкомъ смыслѣ этихъ опредѣленій; сюда, между прочимъ, вошли и описанія путешествій на Востокъ и Западъ. Заключается этотъ отдѣль историческимъ обзоромъ вопроса объ изданіи лѣтописныхъ памятниковъ со времени Петра Великаго; здѣсь же нашла себѣ оцѣнку дѣятельность по этому вопросу Археографической Комиссіи, Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ и Общества Любителей Древней Письменности; указаны и помѣстныя изданія.

Кромѣ указанныхъ ранѣе отличій труда Иконникова, отмѣтимъ еще здѣсь важную особенность изслѣдованія, именно привлеченіе авторомъ при решеніи выдвигаемыхъ вопросовъ не только архивнаго (письменнаго) матеріала, но и чисто археологическаго (предметнаго). Послѣдній матеріаль, такъ же какъ первый, авторомъ группируется, освѣщается и въ свою очередь способствуетъ уясненію поставленныхъ проблемъ.

Если первый томъ колlosсалнаго труда В. С. Иконникова, между прочимъ, обстоятельно знакомилъ съ архивнымъ историческимъ матеріаломъ, разбросаннымъ по обширной русской землѣ, со школами разработки исторического матеріала, съ учеными кружками и дѣятелями прошлой эпохи русской исторической науки, то второй томъ, не менѣе исчерпывающе, разсказываетъ въ стройной системѣ о происхожденіи, развитіи и видоизмѣненіяхъ русскаго лѣтописанія, объ его изученіи и изданіи. Вопросъ поставленъ очень широко; каждая сторона этой кардинальной области русского самосознанія изслѣдована тщательно, при томъ не только критически, но и исторически, т.-е. съ указаніемъ послѣдовательнаго хода ученой разработки лѣтописей, начиная съ XVIII вѣка и до послѣдняго времени. Отдѣльныя лѣтописи, кромѣ того, изслѣдуются въ связи и съ эпохой ихъ возникновенія, и съ той средой, где они возникли, въ связи съ вліяніями быта, культуры, экономического и политического положенія этой среды. Задача, надо признаться, чрезвычайно трудная, особенно у насъ, где, по словамъ автора, „источники мало разработаны и литература ихъ является съ существенными проблѣмами. Цѣлые періоды оказываются нерѣдко не обслѣдованными, а памятники погребенными въ массѣ рукописныхъ собраний“; где, скажемъ отъ себя, чрезвычайно затруднено самое пользованіе рукописными, да и печатными источниками. Повторяемъ, задача огромная и чрезвычайно трудная, но выполнена она, насколько мы можемъ судить, вполнѣ удовлетворительно.

Съ появлениемъ этого труда наука русской исторіи, археографіи и родственныхъ имъ можетъ уже безъ зависимости смотрѣть на западныя однородныя руководства и пособія. Образецъ, созданный В. С. Иконниковымъ, не только не уступаетъ западнымъ монументальнымъ трудамъ подобнаго рода, но во многомъ ихъ и превосходитъ. А даже на болѣе счастливомъ въ этомъ отношеніи Западѣ подобные труды со-

ставляютъ эпоху. Тѣмъ болѣе важно и жизненно появленіе такого труда для нашей молодой науки. Сказанного, на нашъ взглядъ, достаточно, чтобы признать трудъ В. С. Иконникова достойнымъ награжденія первой медалью, присуждаемой Московскимъ Археологическимъ Обществомъ въ память первого и пожизненнаго предсѣдателя графа Алексея Сергеевича Уварова.

Отзывъ Ю. В. Готье о сочиненіяхъ проф. Д. Я. Самоквасова.

- 1) Сѣверянская земля и Сѣверяне. М. 1908.
- 2) Описаніе археологическихъ раскопокъ и собранія древностей проф. Д. Я. Самоквасова. М. 1908.

Проф. Д. Я. Самоквасовъ принадлежитъ къ числу очень немногихъ лицъ, посвятившихъ себя научной дѣятельности, энергія которыхъ не ослабѣваетъ съ годами. Достигнувъ уже преклоннаго возраста, пр. Самоквасовъ съ юношеской энергіей и неослабѣвающимъ рвениемъ работаетъ надъ результатами своихъ прежнихъ раскопокъ, производить новые, собирая матеріалы для подтвержденія и опредѣленія той теоріи, признаніе которой, какъ намъ пришлось разъ слышать изъ устъ поченнаго ученаго, составляетъ главную цѣль его научной дѣятельности: мы говоримъ о его теоріи туземнаго происхожденія русскаго народа и непрерывной пріемственной связи между Славянами съ одной стороны и древними Скиѳами—съ другой. Еще нѣсколько дней назадъ намъ пришлось видѣть уважаемаго Дмитрія Яковлевича, еще не оправившагося отъ серьезной болѣзни, неутомимо работающимъ надъ систематизаціей матеріаловъ его послѣднихъ раскопокъ (лѣтомъ 1909 г. въ Курской губ.) и надъ сравненіемъ добытыхъ имъ данныхъ съ данными его предыдущихъ работъ въ Черниговской губерніи. Если бы медаль имени гр. А. С. Уварова предназначалась дляувѣнчанія всей дѣятельности ученаго и, кромѣ того, его любви къ избранному дѣлу, дѣятельность Д. Я. Самоквасова не нуждалась бы ни въ оцѣнкѣ, ни въ отзывѣ,—она говорила бы сама за себя.

Однако, по точному смыслу § 5 правилъ о медали имени гр. А. С. Уварова, медаль присуждается за лучшее археологическое сочиненіе, появившееся за послѣднее трехлѣтіе; такимъ образомъ оцѣнкѣ подлежать лишь тѣ работы Д. Я. Самоквасова, которыя появились въ 1906—1909 гг.

Въ нижеслѣдующихъ строкахъ, исполняя лестное порученіе предсѣдателя Имп. Моск. Арх. Общества графини П. С. Уваровой, мы представимъ краткій обзоръ двухъ вышедшихъ за этотъ періодъ трудовъ проф. Самоквасова.

- 1) Сѣверянская земля и Сѣверяне по городищамъ и могиламъ, М. 1908. 119 стр., съ приложеніемъ карты городищъ Черниг. губ.
- 2) Описаніе археологическихъ раскопокъ и собраніе древностей

проф. Д. Я. Самоквасова. Труды Моск. Комитета по устройству Черниговскаго Археологич. Съезда. М. 1908. IV+276.

Первое изъ этихъ сочиненій дѣлится на 5 отдѣловъ.

1. Источники знанія (съверянскія городища, могилы и ихъ значеніе).
2. Границы, волости и старѣйшіе города Съверянской земли.
3. Происхожденіе городовъ и городскихъ союзовъ.
4. Происхожденіе Съверянъ.
5. Культура Съверянъ языческой эпохи.

Отдѣлы 1 и 5, составляющіе въ общемъ 33 страницы, представляютъ, въ собственномъ смыслѣ, археологическую работу, гдѣ читатель найдетъ цѣнныи и сжатый виѣшній обзоръ археологическихъ памятниковъ Чернигов. губерніи, пріурочиваемыхъ авторомъ къ племени Съверянъ (отд. 1), и важнѣйшіе общіе выводы (отд. 5), сдѣланные на основаніи громаднаго матеріала, добытаго раскопками автора.

Этимъ ограничивается археологическая сторона книги. Остальное, большая ея часть, представляетъ обзоръ территоріи, занятой Съверянами, составленный по даннымъ лѣтописи (отд. 2), и изложеніе двухъ излюбленныхъ теорій автора: 1) о происхожденіи и значеніи городовъ (отд. 3), составляющіе „сущность диссертациіи“ Д. Я. Самоквасова (стр. 26) „Древніе города Россіи“, основное положеніе котораго то, что общежитіе всѣхъ древнихъ осѣдлыхъ народовъ „начиналось группою скученныхъ избъ, обведенныхъ общимъ для нихъ укрѣпленіемъ, т.-е. городомъ, въ древнемъ смыслѣ этого слова,—общиною, а не хуторомъ и семьею...“ (стр. 58); и, 2) о происхожденіи Съверянъ, а за ними и Славянъ вообще въ прямой линіи отъ Геродотовскихъ Скиѳовъ (отд. 4). Обѣ эти теоріи до сихъ поръ являются спорными и очень далекими отъ всеобщаго признанія. Отдѣльныя положенія автора очень часто вызываютъ желаніе вступить съ нимъ въ ученые споры, которые, единственно, могутъ выяснить степень научной цѣнности любимыхъ теорій автора.

Второе сочиненіе проф. Самоквасова можно раздѣлить на двѣ неравноцѣнныя части.

По существу это, какъ говоритъ самъ авторъ, „систематический сводъ дневниковъ раскопокъ, произведенныхъ съ 1871 по 1891 г.“ Какъ таковой, онъ содержитъ громадное число описаній раскопокъ и нѣкоторые общіе выводы и характеристики.

Общія характеристики, пріуроченные къ отдѣльнымъ археологическимъ эпохамъ, которая устанавливаетъ авторъ для южной Россіи (Киммерийская, стр. 41—56, Скиѳо-сарматская, стр. 136—175, Русская языческая эпоха, стр. 231—237, Половецко-татарская эпоха стр. 253—254 и заключеніе, стр. 270—271), занимаютъ около $\frac{1}{4}$ книги и представляютъ экскурсы, общая цѣль которыхъ—подтвердить и доказать все ту же спорную теорію о прямой связи между Славянами и Скиѳами. Экскурсы эти отличаются тѣми же научными приемами и содержатъ ту же почти научную аргументацію, какъ отмѣченные выше отдѣлы 3 и 4 „Съверянской земли“.

Остальная и большая часть „Описанія“ представляетъ громадной

цѣнности сырой матеріалъ, накопленный авторомъ за его долгую практическую археологическую дѣятельность.

Въ этой области проф. Д. Я. Самоквасовъ былъ и остается однимъ изъ лучшихъ специалистовъ въ Россіи; въ области раскопокъ труды, его представляются намъ чрезвычайно цѣнными и заслуги его передъ археологической наукой—безспорными и великими. Вотъ почему „Описаніе археологическихъ раскопокъ“ представляется намъ вполнѣ достойнымъ почетной награды медалью имени графа Алексѣя Сергеевича Уварова.

24 дек. 1909 г.

Отзывъ В. К. Трутовскаго о трудахъ А. В. Орѣшникова.

1. **Окуловскій кладъ русскихъ денегъ.** Стр. 1 — 14, 2 таб. (От. изъ „Ізвѣстій Императорской Археологической Комиссіи“, вып. 27).
2. **Киликійскія монеты царя Марка Антонія Полемона.** Стр. 1—6, рис. въ текстѣ (от. изъ „Нумизматического Сборника“ Московскаго Нумизматического Общества, т. I).
3. **Херсоно-византійскія монеты.** Стр. 1—6, таб. I (ex eod edit.).
4. **Полтавская медаль и плакета Гоголя.** Стр. 1—10, 3 рис. Критическая замѣтка (ex eod edit.).
5. **Аптекарская посуда времени Петра Великаго.** Стр. 1—5, таб. 1, рис. 1. („Старые Годы“, 1908 г., февраль).

Изъ напечатанныхъ за время 1907 — 1909 гг. нумизматическихъ работъ А. В. Орѣшникова ни одна не представляетъ собою какого-либо обширнаго изслѣдованія или монографіи,—все это статьи въ специальныхъ изданіяхъ, заключающія въ себѣ дальнѣйшее развитіе частью высказанныхъ, частью установленныхъ имъ раньше въ науку новыхъ положеній по различнымъ вопросамъ нумизматики, ихъ дополненія, поясненія и новыя доказательства, въ связи съ новыми же частичными открытиями въ этой области. Касаются онъ, счастливымъ образомъ, всѣхъ тѣхъ отдельовъ нумизматической науки, въ области изученія которыхъ онъ давно и вполнѣ заслуженно пріобрѣлъ себѣ въ Европѣ славу лучшаго знатока и серьезнѣйшаго авторитета, т.-е. въ областяхъ нумизматики: русской — до царскаго периода и классической — херсоно-византійскихъ монетъ и монетъ греческихъ колоній юга Россіи. Къ нимъ весьма кстати присоединяются двѣ также небольшія по объему, но какъ и тѣ, полныя научнаго интереса и значенія статьи—одна по вопросу о художественности и осмыслинности въ нашихъ новѣйшихъ медаляхъ, другая — археологическо-бытового характера. Такимъ образомъ, всѣ эти работы даютъ намъ точное понятіе объ авторѣ, какъ нумизматѣ и археологѣ, съ одной стороны, и какъ обѣ ученомъ вообще—съ другой.

Статья по русской нумизматикѣ носить заглавіе „Окуловский

кладъ русскихъ денегъ" и заключаетъ въ себѣ описание клада изъ 71 монеты, частью опредѣленныхъ — великаго княжества Московскаго и нѣкоторыхъ удѣловъ, часто еще не выясненныхъ и спорныхъ. Найденъ былъ этотъ кладъ близъ с. Окулова, Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, въ 1906 г.

Центръ тяжести статьи не въ описаніи монетъ, а въ объяснительномъ, по поводу ихъ, текстѣ, затрагивающемъ очень важные и интересные вопросы первого столѣтія чеканки на Руси своихъ денегъ, т.-е. времени со второй половины XIV в. по вторую же половину XV в. и дающемъ очень много нового, интереснаго для освѣщенія этого темнаго и запутанного періода.

„Всякій знакомый съ русскими деньгами XIV и первой четверти XV столѣтія,—говорить А. В. Оръшниковъ въ „Окуловскомъ кладѣ“, —знаеть, какую трудность, иногда невозможность, представляеть значительная часть ихъ для опредѣленія; многія не имѣютъ никакихъ надписей, или же имѣютъ такія лаконическія надписи: „печать великаго князя“, „печать княжа“; другія на обѣихъ сторонахъ имѣютъ подражанія восточнымъ легендамъ, безъ слѣда русской надписи и т. д., такъ что опредѣлить мѣсто ихъ чекана, т.-е. монетнаго двора (не говоря уже обѣ имени князя, при которомъ онъ были чеканены) можно лишь путемъ топографическимъ, т.-е. опредѣленiemъ мѣста находокъ денегъ одного типа въ одной и той-же мѣстности“. Это положеніе, извѣстное въ наукѣ и прежде, но очень мало примѣнявшееся, было особенно сильно разработано и доказано А. В. Оръшниковымъ уже при опредѣленіи и установлѣніи монетъ, напримѣръ, князя Ивана Борисовича Кашинскаго; оно же дало ему возможность открыть монеты великаго князя Нижегородскаго Василія Кирдяпы и др. Приложивъ его въ данномъ случаѣ, онъ дѣлаетъ два интереснѣйшихъ вывода: во 1-хъ, о принадлежности монетъ этого періода, представляющихъ копіи съ татарскими, которыя, по его вѣрному и справедливому замѣчанію, „не совсѣмъ точно называются русско-татарскими“, къ монетамъ именно суздальско-нижегородскимъ, а, во-2-хъ, о способѣ чеканки этихъ монетъ. Придя къ первому выводу, весьма важному для русской нумизматики доцарскаго періода, онъ попутно затрагиваетъ другой, весьма существенный вопросъ той же нумизматики—о происхожденіи вѣса въ 16 — 18 долей значительного количества монетъ этой эпохи. Указавъ на близкое соприкосновеніе княжествъ средней Россіи — Московскаго, Суздальско-Нижегородскаго и Рязанскаго, съ татарами, владычество которыхъ особенно сильно отражалось именно въ этихъ областяхъ, онъ ставитъ вопросъ о вліяніи вѣсовой стороны золотоордынскихъ монетъ на наши. Наблюденіе надъ татарскими монетами, чеканившими за это время, въ началѣ XV в., въ Булгарѣ, приводить его къ весьма вѣроятному разрѣшенію этого вопроса въ пользу несомнѣннаго вліянія татарь. Какъ булгарскія монеты, такъ и русскія являются по вѣсу „приблизительно половиной“ татарскихъ, чеканившихся на другихъ монетныхъ дворахъ Золотой Орды, въ 32 доли. Этотъ выводъ, высказанный авторомъ чрезвычайно осторожно, во всякомъ случаѣ не можетъ быть

даже и сравниваемъ съ необоснованнымъ предположеніемъ проф. Кауфмана, что монеты Донского были вѣсомъ въ $21\frac{1}{3}$ доли и что этотъ вѣсъ былъ установленъ путемъ дѣленія двухъ татарскихъ 32--хъ дольныхъ монетъ на 3! Почему—неизвѣстно. Возвращаясь къ другому изъ указанныхъ выше выводовъ А. В. Орѣшникова,—именно о приемахъ чеканки монетъ суздальско-нижегородскихъ, долженъ сказать, что наблюденіе, сдѣланное нашимъ авторомъ, чрезвычайно интересно. Теперь можно считать окончательно установленнымъ, что на Руси продолговатыя монеты съ татарскими надписями чеканились изъ проволоки, почему и имѣли овальный, продолговатый, видъ и что по отчеканеніи монета отрубалась. До сихъ поръ мы имѣли лишь теоретическія предположенія Рейхеля и гр. Уварова о такомъ способѣ чеканки, которому ни въ Новгородѣ, ни въ Псковѣ, ни въ Москвѣ не отвѣчали ни видъ монетъ, ни историческія данныя. Наблюденія же А. В. Орѣшникова устанавливаютъ окончательно область чеканки этихъ монетъ и гдѣ именно примѣнялся этотъ грубый способъ ихъ изготовлениія—Суздальско-Нижегородское великое княжество.

Ограничиваюсь этими замѣчаніями о статьѣ „Окуловскій кладъ“, полный еще многихъ интересныхъ замѣчаній и соображеній, такъ какъ и этотъ краткій обзоръ ея достаточно выясняетъ ея значеніе для науки.

Вторая статья „Киликійскія монеты царя Марка Антонія Полемона“ касается вопроса о времени чеканки pontijskikhъ драхмъ царя Полемона II и его матери Антоніи Трифены. Разбирая полный сводъ этихъ драхмъ, изданный въ „Recueil g n ral des monnaies grecques d'Asie Mineure“, начатомъ знаменитымъ французскимъ нумизматомъ Ваддингтномъ и доконченномъ не менѣе извѣстными французскими же учеными Бабелономъ и Т. Рейнакомъ, онъ отмѣчаетъ цѣлый рядъ ошибокъ этихъ нумизматовъ, запутавшихъ вопросъ и затѣмъ, путемъ тщательнаго анализа, пользуясь экземплярами, изданными Пру и Салеттомъ, а также неизданными, изъ собранія Ф. И. Прове, устанавливаетъ точное время чеканки pontijskikhъ монетъ какъ отъ имени А. Трифены, такъ и Полемона II, и эпоху удаленія послѣдняго въ Киликію и, въ результаѣ, возсоздаетъ хронологію правленія этого царя. Насколько сильна получается разница, видно уже изъ того, что французские ученые считаютъ годомъ смерти Трифены 22—23 г. по Р. Х., а А. В. Орѣшниковъ устанавливаетъ его какъ 37—38 г.; также и относительно Полемона исправлены имъ всѣ даты. Кроме того, руководствуясь монетными данными, онъ устанавливаетъ, какую именно часть Киликіи далъ имп. Клавдій Полемону. Всѣ выводы А. В. Орѣшникова въ этой статьѣ очень важны для исторіи греческихъ бывшихъ колоній по нашему Черноморскому побережью.

Статья „Херсоно-византійскія монеты“, посвященная памяти нашего археолога К. К. Косцюшко-Валюжинича, составляетъ дополненіе къ обширной статьѣ его-же по тому же вопросу, напечатанной раньше въ III т. „Трудовъ“ Московскаго Нумизматического Общества. Въ ней опубликовано, въ первый разъ, нѣсколько неизданныхъ монетъ этого типа, при-

надлежащихъ императорамъ Василію I Македонянину и Александру и разновидности уже извѣстныхъ нумизматическихъ памятниковъ Херсона, битыхъ тамъ византійскими императорами. Попутно онъ анализируетъ мнѣніе извѣстнаго англійскаго нумизматика W. Wroth'a относительно опредѣленія имъ монетъ императора Романа II херсонскаго монетнаго двора и высказываетъ не въ пользу англійскаго ученаго.

Таковы работы А. В. Орѣшникова за 1907—1909 гг., касающіяся нумизматики и ихъ значенія. Изъ остальныхъ двухъ его статей, одна приближается къ области нумизматической, другая же—чисто археологическо-бытовая.

„Два события въ русской жизни въ 1909 г.—открытие въ Москвѣ памятника Гоголю 26 апрѣля, въ годъ столѣтія со дня рожденія писателя, и двухсотлѣтній юбилей побѣды Петра Великаго надъ Карломъ Шведскимъ подъ Полтавою 27 іюня 1709 г.—увѣковѣчены вычеканенными на оба торжества плакетою и медалью“. Такъ начинается свою статью „Полтавская медаль и плакета Гоголя“ А. В. Орѣшникова, какъ бы объясняя этимъ свое заглавіе, и затѣмъ переходитъ къ ихъ разбору, какъ „издѣлій художественныхъ“. Разборъ этотъ, выдѣляясь тонкостью и чуткостью критического анализа, приводить къ печальнымъ результатамъ. Портрѣтъ Петра для медали взятъ медальеромъ Васютинскимъ съ головы Петра, работы Антокольского, быть можетъ, очень художественной какъ произведеніе, но совершенно не похожей на Петра. Между тѣмъ, въ Петровской галлереѣ Эрмитажа есть слѣпокъ съ головы Петра, сдѣланный еще при жизни его, существуетъ его посмертная маска, рядъ медалей съ его портретомъ, чеканенныхъ при Петрѣ, въ память той же „Полтавской викторіи“ и, наконецъ, масса рублей Петра, всѣ портретные. Извѣстно, что Петръ очень заботился о своемъ сходствѣ на подобныхъ памятникахъ, почему и имѣется такая масса вариантовъ его медальныхъ (монетныхъ) портретовъ. Для оборотной стороны Васютинскій просто взялъ картину А. Невиля (A. Neuvillea), на которой артиллерійскій офицеръ жестомъ руки останавливаетъ скачущую во весь опоръ батарею; одѣль этого офицера въ костюмъ Петра, батарею замѣнилъ войсками въ отдаленіи, а на первомъ планѣ помѣстилъ раненыхъ и убитыхъ, вырѣзавъ подъ изображеніемъ слова Петровскаго приказа на канунѣ битвы. Передано все грубо и не художественно.—Не менѣе грустное впечатлѣніе оставляетъ и плакета Гоголя, гдѣ портретъ писателя подходитъ къ типу больного, сжигающаго свои произведенія писателя, а не того, кого знаетъ весь міръ. Анализъ этихъ двухъ памятниковъ нашего медальерного искусства, помимо тѣхъ драгоценныхъ материаловъ, на которые ссылается авторъ, важенъ своимъ возваніемъ къ художественности, къ запечатлѣнію великихъ событий и памятныхъ дней съ любовью и чуткостью, съ пониманіемъ того, что дѣлаешь и для чего дѣлаешь, а не ремесленнымъ, безучастнымъ и скоропалительнымъ способомъ.

Наконецъ, послѣдняя статья объ аптекарской посудѣ времени Петра Великаго очень интересна, какъ носящая историко-бытовой характеръ. Хотя она затрагиваетъ и очень частный случай, тѣмъ не ме-

иже, уже по свойству своего обычного отношения къ всякаго рода научнымъ вопросамъ и задачамъ, авторъ и въ ней далъ интересный очеркъ установления аптекъ въ Россіи, отмѣтиль чисто случайную причину ихъ созданія Петромъ и выясниль типы аптекарскихъ сосудовъ того времени. При нашей скучности такого рода историко-бытовыхъ очерковъ, эта статья является весьма интереснымъ вкладомъ въ научную литературу.

Вотъ всѣ работы А. В. Орѣшникова за 1907—9 гг. Онъ не велики по объему, но значительны по содержанию. Основываясь на ихъ строгой научности, на ихъ значеніи для русской исторіи и археологіи и на томъ, что онъ вполнѣ отвѣчаютъ точному смыслу и содержанию § 2 Правилъ о медали имени гр. А. С. Уварова, я нахожу ихъ автора безусловно заслуживающимъ этой медали.

B. Трутовскій.

Присужденіе премії Гр. П. С. Уварової.

Въ виду наступающаго двадцатипятилѣтія со дня кончины графа, графиня предложила въ 1906 году премію его имени слѣдующаго содержанія: „Самостоятельное изслѣдованіе Московскаго періода древнерусскаго церковнаго зодчества отъ основанія Москвы до конца первой четверти XVIII вѣка“.

Условія конкурса: 1) За сочиненіе, удовлетворяющее требованіямъ строго-научнаго собранія и разработки матеріаловъ, представляющее новый цѣнныи вкладъ въ науку, присуждается премія въ 2000 руб.; если же ни одно изъ представленныхъ сочиненій не будетъ заслуживать полной преміи, то за сочиненіе, представляющее серьезную научную цѣнность, хотя и не вполнѣ удовлетворяющее предложеній задачѣ, премія эта можетъ быть раздѣлена, но не болѣе, какъ на три части.

Жюри избрано изъ слѣдующихъ лицъ: директора Петербургскаго Археологическаго Института Н. В. Покровскаго, академика архитектора М. Т. Преображенскаго, Н. В. Никитина, Ф. Ф. Горностаева и графини П. С. Уваровой.

Сочиненіе представлено только одно подъ девизомъ „Старина“.

По обслѣдованіи представленныхъ отзывовъ пришли къ заключенію, что представленный трудъ не вполнѣ удовлетворяетъ условіямъ конкурса, такъ какъ не представляется изъ себя самостоятельнаго изслѣдованія, удовлетворяющаго требованіямъ строго-научнаго собранія и разработки матеріала и имѣть характеръ компиляціи; тѣмъ не менѣе, трудъ этотъ является желательнымъ вкладомъ въ нашу литературу и можетъ быть полезенъ какъ справочникъ по нѣкоторымъ памятникамъ архитектуры древней Москвы, а потому жюри полагаетъ возможнымъ выдать за него автору половину объявленной преміи, т.-е. одну тысячу рублей.

Отзы́вы о конкурсномъ сочиненіи подъ деви- зомъ „Старина“.

А.

Академика Н. В. Никитина.

Авторъ „Очерка московской архитектуры“, подъ девизомъ „Старина“, излагаетъ исторію ея по изслѣдованіямъ и монографіямъ о русскихъ памятникахъ, повѣряя сказаніями о нихъ въ лѣтописяхъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ своими осмотрами. Онъ собралъ описанія ихъ въ полнотѣ, возможной для настоящаго времени, расположилъ хронологически, раздѣлилъ на періоды, приложилъ къ каждому его характеристику и представилъ трудъ, весьма полезный для изучающихъ русскую церковную архитектуру. Онъ ведеть свой очеркъ по храмовымъ зданіямъ, какъ главнымъ представителямъ русского христіанскаго искусства съ подробнымъ описаніемъ каждого храма въ его планѣ, внѣшнемъ и внутреннемъ видѣ, его размѣровъ, слѣдованию или уклоненію отъ предшествовавшихъ формъ, появленіе новыхъ мотивовъ въ планѣ, деталяхъ и орнаментациі. Въ случаѣ разногласія авторовъ монографій о времени и величинѣ остатковъ старины, уцѣлѣвшихъ при послѣдующихъ перестройкахъ храма, авторъ, на основаніи матеріаловъ и способа ихъ употребленія, признаетъ вѣрность того или другого мнѣнія, а при недостаткѣ точныхъ свѣдѣній оставляетъ рѣшеніе вопроса до изслѣдованія.

По установлениіи плана и типа церквей въ Кіевскомъ періодѣ, авторъ говоритъ о попыткахъ русскихъ строителей къ уклоненію отъ точнаго слѣдованія греческому канону X—XI в. Попытки автора оправдать это предположеніе нельзѧ признать основательными. Математическая точность квадратной формы плана не соблюдалась греками, она существуетъ въ полной точности только на изданныхъ планахъ изданій. Далѣе онъ говоритъ объ участіи „Нѣмецъ“, новшествахъ, привнесенныхъ ими въ стилѣ и характерѣ храмовыхъ зданій, слѣдя греческому плану, но въ болѣе возвышенныхъ пропорціяхъ фасада и внутренности храма, введеніи обронныхъ украшеній на фасадѣ, какъ-то: святыхъ, звѣрей на поляхъ подъ арками, опояскѣ храма, рядомъ арочекъ съ обронными изображеніями святыхъ, въ улучшении способовъ постройки, преимущественно изъ бѣлага камня. Но,

судя по стилю построекъ этихъ „Нѣмецъ лѣтописи“, можно предположить, что они были изъ сѣверной Италии, т.-е. Венеции и Ломбардіи, откуда былъ впослѣдствіи и Аристотель Фиоравенти, признавшій эти постройки „дѣломъ нашихъ мастеровъ“.

Послѣ разгрома Руси татарами и ослабленія силъ ея и средствъ, это отразилось и на строительствѣ; авторъ перечисляетъ всѣ постройки храмовъ въ возрождающейся Москвѣ, опредѣляясь, что типъ ихъ слѣдовалъ образцу владимѣрскихъ и сузdalскихъ храмовъ, но въ упрощенномъ видѣ, съ возврашеніемъ къ греческому типу, отстраняя обронныя изображенія святыхъ, звѣрей, птицъ и легендъ, какъ не свойственныя православному храму, а также по непригодности нашего мягкаго известняка для обронной работы. По вторичномъ появлѣніи на Руси иностраннныхъ зодчихъ, вызванныхъ Иоанномъ III изъ сѣверной Италии, т.-е. Венеции и Ломбардіи, авторъ описываетъ пользу, которую они принесли русскому строительству, научили раціональнымъ приемамъ въ постройкѣ и въ распределѣніи и употребленіи материаловъ, въ улучшеніи кладки изъ камня и кирпича, выдѣлкѣ кирпича и раствора, употребленіи желѣзныхъ связей и вообще усовершенствованіи техническихъ приемовъ.

О Фиоравенти авторъ говоритъ восторженно, какъ о геніальномъ художнике, создавшемъ соборъ Успенія Божіей Матери, и сожалѣть, что русскіе мастера не слѣдовали ему въ этомъ направленіи, и, не находя другихъ современныхъ ему храмовъ его постройки и въ его стилѣ, предполагаетъ, что всѣ они были произведены подъ его высшимъ наблюденіемъ итальянскими и русскими мастерами. Это предположеніе опровергается тѣмъ, что Аристотель Фиоравенти былъ занятъ дѣломъ, болѣе близкимъ ему, какъ инженеру, артиллеристу, литеїщику и механику. Онъ участвовалъ въ походахъ и приготовленіяхъ къ нимъ, строилъ мосты и прокладывалъ дороги, чеканилъ монету. Самъ авторъ отрицаетъ пользу одного введеннаго имъ новшества—устройства на желѣзѣ подвѣсной гири для перекинутія двухъ арокъ на каменныя опоры, которое понравилось русскимъ и повторялось впослѣдствіи.

Уроки итальянскихъ архитекторовъ послужили для русскихъ мастеровъ къ возможности исполненія изъ кирпича излюбленныхъ Русью формъ деревяннаго строительства и послѣ нѣсколькихъ удачныхъ попытокъ, описанныхъ авторомъ, дали возможность произвести памятникъ покоренія царства Казанскаго — соборъ Покрова Божіей Матери, окруженный группой храмовъ во имя святыхъ, въ дни памяти которыхъ были побѣды, предшествовавшія взятію Казани, соборъ, построенный русскими мастерами Бармой и Посникомъ, по мысли царя Иоанна IV.

Авторъ правильно говоритъ, что уроки итальянскихъ архитекторовъ послужили для русскихъ мастеровъ къ возможности исполненія изъ кирпича излюбленныхъ формъ и деталей деревяннаго зодчества и послѣ нѣсколькихъ попытокъ, удачно исполненныхъ ими — церковь Вознесенія Христова и др.—дали возможность создать памятникъ по-

коренія царства Казанскаго—соборъ Покрова Пресвятая Богородицы. Этотъ соборъ авторъ справедливо называетъ верхомъ совершенства русской архитектуры, но тутъ же отмѣчаетъ, что онъ былъ точкой вершины, съ которой русское искусство начинаетъ клониться къ упадку, постоянно впадая въ барокко въ деталяхъ, оставаясь върнымъ греческому типу въ планѣ храмовъ. Но не говоритъ, какая была тому причина: она состояла въ томъ, что Русь держалась крѣпко православія и, принимая технику, не увлекалась новшествами.

Признавая совершенство въ созданіи Покровскаго собора, авторъ переходитъ къ подробному описанію многочисленнаго сонма церквей, построенныхъ въ послѣдующій періодъ московскаго строительства, выставляетъ многія изъ нихъ образцами стройности и изящества, говоритъ о развитіи плана храмовъ на возвышенныхъ террасахъ, съ окружениемъ на нихъ открытыми папертьми, считаетъ, что эти паперти служили для церковныхъ процессій, чего не могло быть, такъ какъ онъ не окружали храмъ съ восточной, т.-е. алтарной стороны. Это относится къ позднѣйшимъ храмамъ эпохи, не входящей въ задачу описанія московской храмовой архитектуры до Петра. Я знаю только одинъ примѣръ, восходящій къ концу этого періода—церковь въ селѣ Усномъ, принадлежащей къ усадьбѣ князя Трубецкого. Можетъ быть, найдутся еще два—три примѣра, но окружение внѣшней папертью должно отнести ко времени Петра Великаго. Папертъ, окружающая храмъ Вознесенія Христова въ с. Коломенскомъ, едва-ли можно признать дѣломъ русскихъ мастеровъ, какъ доказываетъ авторъ. Во всякомъ случаѣ онъ не имѣлъ цѣлью служить для крестнаго хода вокругъ церкви, въ которомъ участвовали всѣ прихожане храма, но только для стоянія не вмѣстившихся въ храмѣ.

Авторъ доводитъ свой очеркъ до послѣднихъ вздоховъ русской архитектуры—церквей Успенія Божіей Матери, въ Москвѣ, на Покровкѣ, и Покрова, въ Нижнемъ-Новгородѣ, строенныхъ русскими мастерами при Петрѣ Великомъ на средства, данные Строгановыми. Въ концѣ своего труда авторъ прилагаетъ описание развитія звонницъ въ прямоугольныя и восьмигранныя колокольни, самостоятельно произведенное русскими строителями. Онъ основательно доказываетъ, что круглые башни кіевскаго періода были теремами, дозорными башнями, не служили колокольнями первоначально, но обращены въ нихъ въ позднѣйшее время.

Ведя свой трудъ по храмовому зодчеству и давая характеристики каждого періода, авторъ не обратилъ вниманія на взаимодѣйствіе высоты алтарной преграды и высоты алтаря, росписи стѣнъ храма и росписи иконостаса, большей или меньшей глубины средняго полу-кружія алтаря въ зависимости назначенія храма для епископскаго служенія, на постепенное соединеніе трехъ частей алтаря, первоначально раздѣленныхъ стѣнами, а потомъ соединенныхъ малыми и, наконецъ, большими пролетами, на постановку трехъ и даже пяти престоловъ въ рядъ, съ открытыми между ними арками за сплошной высокой золотой преградой, чѣмъ уничтожается видимость самостоятельности каждого приදльнаго храма.

Очеркъ можно считать полной компиляціей изслѣдованій и монографій, вышедшихъ до его составленія; пробѣлы оправдываются краткостью срока. Появление этого труда можно привѣтствовать за пользу, которую онъ принесъ изучающимъ русскую архитектуру и какъ справочная книга для будущихъ историковъ русской архитектуры въ объемѣ всей Россіи. Считаю этотъ трудъ достойнымъ назначенной награды съ тѣмъ условиемъ, чтобы авторъ приложилъ къ нему оглавление по статьямъ, хронологический указатель храмовъ, въ немъ описанныхъ, рисунки, на которые онъ ссылается въ текстѣ, и списокъ рисунковъ, чтобы облегчить пользованіе этимъ трудомъ для общирнаго круга читателей.

Б.

Проф. М. Преображенского.

Изслѣдованіе древне-русскаго церковнаго зодчества Московскаго периода, начиная отъ основанія города Москвы и до конца первой четверти XVIII столѣтія, является далеко не легкой задачей не только для автора труда подъ девизомъ „Старина“, но и для всякаго, кто поставилъ бы себѣ подобную задачу. Незначительность вообще архивныхъ свѣдѣній въ печати о церковныхъ сооруженіяхъ, полное или частичное переустройство наиболѣе древнихъ памятниковъ и масса неизслѣдованныхъ еще церквей, или съ недостаточной подробностью, настолько затрудняютъ все дѣло, что обстоятельное решеніе поставленной задачи, быть можетъ, нѣсколько преждевременно. Несмотря на все это, авторъ разсматриваемаго сочиненія отнесся къ этой задачѣ съ большимъ вниманіемъ и знаніемъ дѣла, обстоятельно разобравъ тотъ материалъ, который находился въ его распоряженіи. Но и онъ въ концѣ концовъ вынужденъ былъ воздержаться въ своемъ заключеніи отъ всякаго обобщенія отдѣльныхъ выводовъ, сгруппированныхъ имъ въ концѣ каждой главы. Это обстоятельство естественно отнимаетъ возможность критически отнести къ труду автора какъ къ историческому изслѣдованію, а скорѣе заставляетъ смотрѣть на такой трудъ какъ на простое послѣдовательное описание церковныхъ памятниковъ въ Москвѣ и окрестностяхъ. Неполнота документальныхъ данныхъ, какъ выше указано, привела къ тому, что автору пришлось значительную часть своего труда заполнить детальнымъ, чисто фотографическимъ описаніемъ всѣхъ мельчайшихъ деталей наиболѣе выдающихся церковныхъ сооруженій, хорошо уже извѣстнымъ и не однимъ специалистамъ. Эти памятники тщательно обслѣдованы извѣстными знатоками церковнаго зодчества и они уже отвели имъ соответствующія мѣста въ общемъ развитіи церковнаго зодчества и выяснили ихъ значеніе.

Къ числу трудныхъ мѣстъ поставленной задачи, во-первыхъ, является вопросъ, какимъ образомъ охарактеризовать церковное строительство съ первыхъ временъ развитія Московскаго княжества и какъ далѣе пополнять пробѣлы въ извѣстныхъ промежуткахъ времени, чтобы

установить послѣдовательный ходъ развитія церковнаго зодчества. Въ первомъ случаѣ приведеніе архивныхъ свѣдѣній въ возможно большемъ количествѣ было бы очень желательно: они могли бы не только свидѣтельствовать о быломъ развитіи деревяннаго и каменнаго строительного дѣла, но до извѣстной степени охарактеризовать и самые памятники, не дошедшия до нашего времени. Часто въ лѣтописныхъ и въ архивныхъ свѣдѣніяхъ встречаются указанія на форму и величину церковныхъ построекъ, а иногда и болѣе подробное детальное описание ихъ, весьма цѣнное въ подобныхъ случаяхъ. Даже, напримѣръ, такого рода указанія были бы не лишними, что въ Пафнутьевомъ монастырѣ, Калужской губерніи, еще въ 1467 году, слѣдовательно до постройки Успенскаго собора въ Москвѣ, была уже выстроена и освящена церковь, „чудно вельми“ росписанная внутри и настолько богато отдѣланная, „что дивились тому и самые самодержцы русской земли“.

Затѣмъ, въ очеркѣ послѣдовательнаго развитія церковнаго зодчества должны сыграть не малую роль и второстепенные памятники, разбросанные не только по городамъ сосѣднихъ губерній, входившихъ въ составъ Московскаго государства, но и по монастырямъ, а также и по селамъ прежде бывшихъ монастырей, гдѣ церкви, за отсутствіемъ средствъ на ихъ поновленіе, всего менѣе подвергались перестройкамъ. Такой материалъ, къ сожалѣнію, далеко не использованъ во всей полнотѣ. Не слѣдовало бы обойти молчаніемъ хотя, напримѣръ, Рождественскій соборъ въ томъ же Пафнутьевомъ монастырѣ, постройку котораго приписываютъ Борису Годунову. Смѣлый приемъ устройства лѣстницы и хода въ толщѣ сѣверной стѣны собора, что такъ неудачно примѣнили первые строители Успенскаго собора въ Москвѣ до прѣзда Аристотеля Фиоравенти, выдвигаетъ этотъ соборъ на видное мѣсто, какъ выдающееся сооруженіе съ конструктивной стороны. Памятники же другихъ сосѣднихъ губерній съ Москвою, несомнѣнно, дали бы материалъ даже болѣе интересный, чѣмъ районъ мѣстности, занимаемой Калужской губерніей, а безъ такого материала обслѣдованіе церковныхъ памятниковъ Московскаго периода не можетъ быть полнымъ. По древнимъ церквамъ въ предѣлахъ Московскаго государства любопытно прослѣдить вліянія владимиро-суздальской и псково-новгородской архитектуры, часто сталкивающейся на однихъ и тѣхъ же памятникахъ. Подобная вліянія, хотя и отмѣчены авторомъ въ представленномъ трудѣ, но недостаточно, тогда какъ примѣры въ этомъ отношеніи могли бы быть болѣе многочисленны и разнообразны.

Что же касается до детальныхъ выводовъ автора, приводимыхъ въ концѣ каждой главы, и нѣкоторыхъ его взглядовъ на извѣстные периоды развитія церковнаго зодчества, считаю не лишнимъ обратить вниманіе на слѣдующее.

Мнѣніе автора, что первоначальное церковное зодчество Москвы „не шло дальше комбинацій двухъ-трехъ срубовъ, отмѣченныхъ крестомъ и поставленныхъ на подклѣтяхъ“, слѣдовало бы подкрѣпить лѣтописными указаніями или архивными свѣдѣніями, чтобы точнѣе

определить, до какого времени преобладали таковыя церкви, та́къ какъ подобный упрощенный типъ является родоначальникомъ не одного только Московскаго періода. Нужно замѣтить, что плотничное дѣло всегда стояло на Руси очень высоко и плотники были большиe мастера своего дѣла, а потому весьма вѣроятно, что вскорѣ же деревянныя церкви сдѣлались болѣе разнообразными по своимъ формамъ и деталямъ, въ отлиchie отъ обывательскихъ построекъ. Что же касается до простоты виѣшнихъ формъ и деталей первыхъ каменныхъ церквей, то это можно отнести не только къ тому, что Московское государство находилось еще въ періодѣ своего сложенія, не имѣя еще претензій на пышную представительность, сколько, быть можетъ, слѣдующимъ обстоятельствомъ:—строитель Успенского собора, Аристотель Фіоравенти, скорѣе былъ хорошій конструкторъ и практикъ, чѣмъ архитекторъ-художникъ и что онъ, а равно и всѣ лица, причастныя къ постройкѣ, болѣе всего были озабочены конструктивной стороной дѣла, послѣ неудачи его предшественниковъ, чѣмъ художественной. На эту сторону дѣла послѣдующіе италіанскіе мастера уже болѣе обращали вниманія. Если допустить, что Успенскій соборъ былъ бы построенъ, подобно Дмитровскому, во Владимірѣ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, то, конечно, при низкомъ культурномъ развитіи страны, онъ, та́къ же какъ Дмитровскій, остался бы безъ подражанія, если не навсегда, то на долгое время. Далѣе не могу раздѣлить мнѣнія автора, что въ эпоху царствованія Алексея Михайловича наше строительство представляло собою „пышный расцвѣтъ русскаго церковнаго зодчества“, когда простые мастера каменного дѣла понастроили массу церквей въ предѣлахъ Московскаго государства. Отдавая должное этимъ мастерамъ за оригинальность въ нѣкоторыхъ случаяхъ и непосредственность чувства, нельзя не замѣтить, что они все же подражали не столько дереву, сколько формамъ и деталямъ каменныхъ церквей, построенныхъ западными мастерами, но переиначивъ эти детали до неузнаваемости, а иногда и до полной карикатурности. На нашихъ глазахъ прошло время усиленного подражанія этой эпохѣ не только въ церковной архитектурѣ, но и въ гражданской. Стремились тщательно подкопировать подъ наивныя созданія простыхъ мастеровъ, которые не умѣли иногда правильно передать заимствованный ими мотивъ, а подчасъ даже и не придавали этому никакого значенія. Нужно сознаться, что такое подражаніе прошло безъ всякаго успѣха въ дѣлѣ развитія русскаго зодчества, несмотря на то, что мы съ технической стороны вооружены значительно лучше. Конечно, указанная эпоха представляетъ собою очень цѣнныи, оригиналный и отчасти самобытный матеріаль, но все же очень сырой, который будетъ ждать еще переработки талантливыхъ художниковъ. Такие художники шире взглянутъ на предстоящую имъ задачу и безъ предубѣжденія воспользуются запасомъ знаній въ области искусства, завѣщанныхъ намъ исторіей всего міра, не боясь потерять при этомъ русскій обликъ и душу. Подобнымъ путемъ, при помощи западныхъ зодчихъ, создался нашъ чудный Московскій Кремль и наши лучшіе церковные памятники. Подобнымъ же

путемъ можетъ развиваться и дальше наше церковное зодчество, но никакъ не рабскимъ подражаніемъ отжившимъ эпохамъ, далеко менѣе наась культурнымъ. Еще до увлеченія зодчихъ XVII столѣтіемъ у насъ уже были прекрасные примѣры, въ какомъ направлениі слѣдуетъ работать. Стоитъ только взглянуть на колокольню Страстного монастыря въ Москвѣ, построенную талантливымъ архитекторомъ М. Д. Быковскимъ.

Такая архитектура, которая вся въ прошломъ и которая не отвѣчаетъ запросамъ нашего времени и условіямъ современной жизни, всегда будетъ носить только декоративный характеръ, какъ пережитокъ прошлага.

Не могу также согласиться съ авторомъ, что время конца XVII и начала XVIII столѣтія надо считать временемъ упадка церковной архитектуры. Въ общемъ приемы церковныхъ сооруженій какъ въ плановомъ отношеніи, такъ и въ своихъ фасадныхъ массахъ, не только сохранили типъ предшествовавшаго времени, но, въ силу болѣе усовершенствованной техники строительного дѣла, шагнули впередъ. Это сказалось въ разнообразіи массъ верхняго строенія и въ большей цѣльности и удобствахъ внутренняго расположенія. Что же касается до деталей, то, несмотря на дѣйствительную барочность въ нѣкоторыхъ случаяхъ, онъ далеко оставляютъ за собою детали XVII столѣтія, постройности своихъ пропорцій и изящности рисунка. Правда, что эти детали классического характера, болѣе намъ чуждаго, но и наши детали церквей XVII столѣтія, имѣя въ основѣ своей тоже западные стили — византійскій, романскій и даже готическій, хотя и вылились въ болѣе или менѣе самостоятельныя формы, но, нужно замѣтить, не всегда художественные.

Остается еще указать, что не раздѣляю также мнѣнія автора о значительности вліянія деревянной архитектуры на каменную, какъ въ плановомъ отношеніи, такъ и въ общихъ фасадныхъ массахъ. Группировка отдѣльныхъ храмовъ въ общую массу не есть повтореніе группы деревянныхъ церквей, составленной изъ отдѣльныхъ срубовъ, а скорѣе требование заданія, какъ это можно заключить по документальнымъ даннымъ о церкви Василія Блаженнаго въ Москвѣ, а также и требование конструктивныхъ соображеній, дабы не перекрывать большихъ пространствъ каменными сводами. Наша деревянная церковная архитектура на сѣверѣ, несомнѣнно, есть отраженіе московской, между тѣмъ, мы тамъ встрѣчаемъ многогранные алтари и бочечныя покрытия, что вытекаетъ изъ явнаго подражанія каменной архитектурѣ.

Во всякомъ случаѣ, не касаясь детальныхъ замѣчаній, необходимыхъ для полной обрисовки исполненной задачи, нужно замѣтить, что трудъ автора все же является солиднымъ вкладомъ въ нашу литературу, далеко не богатую материалами для исторіи русскаго церковнаго зодчества, а потому такой трудъ заслуживаетъ поощренія и болѣе подробнаго критического разбора, гдѣ были бы выдвинуты и его достоинства.

В.

Θ. Θ. Горностаева.

Представленный на соисканіе преміи имени графини П. С. Уваровой трудъ, „Очеркъ исторіи Московскаго періода древне-руссскаго церковнаго зодчества [отъ основанія Москвы до конца первой четверти XVIII вѣка]“ подъ девизомъ „Старина“, обрисовывая состояніе московской архитектуры указанного времени, по существу, является лишь очеркомъ архитектуры самой Москвы, о чемъ авторъ труда и упоминаетъ въ своемъ предисловіи (стр. 4), говоря объ затемнѣніи общей картины отвлеченіемъ въ сторону. Едва-ли это случилось бы, если бы авторъ упомянулъ въ своемъ трудѣ, напримѣръ, объ существованіи ростовскаго и ярославскаго зодчествъ, такъ ярко выразившихъ въ своихъ памятникахъ, представляющихъ высокохудожественные образцы общаго московскаго искусства.

Раздѣливъ свой трудъ на двѣнадцать главъ, авторъ не надѣлъ каждой изъ нихъ одинаково поработалъ въ смыслѣ полноты ихъ освѣщенія. Такъ, первыя восемь главъ представляютъ болѣе или менѣе достаточныя характеристики, послѣднія же четыре главы скомканы и во многихъ частяхъ своихъ неполны и неясны. Въ особенности страдаетъ этимъ двѣнадцатая глава, въ которой авторъ на стран. 375-й самъ указываетъ на трудность группировки памятниковъ періода русскаго Барокко.

На стран. 248 IX главы авторъ указываетъ и на причину трудности, а именно—на скучность материала, имѣвшагося въ его распоряженіи, и на обширное пользованіе фотографическими снимками вместо изслѣдованія памятниковъ на мѣстѣ (стр. 280, X гл.).

Неровность обработки главъ, по нашему мнѣнію, проходитъ отъ чисто кабинетной работы автора, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи готовыя и подробныя монографіи и характеристики памятниковъ, которые онъ разбираетъ въ первыхъ восьми главахъ. Для остальныхъ главъ такихъ монографій и характеристикъ мало и, при отсутствіи личнаго обслѣдованія, автору оставалось, при пользованіи лишь фотографіями, поверхностно фотографически описывать разбираемые памятники и на основаніи такихъ поверхностныхъ обзоровъ строить свои предположенія и догадки.

Такой порядокъ обслѣдованія ставить трудъ автора въ разрядъ трудовъ лишь компилятивныхъ.

Къ какимъ курьезамъ можетъ привести книжное обслѣдованіе памятниковъ, безъ провѣрки ихъ на мѣстѣ, достаточно указать въ трудѣ автора на тѣ панно ионического ордера, которыя многократно отмѣчаетъ авторъ на стран. 50, 54, 91 III главы своего труда въ описаніи московскаго Успенскаго собора, сдѣланнаго по чертежамъ, изданнымъ Θ. Рихтеромъ.

Эти іонические пилястры въ натурѣ оказываются написанными на стѣнѣ, повидимому, въ началѣ XIX вѣка, одновременно со вѣнчаніемъ стѣнописью. Авторъ, въ своемъ разборѣ, относитъ эти пилястры къ строительной работѣ Аристотеля Фиоравенти!!

То же отсутствіе осмотра памятниковъ на мѣстѣ даетъ рядъ неосновательныхъ толкованій. Напримѣръ,— порталъ Старо-Симоновской церкви авторомъ отмѣченъ (гл. III, стр. 85 и 92) какъ обладающій лишь парою колонокъ, хотя, повидимому, порталъ просто растесанъ. Отмѣчая хаосъ обработки фасадовъ Берсеневской церкви и въ особенности оконъ (стр. 289) по рисункамъ, изданнымъ Ф. Рихтеромъ, авторъ отмѣтилъ бы совершенно иное, осмотрѣвъ южную сторону церкви, а именно изящность и логичность обработки оконъ и проч. Особенно грубымыя являются указаніе на начало фасадныхъ декорацій московской церковной архитектуры, времени царей Михаила и Алексія, въ памятникахъ XVI вѣка, а именно въ Пятницкомъ храмѣ близъ Троице-Сергиевской Лавры. Такое опредѣленіе авторомъ вынесено на основаніи труда А. Мартынова („Русская старина“, тетр. 6-я). Ближайшее ознакомленіе съ памятникомъ на мѣстѣ указало бы автору, что не тутъ нужно искать желаемое начало, ибо самому поверхностному наблюдателю ясно будетъ видно, что окна и другія детали Пятницкаго храма принадлежать къ весьма уже развитымъ декоративнымъ частямъ московской архитектуры первой половины XVII вѣка. Надо думать, что храмъ послѣ польского разгрома основательно былъ ремонтированъ, о чёмъ и упоминаетъ Н. М. Снегиревъ въ своемъ текстѣ. Несомнѣнно въ то же время была поставлена, съ запада на главной оси храма, шатровая колокольня, также весьма развитого типа; авторъ считаетъ ее одной изъ первыхъ шатровыхъ колоколенъ и первымъ примѣромъ постановки съ запада на главной оси храма (гл. VI, стр. 173—176 и гл. VIII, стр. 223). Разбирая трудъ автора по главамъ, можно отмѣтить слѣдующее.

Въ главѣ I-й на стр. 10 и 11 авторъ, характеризуя древнѣе деревянное храмовое зодчество, приходитъ къ выводу, что первоначальный типъ деревяннаго храма былъ простъ и имѣлъ видъ избы. Съ такимъ выводомъ трудно согласиться, зная, что въ Новгородѣ въ 989 году уже была построена дубовая церковь св. Софіи о 13 главахъ. Конечно, типъ избныхъ церквей, „клѣтцихъ“, „клѣтцкихъ“, сформировался довольно рано, но онъ едва ли былъ единиченъ; очевидно, одновременно существовали и другіе типы, болѣе сложные.

На той же 11-й страницѣ неясно опредѣленъ характеръ церквей „клѣтцихъ“, обрисованныхъ авторомъ лишь съ плановой стороны. Планъ храма, обладающаго прямоугольной средней частью и таковыми же прирубными, алтаремъ и притворомъ, можно встрѣтить и въ деревянныхъ шатровыхъ церквяхъ и въ деревянныхъ храмахъ эпохи Барокко.

Въ главѣ II-й на стр. 29, въ примѣчаніи, авторъ считаетъ Киевскую Спасо-Берестовскую церковь крестообразной въ планѣ. Но нынѣ уже известно, что такой видъ далъ ей Петръ Могила въ XVII вѣкѣ.

На стр. 30 и 31 авторъ, сравнивая структуру Успенскаго Звени-

городского собора съ церковью Покрова на Нерли, говорить о тождествѣ крестообразныхъ пилоновъ, забывая о томъ, что пилоны Звенигородскаго собора передѣланы въ неизвѣстное время.

На стр. 33 и 37 авторъ, отмѣчая за остреніе полукруглыхъ арокъ Звенигородскаго собора, говоритъ, что эта деталь (кстати сказать, очень важная въ исторіи русской архитектуры) мѣстная, являющаяся впервые въ русскомъ зодчествѣ на храмахъ Москвы. Но такія за остреніемъ существовали много ранѣе во владимиро-суздальской архитектурѣ, а именно въ Георгіевскомъ храмѣ Юрьева-Польскаго въ кровлѣ его порталовъ — папертей, а также и въ арочномъ поясе, и въ порталѣ храма Княгинина монастыря во Владимірѣ; тамъ же фигурируютъ и „дѣньки“ на колоннахъ, хотя авторъ считаетъ и ихъ мотивомъ московскимъ (на стр. 36). (Примѣчаніе. „Дѣньки“, какъ перевязки полуколоннъ порталовъ, не чужды средневѣковой итальянской архитектурѣ. Напримѣръ, они имѣются въ порталѣ госпиталя въ Капраникѣ (XIII в.), въ порталѣ церкви Богоматери въ Анконѣ (XIII в.) и въ друг. Храмъ Княгинина монастыря сооруженъ въ 1200 г., вѣка на полтора раньше Звенигородскаго собора. Въ прикладномъ искусствѣ „дѣнька“, какъ перевязка, встрѣчается еще ранѣе, напримѣръ, въ потирѣ XII в. (времени кн. Юрия Долгорукаго) собора въ Переяславль-Залѣскомъ. Смотр. „Русскія Древности“ П. Толстого и Н. Кондакова, вып. 6, стр. 83 *)).

Въ главѣ III-й, на стр. 53—54, авторъ, говоря объ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, руководствуясь свѣдѣніями, почерпнутыми изъ Степенной книги, считаетъ крыльцо надъ западнымъ входомъ въ храмъ перестроеннымъ вновь послѣ пожара. Но онъ не обратилъ вниманія на докладъ объ реставраціи собора К. М. Быковскаго („Археологическая извѣстія и замѣтки“ 1896 г., № 2—3), где крыльцо рисуется только сильно потерпѣвшимъ отъ пожара, причемъ колонны его оказались безъ пьедесталовъ. Въ томъ же докладѣ ясно опредѣлено существованіе „казны“ около барабана средней главы. Существованіе ея на томъ мѣстѣ авторъ отрицаетъ, руководствуясь лишь мнѣніемъ Н. А. Артлебена (стр. 47 и 48 труда).

На стр. 70-й авторъ, говоря о голосникахъ церкви Чуда Арх. Михаила, указываетъ на рѣдкость ихъ примѣненія въ московскомъ зодчествѣ, что весьма невѣрно: они имѣются во многихъ храмахъ Москвы.

Отмѣчая въ деталяхъ церкви Чуда Арх. Михаила нѣкоторый итальянскій характеръ, авторъ считаетъ наиболѣе правдивымъ предполагать, что руководство сооруженіемъ храма было поручено итальянцу, который, давъ рисунокъ на южный фасадъ храма, все остальное (?) предоставилъ московскимъ зодчимъ. Трудно согласиться,

*) Въ Московскомъ Историческомъ Музѣѣ хранится замѣчательный памятникъ Владимира-Суздальскаго периода XIII вѣка, имѣющій типичныя для стиля „дѣньки“ перевязки. Памятникъ этотъ — паникарило села Вжищъ. Смотр. фотографіи И. Борщевскаго, № 2158.

что это такъ, ибо итальянскія детали фигурируютъ не только на южномъ фасадѣ храма, но и на западномъ. Западный порталъ тоже обладаетъ прекрасной орнаментацией чисто итальянского стиля. Притомъ трудно представить, чтобы такое важное дѣло, какъ конструированіе сводовъ, было предоставлено руководителемъ-итальянцемъ русскимъ мастерамъ. На русское, псковское, происхожденіе сводовъ указываетъ ихъ типичная ступенчатая конструкція. Не проще ли предположить, что русские мастера, строившіе храмъ, воспользовались нѣкоторыми уборными частями „Фряжскаго дѣла“?

На стр. 76—79 авторъ, какъ бы слѣдя за мнѣніемъ В. Прохорова, имѣть склонность считать Архангельскій соборъ и снаружи похожимъ на Успенскій, отодвигая, такимъ образомъ, существующую нынѣ фасадную обработку храма вмѣстѣ съ западной его прибаковой (стр. 81) ко времени болѣе позднему, нежели 1505—9 года. Въ подкрѣплѣніе своего мнѣнія авторъ ссылается на неодинаковость обработки шеи главъ Архангельскаго собора съ обработкой его фасадныхъ стѣнъ (стр. 81), находя вмѣстѣ съ тѣмъ аналогичность обработки шей главъ Архангельскаго собора съ шеями главъ Благовѣщенскаго собора и храма Чуда Арх. Михаила. Это указаніе кажется весьма страннымъ, во-первыхъ, потому, что послѣднія имѣютъ аркаду изъ полуколонокъ съ перевязками (Чудовская аркада даже съ заостреніями), а шеи Архангельскаго собора — изъ пиластръ безъ всякихъ перевязокъ и заостреній.

Затѣмъ на листѣ I-мъ V-го выпуска памятниковъ древне-русскаго зодчества, изданія Академіи Художествъ, гдѣ помѣщены детали Архангельскаго собора, авторъ могъ бы видѣть ясное сходство стиля и приемовъ обработки шеи главы со стилемъ обработки фасадовъ стѣнъ, сравнивая, хотя бы, аркатуру шей (чертежъ 6) съ аркатурой надъ западнымъ входомъ (чертежъ 7).

На стр. 91-й авторъ, приводя перечень декоративныхъ мотивовъ московскихъ церквей рассматриваемаго периода, почему-то относить къ новгородско-псковскимъ мотивамъ пояса поребрика и арочекъ, хотя тѣ и другія имѣются и во владимиро-суздальскомъ зодчествѣ.

Въ главѣ IV-й авторъ, приводя аналогію плана и общей структуры Дьяковской церкви съ планами шатровыхъ деревянныхъ церквей, предполагаетъ, что послѣднія не имѣли подклѣтовъ, въ томъ случаѣ, если заложены были осьмигранникомъ прямо съ земли. Съ этимъ никакимъ образомъ согласиться нельзя, такъ какъ такія деревянныя церкви (обычно очень большихъ размѣровъ въ ширину и высоту) почти всегда стоятъ на подклѣтахъ и окружены галлерейами съ высокими крыльцами.

На стр. 145-й въ концѣ главы авторъ приводить примѣръ сооруженія каменного шатроваго храма до появленія высоко развитыхъ формъ московского храмового зодчества XVI в., указывая на церковь въ селѣ Городнѣ, Коломенскаго уѣзда, будто бы построенную въ началѣ XVI вѣка. Такое опредѣленіе основано, повидимому, на свѣдѣніяхъ, почерпнутыхъ изъ писцевыхъ книгъ 1577—78 год. и изъ „Прогулки по Коломенскому уѣзду“ Иванчина-Писарева. Иванчинъ-Писаревъ счи-

таетъ Городненскую церковь современной церкви Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ, относя ту и другую къ работѣ Алевиза (?!). Строитель Городненской церкви, правда, отчасти подражалъ формамъ Вознесенской церкви въ селѣ Коломенскомъ, копируя шатерь и стрѣлы на поверхности его, но далѣе въ подражаніи не стремился. Судя по общей структурѣ и деталямъ, Городненскій храмъ болѣе приближается къ архитектурѣ шатровыхъ храмовъ второй половины XVI в. и начала XVII в., т.-е. къ храмамъ, построеннымъ послѣ появленія высоко-развитыхъ формъ московского храмового зодчества.

Въ главѣ VII-й, на стр. 197, авторъ, описывая шейки главокъ Троице-Голенищевской церкви (XVII в.), отмѣчаетъ особенное, ранѣе не встрѣчавшееся, расположение кокошниковъ, какъ бы надѣтыхъ на шейки главокъ. Но этотъ пріемъ далеко не новъ. Въ храмѣ Василія Блаженнаго совершенно тождественно обработана шейка главки шатра.

На стр. 198 авторъ, говоря объ Троице-Голенищевской церкви, считаетъ ее единственнымъ памятникомъ (кромѣ Дьяковской церкви), имѣющимъ общую основную идею съ церковью Василія Блаженнаго, совершенно забывая о существовавшемъ Старицкомъ соборѣ.

Описывая на стр. 198 — 200 сломанный храмъ Алексѣевскаго монастыря, авторъ пользуется рисункомъ А. Мартынова, помѣщеннымъ въ 11-ой тетради „Русской Старины“. Насколько опасно строить догадки по рисункамъ и притомъ догадки и предположенія весьма детальнаго свойства (что, кстати сказать, авторъ дѣлаетъ очень часто и при разборѣ другихъ памятниковъ въ особенности въ послѣднихъ главахъ своего труда), доказывается слѣдующее.

Имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи чертежи упраздненнаго храма совершенно иначе представляютъ размѣщеніе двухъ шатровъ храма, не удовлетворяя ни первому, ни второму предположеніямъ автора. Они поставлены, совершенно независимо, на сомнѣваемыхъ сводахъ, перекрывающихъ два смежныхъ квадратныхъ помѣщенія, съ отдѣльными входами, при общей трапезѣ. Что касается описанія деталей наружнаго вида храма, то онъ настолько представляются эскизными, настолько не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, что объ нихъ необходимо сказать нѣсколько словъ.

- 1) Углы восьмигранниковъ основанія шатровъ, вопреки рисунку А. Мартынова, укращены профилеванными лопatkами, между которыми помѣщены впадины съ круглыми окнами въ центрѣ.
- 2) Карнизъ у восьмериковъ, вопреки рисунку А. Мартынова, очень богатъ и силенъ, служа надежной опорой для прекрасно скомпанованныхъ группъ кокошникова шатра, безъ всякой чрезмѣрной вытянутости щелеобразнаго верхняго „слуха“.
- 3) Въ подножіи шеекъ главъ шатровъ, вопреки рисунку А. Мартынова, имѣется лишь одинъ рядъ кокошничковъ, а не два. Вообще шатры Алексѣевскаго храма съ ихъ нарядными группами кокошниковъ, по изяществу рисунка и формамъ, близко подходятъ къ верхней части шатра церкви Василія Блаженнаго (за исключеніемъ звѣздообразной формы восьмерика).

На стр. 210-й авторъ, говоря объ раскраскѣ Путинковской Бого-родицеорождественской церкви, находить ее пестрой и сходной съ раскраской церкви Василія Блаженнаго (?!). Раскраску Путинковского храма, существовавшую до недавняго ремонта (нынѣ храмъ окрашенъ въ бѣлый цвѣтъ) и состоявшую изъ двухъ тоновъ сѣраго и бѣлаго цвѣтовъ, нельзя называть пестрой. Эта раскраска продѣлана по оптукатуркѣ всего храма во второй половинѣ XIX вѣка. Гдѣ и въ чемъ авторъ находить сходство съ раскраской храма Василія Блаженнаго—совершенно не понятно. Притомъ Путинковскій храмъ, обладающій поясами изъ цвѣтныхъ изразцовъ, поскольку намъ известно, до оптукатурки раскраски не имѣлъ.

На стр. 213—214 авторъ находить, что гоненіе на шатры началъ патріархъ Никонъ. Но какъ же тогда объяснить присутствіе такого вида на шатра въ любимомъ „дѣтищѣ“ патріарха, т.-е. въ Воскресенскомъ храмѣ Новоиерусалимскаго монастыря?..

Въ главѣ VIII на стр. 219 — 220, говоря о колокольнѣ Ивана Великаго, авторъ очень рѣшительно называетъ центральную часть колокольни (гдѣ виситъ большой колоколъ), произведеніемъ Бона Фрязина (1505—1508 г.). Вѣрнѣе, эта часть сооружена Фрязиномъ Петрокомъ Малымъ въ 1532 — 43 годахъ (смотр. „Исторію Москвы“ И. Е. Забѣлина, стр. 154—156). Въ особенности не можетъ считаться Боновской работой глава на высокой цилиндрической шейѣ. По архитектурѣ ее слѣдуетъ отнести къ еще болѣе позднему времени, чѣмъ работа Петрока, а именно, ко времени сооруженія цареборисовскаго столпа.

Оставляя въ сторонѣ, по вышеупомянутымъ причинамъ, детальный разборъ послѣднихъ четырехъ главъ труда, замѣтимъ, что онъ чрезмѣрно изобилуютъ описаніями наружныхъ деталей храмовъ, составленными по фотографіямъ и по рисункамъ А. Мартынова. Особенно довѣрять тѣмъ и другимъ, безъ обслѣдованія памятника въ натурѣ, нельзя, такъ какъ большинство приводимыхъ въ примѣръ храмовъ потерпѣли со времени своего основанія болѣе или менѣе существенные измѣненія, которыя довольно трудно опредѣлить только по фотографіямъ. Еще труднѣе сдѣлать это по рисункамъ, не говоря уже про рисунки тѣхъ церквей, которыя уже сломаны. Приведенный примѣръ описанія сломанной церкви Алексѣевскаго монастыря достаточно говорить объ этой трудности. Думаемъ, что и имѣющіеся у насъ въ распоряженіи точные чертежи упраздненнаго Алексѣевскаго монастыря, при сравненіи ихъ съ натурай, кое въ чемъ болѣе или менѣе существенномъ отошли бы отъ оригинала.

Книжный матеріаъль, имѣвшійся въ распоряженіи автора представленаго труда, не далъ ему такихъ интересныхъ и важныхъ для московской архитектуры памятниковъ, какъ, напримѣръ, церковь Трифона мученика въ Напрудной, въ Москвѣ; соборная церковь Рождественского монастыря въ Москвѣ; Островская церковь вблизи Царицына подъ Москвой; замѣчательный Дубровицкій храмъ близъ Подольска; „Дивная“ церковь близъ Углича и др. Отсутствіе ихъ въ трудахъ автора

составляетъ значительный пробѣлъ, оправдывать который отсутствіемъ подъ руками необходимаго материала нельзя. Весьма ощущительно и отсутствіе въ трудѣ болѣе отдаленныхъ „провинціальныхъ храмовъ“, но авторъ счелъ возможнымъ ихъ игнорировать...

Въ заключеніе считаю необходимымъ отмѣтить, что представленное на конкурсъ сочиненіе, обладая, главнымъ образомъ, компилиативными сводками предшествовавшихъ трудовъ въ области исторіи московской архитектуры, имѣетъ то достоинство, что это—первая сводка и, такъ или иначе первая попытка обозрѣть московскую архитектуру въ ея цѣломъ, хотя и во многомъ неудовлетворяющая основамъ науки, а также и требованіямъ конкурса.

При скучности въ литературѣ вышеописанного характера трудовъ, съ своей стороны, полагаемъ, что представленный на конкурсъ трудъ, подъ девизомъ „Старина“, заслуживаетъ поощрительной преміи и изданія, хотя бы и со многими несовершенными опредѣленіями, и со многими несовершенными иллюстраціями, предложенными авторомъ.

Москва.
Декабря 28 дня 1909 г.

Г.

Проф. Н. В. Покровскаго.

Задачу автора составляетъ обслѣдованіе московскаго периода церковнаго зодчества. Въ предисловіи къ своему труду онъ говоритъ, что въ настоящее время сдѣлано уже очень много для исторіи русской архитектуры: накопилось уже много материаловъ, отчасти научно-обработанныхъ; были уже попытки—намѣтить общую схему развитія нашего строительства,—послѣдовательную трансформацію какъ конструктивныхъ, такъ и художественныхъ пріемовъ; теперь мы имѣемъ уже прекрасно разработанныя отдельныя части исторіи русской архитектуры, ея развѣтленій, но многихъ звеньевъ, связующихъ все это въ одну непрерывную цѣль, у насъ нѣтъ; а потому и невозможно написать въ настоящій моментъ исторію всей русской архитектуры. Вотъ почему авторъ ставитъ для себя скромную задачу — представить лишь связанный очеркъ исторіи московскаго зодчества, путемъ научнаго анализа типичныхъ памятниковъ церковной старины самой Москвы и ея окрестностей.

Все изслѣдованіе раздѣляется на двѣнадцать главъ: въ главѣ I-й идетъ рѣчь о деревянномъ зодчествѣ Московскаго княжества. Такъ какъ вопросъ о древне-русскомъ деревянномъ зодчествѣ обстоятельно обслѣдованъ былъ историкомъ и археологомъ И. Е. Забѣлинъ, то напись авторъ повторяетъ лишь кратко его выводы; какихъ-либо новыхъ материаловъ, неизвѣстныхъ И. Е. Забѣлину, у него не было, да и не могло быть, такъ какъ нѣтъ ни одного памятника этой архитектуры,

уцѣлѣвшаго въ томъ или другомъ видѣ отъ первыхъ вѣковъ христианства въ Россіи. Попытка автора поискать мотивовъ деревянной архитектуры въ лицевомъ житіи св. Николая, какъ удачно сдѣлалъ это Н. В. Султановъ по отношенію къ русской архитектурѣ вообще, не привела, конечно, ни къ какимъ результатамъ. Ужъ если обращаться за указанными мотивами деревянной архитектуры къ лицевымъ житіямъ и иконамъ, то нужно брать житія и иконы русскихъ святыхъ, напр.: Сергія Радонежскаго, Артемія Веркольскаго и т. п. Вообще вся эта первая глава не имѣетъ существенно важнаго значенія въ трудѣ автора.

Во II-й главѣ разсматривается первый періодъ каменнаго церковнаго зодчества Москвы (1272—1461 гг.) и особенно подробно говорится о Звенигородскомъ Успенскомъ соборѣ; причемъ авторъ не безъ основаній находитъ здѣсь слѣды воздействиа со стороны владиміро-суздальской архитектуры, а въ послѣдней принимаетъ на вѣру, безъ всякой критической повѣрки, западное происхожденіе нѣкоторыхъ архитектурныхъ мотивовъ, не находя, очевидно, возможнымъ уклоняться въ сторону отъ главной темы.

Въ главѣ III-й представлена очень хорошая характеристика дѣятельности Аристотеля Фиоравенти и строго научный анализъ архитектурныхъ формъ соборовъ: Успенскаго, Благовѣщенскаго, Архангельскаго, церкви Положенія ризы Пресв. Богородицы, церкви Рождества Богородицы въ Старо-Симоновомъ монастырѣ и церкви св. Николая въ Мясникахъ. Авторъ отмѣчаетъ въ этихъ храмахъ всѣ детали и ихъ постепенныя видоизмѣненія, — пріемы и формы итальянскія, новгородскія, псковскія, суздальскія. Приходится пожалѣть лишь о томъ, что онъ не остановился на вопросѣ о происхожденіи и назначеніи такъ назыв. „голосниковъ“ (Чуд. соборъ, церковь въ с. Бесѣдахъ); не объяснилъ значенія „полубутовой кладки“ въ вопросѣ о стороннихъ вліяніяхъ на московское зодчество, хотя, повидимому, правильно считаетъ ее признакомъ новгородо-псковскаго вліянія (церковь св. Николая въ Мясникахъ, церковь Рождества Богород. въ Симоновомъ монастырѣ, церковь въ с. Бесѣдахъ). Выводъ по отношенію къ разсмотрѣнному въ этой главѣ періоду (XV вѣка—1510 г.) заключается въ слѣдующемъ: въ храмовомъ типѣ укрѣпляется пятиглавіе; остаются тѣ же владиміро-суздальскіе фасы въ раздѣлкѣ стѣнъ; горизонтальные пояса и вѣнчаніе стѣнъ закомарами; аркатурные пояса на шеяхъ главъ, іоническія капители (отъ Аристотеля Фиоравенти); старые перспективные входы; появляются балясины и дыньки въ колоннахъ подъ вліяніемъ деревянной архитектуры. Отсюда слѣдуетъ, что итальянское вліяніе проявилось только въ техникѣ; архитектурныя же итальянскія формы, какъ несвойственные духу русскаго національнаго зодчества, не привились въ Россіи.

Глава IV-я заключаетъ въ себѣ обзоръ памятниковъ шатровой архитектуры; сюда относятся: ц. Иоанна Предтечи въ с. Дьяковѣ 1529 г., ц. Вознесенія въ с. Коломенскомъ 1521—1532 гг., ц. въ с. Медвѣдковѣ и въ Бесѣдахъ XVI в. Въ нихъ авторъ видитъ совокупное вліяніе

здечествъ древне-русскаго деревяннаго и итальянскаго и начало самобытнаго русскаго стиля.

Особая глава V-я посвящена анализу архитектурныхъ формъ крупнейшаго памятника шатровой архитектуры, — церкви Василія Блаженнаго. Это—яркий представитель народнаго древне-русскаго искусства, полнаго жизненности и, безспорно, высокаго, хотя и своеобразнаго пониманія прекраснаго.

Въ VI-й главѣ идетъ о нешатровыхъ церквяхъ XVI в. Авторъ возвращается назадъ къ 1514 году, когда построена была церковь Благовѣщенія на Старомъ Ваганьковѣ (безъ пилоноў въ планѣ); затѣмъ анализируетъ архитектурныя формы собора Новодѣвичьяго монастыря (сходнаго съ Успенскимъ соборомъ, но съ очень высокимъ подклѣтомъ); Введенской церкви въ Сергіевомъ посадѣ (пилоноў нѣтъ, каменная алтарная преграда); Пятницкой церкви тамъ же, Ивановскаго монастыря, Гребневской церкви и ц. св. Николая у Красныхъ Колоколовъ. Архитектурныя отличія этихъ памятниковъ церковнаго зодчества XVI в. по сравненію съ памятниками XV в. заключаются въ слѣдующемъ: 1) въ компактнѣи плана, 2) въ отсутствіи пилоноў, 3) въ устройствѣ трапезы съ западной стороны, 4) въ ходовыхъ галлереяхъ, 5) въ соединеніи въ одно цѣлое нѣсколькихъ церквей (ц. Василія Блаженнаго), 6) въ подклѣтахъ (не во всѣхъ церквяхъ) и 7) въ колоннахъ съ „дынъками“.

Въ VII-й главѣ разматриваются шатровыя церкви XVII вѣка,— одношатровыя и многошатровыя: ц. въ Копѣйѣ, ц. Зосимы и Савватія въ Троице-Сергіевой Лаврѣ, трапезная церковь въ с. Троицкомъ-Голенищевѣ, ц. Алексѣевскаго монастыря и ц. Рождества Богородицы въ Путинкахъ: въ послѣднихъ двухъ оригинальная особенность — два рядомъ стоящіе шатра.

Глава VIII-я—о колокольняхъ,—сперва въ видѣ простыхъ звонницъ, иногда въ два яруса, а въ началѣ XVII в.—шатровыхъ, иногда съ четырьмя слухами.

Глава IX-я— нешатровыя церкви первой половины XVII в.: Преображенія въ с. Вяземахъ, ц. Покровская, ц. Доңской Богоматери въ Даниловскомъ монастырѣ, ц. Феодора Студита, ц. Грузинской Богоматери и церковь Николая Явленнаго на Арбатѣ. Отмѣтивъ характерныя черты ихъ (отсутствіе пилоноў, теплые трапезы, ходовая паперти и пятиглавіе), авторъ замѣчаетъ, что вообще конецъ XVI в. и начало XVII в.,—эпоха смуты, прошли почти безследно для исторіи церковнаго зодчества Москвы.

Глава X-я—расцвѣть самобытнаго русскаго искусства. Романовскій періодъ: послѣ подробнаго и обстоятельнаго описанія церкви въ с. Тайнинскомъ, разматриваются церкви Св. Троицы и Грузинской Богоматери въ Китай-городѣ, у Варваринскихъ воротъ, ц. св. Николая въ Пыжахъ, ц. св. Николая въ Столпахъ и ц. Рождества Христова въ с. Измайлово. Выводъ: всѣ церкви Романовскаго періода имѣютъ трапезы съ западной стороны, алтари трехабсидные, придѣлы, хоры, ходовая паперти, иногда колокольни. Своды сомкнутыесъ рас-

палубками, пятиглавые, кокошники, главная церковь всегда выше трапезы, подклѣтовъ нѣтъ (кромѣ одной церкви св. Троицы въ Никитникахъ). Матеріаль—строительный кирпичъ, а для декоративныхъ формъ—тесаный камень, изразцы и лекальный кирпичъ.

Г л а в а XI-я. Вторая половина XVII в.—упадокъ самобытнаго зодчества и переходный стиль. Характеристика зодчества XVII в. Здѣсь описывается церкви: св. Николая на Берсеневкѣ, Рождества Богородицы въ с. Богородскомъ, Іоасафа царевича въ с. Измайлово, Покровскій соборъ тамъ же, соборъ Знаменского монастыря, ц. св. Николая въ Хамовникахъ, церкви въ Чудовѣ монастырѣ св. Алексія митрополита, Казанская и Благовѣщенская, ц. Казанской Богоматери въ бывшемъ Георгievскомъ монастырѣ, ц. въ с. Останкино и ц. въ с. Марковѣ. Выводъ изъ главы о памятникахъ наканунѣ петровскихъ реформъ: однѣ церкви съ ходовыми папертями, другія—безъ нихъ; группировка частей церквей складывалась въ тотъ пріемъ, который носить название корабля, т.-е. главныя части церкви располагались одна за другою по линіи западъ-востокъ, при чёмъ трапезная церковь во 2-й половинѣ XVII в. становится неотъемлемою частью церковного зданія, тогда какъ въ XVI в. и въ началѣ XVII в. она встречается далеко не всегда. Колокольня помѣщается на главной оси храма, подклѣтовъ нѣтъ, или же въ нихъ помѣщаются теплые церкви. Вычурные и беспокойные детали и кокошники утрачивають конструктивный характеръ.

Г л а в а XII-я. Русскій барокко. Въ этой послѣдней главѣ авторъ предлагаетъ анализъ архитектурныхъ формъ церквей: св. Николая—Большой Крестъ, Преображенія въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, ц. въ с. Сафаринѣ, Владимірской Богоматери у Никольскихъ воротъ, Богоявленской ц. въ Филяхъ, Успенской въ Котельникахъ, Знаменской въ Шереметевскомъ переулкѣ, Троицкой въ с. Лыковѣ и Воздвиженской въ Воздвиженскомъ переулкѣ.

Авторъ приступилъ къ выполнению поставленной задачи съ большими научными матеріаломъ. Онъ не опустилъ ничего важнаго въ трудахъ его ученыхъ предшественниковъ—Мартынова, Снегирева, Даля, Рихтера, Прохорова, Забѣлина, Султанова, Суслова и всему отвелъ място въ своемъ трудѣ. Независимо отъ того, онъ несомнѣнно изучалъ лично на мястѣ относящіеся къ его темѣ памятники и въ прекрасномъ анализѣ ихъ конструктивныхъ и художественныхъ формъ обнаружилъ серьезную подготовку и знаніе дѣла. Постановка вопроса правильная; тема обработана въ намѣченныхъ границахъ, съ достаточною полнотою. Приходится, вмѣстѣ съ авторомъ, пожалѣть лишь о недостаткѣ нѣкоторыхъ плановъ и разрѣзовъ, а также о недостаткѣ свѣдѣній о стѣнныхъ росписяхъ, иконостасахъ, рѣзныхъ сѣняхъ, царскихъ мѣстахъ, церковной утвари и проч. Все это сообщало бы характеристикамъ автора гораздо большую выпуклость и цѣльность. Но если недочеты этого рода потребовали бы отъ автора большой затраты времени и потому не могутъ быть поставлены ему въ вину, то я не могу примириться съ другимъ недостаткомъ—окончательного

вывода въ его серьезной работѣ. Авторъ оправдываетъ этотъ недостатокъ тѣмъ, что уже Л. В. Даля и Н. В. Султановъ нарисовали картину общаго хода развитія всего русскаго зодчества и въ частности,— московскаго. По моему мнѣнію, сжатый и послѣдовательный очеркъ эволюціи русскаго зодчества связалъ бы всѣ результаты его ученыхъ изслѣдований въ рассматриваемой области, сообщилъ бы имъ единство, цѣльность и законченность.

По моему мнѣнію, сочиненіе подъ девизомъ „Старина“ можетъ быть признано удовлетворительнымъ для присужденія его автору полной преміи имени графа А. С. Уварова.

4 ноября 1909 г.

Заключительное слово гр. П. С. Уваровой.

Насколько исполнены завѣты, завѣщанные графомъ.

Въ заключеніе всего того, что сказано въ память графа, да будеть позволено мнѣ, какъ замѣстительница его на мѣстѣ предсѣдателя Императорскаго Моск. Археол. Общества, занять въсь на нѣкоторое время, съ цѣлью разобраться въ вопросѣ, какие завѣты оставилъ графъ своимъ послѣдователямъ по археологіи и въ какомъ видѣ и насколько Моск. Арх. Общество исполнило эти завѣты своего основателя и пожизненнаго предсѣдателя.

Открывая первое засѣданіе Моск. Археол. Общества и развивая предъ присутствующими картину хода развитія археологіи какъ науки, графъ указалъ на то обстоятельство, что войны Наполеона и то при-
ниженіе состояніе, въ которое онъ привелъ западную Европу, произ-
вели переворотъ даже въ наукѣ: „Европа,—сказалъ графъ,—для осво-
божденія отъ ига Франціи, должна была прибѣгнуть не только къ
„простой силѣ, но также и къ нравственной опорѣ чувства
„народности и только съ этой опорой онъ сокрушилъ наполеонов-
скую власть. Пробужденное чувство народности, по умирению Европы,
„обратилось къ изученію всего родного. Оно дѣятельно жило и ярко
„отразилось на самой археологіи. Съ тѣхъ поръ общій характеръ
„науки даже христіанскихъ древностей измѣняется и принимаетъ во
„всѣхъ странахъ характеръ національный. Подъ вліяніемъ чувства на-
родности, въ Европѣ возникаютъ и Археологическая Общества, глав-
ная цѣль которыхъ,—разрабатывать, изучать и собирать памятники
„родной старины“.

Таковъ былъ ходъ археологіи на западѣ; сознаніе могущества и непоборимой силы народности двинуло дѣло изученія памятни-
ковъ каждого отдельнаго народа и наука, изучающая до тѣхъ поръ
только памятники классической древности, обратила вниманіе на окру-
жающую ея среду, на то, что добывалось изъ нѣдръ родной земли, на то, что свидѣтельствовало о ея прежней жизни, бытѣ, исторіи, славѣ
и могуществѣ.

Обращая вниманіе на эту сторону развитія археологическихъ изслѣдований, графъ тѣмъ самымъ указывалъ на необходимость въ томъ же направленіи двигать и дѣятельность Московскаго Археологи-

ческаго Общества, которое съ самаго своего основанія свято хранило этотъ первый и главный завѣтъ своего основателя. „Чувство народности возбудило дѣятельность ученыхъ обществъ на западѣ“ — сказалъ графъ; то же чувство народности, та же любовь къ родной старинѣ заставили Московское Археологическое Общество поработать надъ розысканіемъ русскихъ древностей, надъ доказательствомъ невѣрности распространеннаго мнѣнія, что въ Россіи нѣтъ памятниковъ, что Россія стала жить и заселяться позднѣе остальной Европы, что въ первые вѣка нашей эры она отставала въ развитіи отъ Европы, что ученые наши XIX стол. не умѣютъ сгруппировать свои познанія по археологіи въ ту струйную правильную науку, какъ то уже сдѣлано на западѣ, и, наконецъ, что ученымъ Запада нечего искать и нечemu учиться у настѣ, на Руси.

Дружными и совокупными силами нашихъ ученыхъ дознаны и открыты стоянки и погребенія каменного вѣка, найдены мѣдныя и бронзовыя орудія, во множествѣ открыты остатки до-микенской культуры, подробно и обстоятельно разработаны мѣста осѣдлости греческихъ колоній побережья Чернаго моря, добыты сокровища, единственная въ своемъ родѣ, въ скиѳскомъ курганѣ, разслѣданы на сѣверѣ слѣды финскихъ племенъ, заселявшихъ его до появленія славянъ, сильно двинута разработка могильниковъ самихъ славянъ съ разслѣданіемъ границъ ихъ распространенія, серьезно затронутъ вопросъ о погребеніяхъ кочевниковъ въ нашихъ южныхъ степяхъ, во множествѣ разработаны и выяснены памятники нашей древней письменности, обслѣданы, изучены и въ извѣстномъ размѣрѣ изданы наши архитектурные памятники... И наши западные сосѣди не только стали появляться на нашихъ Сѣвѣрахъ, изучать наши Музеи, стараться добывать наши древности и производить у настѣ раскопки, знакомиться и выписывать наши изданія, не только взялись за изученіе русскаго языка, но и откровенно сознаются, что именно въ Россіи надо искать разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые волнуютъ ихъ на западѣ, но при наличныхъ средствахъ—признаются неразрѣшимыми.

Второй завѣтъ графа—„уничтожить равнодушіе къ отечественнымъ древностямъ, научить дорожить родными памятниками, цѣнить всякий остатокъ старины, всякое зданіе, воздвигнутое нашими предками, сохранить и защитить ихъ отъ всякаго разрушенія“. Вопросъ этотъ, который графъ считалъ „самымъ жизненнымъ вопросомъ русской археологіи“, былъ выдвинутъ имъ и поставленъ въ очередь съ первыхъ шаговъ Московскаго Археологического Общества, которое первое въ Россіи обратило вниманіе правительства на необходимость охраны памятниковъ и первое взялось за это дѣло и, образовавъ изъ своей среды особую Комиссію по сохраненію памятниковъ, неустанно ведетъ многотрудное дѣло сохраненія родныхъ памятниковъ старины, уничтожаемыхъ не такъ силою времени, какъ неопытными восстановителями, невѣденіемъ, а часто и злымъ умысломъ. Одинъ изъ такихъ памятниковъ, спасенныхъ Обществомъ отъ разрушенія, такъ

называемый домъ Малюты Скуратова на Берсеневкѣ, пожалованъ Обществу Государемъ Императоромъ Александромъ II, при чмъ Его Величеству всемилостивѣйше угодно было повелѣть, чтобы съ 1877 г. ни одно зданіе, ни одна церковь не были перестроены или возобновлены безъ разрѣшенія Московскаго Археологическаго Общества.

Впослѣдствіи другія учрежденія, движимыя, вѣроятно, также любовью къ родной старинѣ, пожелали подѣлить съ Московскими Обществомъ тяготы, носимыя имъ такъ много лѣтъ по сохраненію памятниковъ, и выхлопотали себѣ тѣ же права; но, несмотря на то, что число доброжелателей возрасло, что не разъ собирались даже Комиссіи съ цѣлью упорядоченія вопроса, онъ все еще остается въ формѣ пожеланій безъ строго опредѣленныхъ законоположеній и безъ карательныхъ мѣръ противъ лицъ, поднимающихъ святотатственно руку на памятники, не подозрѣвая, что, уничтожая памятникъ, они вырываютъ всякой разъ страницу изъ народной лѣтописи.

Третій засѣдательный звѣтъ—созывъ Археологическихъ Съѣздовъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи съ цѣлью общенія ученыхъ силъ, обсужденія и разрѣшенія вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ обслѣдованіемъ древностей и подробнаго изученія той мѣстности, гдѣ собирается Съѣздъ. Первый Съѣздъ былъ созданъ въ Москвѣ въ 1869 году, послѣ чего было постановлено систематично созывать ихъ всяkie три года, что исполнялось при графѣ и что продолжается и по сие время. Графъ былъ душой и руководителемъ шести Съѣздовъ и уже большой работаль на Одесскомъ Съѣздѣ, всего за четыре мѣсяца до своей кончины, и заложилъ, такимъ образомъ, фундаментъ той основной мысли, которую ставиль въ основу Съѣздовъ—т.-е. „сблизить и соединить разрозненные пространствомъ ученые наши силы для взаимнаго соглашенія и посильнаго рѣшенія вопросовъ, стоящихъ на очереди“.

Позволю себѣ высказать мнѣніе, что Съѣзды не утратили своего значенія и съ кончиной графа, что они продолжаютъ приносить ту пользу, которую ожидалъ отъ нихъ графъ, что они возбудили не мало научныхъ вопросовъ, разбудили не мало дремлющихъ силъ, вызвали не мало работъ, и заслужили своими трудами по обслѣдованію родного края уваженіе не только ученыхъ Россіи, но и заграницей.

Вотъ тѣ три главные засѣдательные звѣты, которые оставилъ графъ своему Обществу, тѣ положенія, изъ которыхъ истекала вся его научная дѣятельность, всѣ имъ понесенные труды къ развитию археологическихъ трудовъ въ Россіи, къ привлечению на эти труды вниманія правительства, къ заинтересованію ими публики, вызова къ нимъ сочувствія не только среди ученыхъ, но и у всѣхъ дорожащихъ святынями родной старины и привлечению къ занятіямъ по археологии какъ отдельныхъ личностей, такъ и нашихъ учебныхъ заведеній.

Графъ широко открылъ двери на засѣданія своего Общества для всѣхъ, желающихъ ознакомиться съ дѣятельностью такого или получить отъ него указанія, совѣтъ, руководство или изданія.

Графъ указывалъ на необходимость при изслѣдованіяхъ или раскопкахъ руководится указаніями Повѣсти временныхъ лѣтъ

на мѣста первоначальныхъ поселеній какъ славянскихъ, такъ и неславянскихъ племенъ; выражалъ пожеланія, чтобы ученые провѣряли по лѣтописямъ указанныя ими географическія мѣстности, провѣряли неясныя подробности, что дало бы возможность не только съ большимъ успѣхомъ приступать къ раскопкамъ, но позволило бы и историкамъ разрѣшать не мало вопросовъ, оставшихся темными и необъясненными въ ихъ сказаніяхъ.

Графъ указывалъ на необходимость болѣе тѣснаго единенія между учеными Обществами съ цѣлью разработки назрѣвающихъ археологическихъ вопросовъ, какъ, напр., собранія и изданія Научнаго Сборника древнихъ русскихъ надписей, разсѣянныхъ, затерянныхъ по всему широкому пространству земли Русской; составленія Палеографическаго Сборника съ надписей, находящихся на вещественныхъ предметахъ (монетахъ, сосудахъ, крестахъ и пр.), въ виду того, что эти надписи значительно различаются по формѣ буквъ отъ рукописныхъ памятниковъ; разработку вопроса, по какому поводу или образцу и когда начали у насъ употреблять вязь въ письменахъ, какие древнѣйшіе памятники представляютъ намъ образцы связанныхъ между собою буквъ и можно ли по способу составленія вязи опредѣлить время, къ которому принадлежитъ памятникъ; разработку Археологическаго Словаря, въ составленіи которого чувствуется и до сихъ поръ насущная потребность; составленіе Библіографическаго Сборника по разнымъ отдѣламъ археологическихъ знаній; разработку вопроса о легендахъ для археологическихъ картъ; какъ возбудить совокупное содѣйствие этнографіи, языковѣдѣнія, геологіи, палеонтологіи, химіи и біологіи для успѣха первобытной археологии въ Россіи и пр.

Занимаясь памятниками зодчества, графъ первый въ Россіи подробно излагаетъ правила, на основаніи которыхъ всѣ существующіе еще памятники родной старины должны быть подраздѣлены на отдѣлы и признаны государственной собственностью, которой не могутъ распоряжаться, а тѣмъ паче ихъ уничтожать по капризу и произволу, ни частныхъ лица, ни городскія управленія; настаиваетъ на необходимости зарегистрировки, и описанія всѣхъ этихъ памятниковъ и съ этою цѣлью высказывается за необходимость привлечь къ этому дѣлу не только отдѣльныхъ архитекторовъ, но и учрежденія, подобныя Академіи Художествъ, которая, задавая своимъ питомцамъ архитектурныя задачи, должны были бы направлять ихъ на изученіе русскихъ памятниковъ, ихъ съемки и зарисовку; возбуждаетъ вопросъ о сохраненіи памятниковъ на всѣхъ Археологическихъ Съѣздахъ; работаетъ во всѣхъ Комиссіяхъ по этому вопросу; толкуетъ лѣтописныя сказанія о возведеніи, перестройкѣ, украшеніи церквей въ разныхъ частяхъ Россіи; старается разобраться въ тѣхъ разныхъ теченіяхъ, которые могли вліять на развитіе архитектурныхъ формъ нашихъ деревянныхъ храмовъ; констатируетъ самобытность нашихъ деревянныхъ церквей, появленіе византійскихъ формъ въ нашихъ каменныхъ постройкахъ, напоми-

наетъ о вызовѣ мастеровъ-строителей съ запада, при чёмъ обращаетъ вниманіе на то, что мастера эти не могли измѣнить формы, искони принятой для русскихъ храмовъ, а только повліяли въ извѣстной долѣ на вѣнчаное убранство возводимыхъ построекъ; подозрѣваетъ возможность нѣкотораго вліянія востока на русское зодчество со времени покоренія Казанскаго и Астраханскаго царствъ; поднимаетъ вопросъ о стилѣ нашихъ древнихъ церквей; указываетъ, что стиль заимствуетъ свои формы и виды изъ техническаго производства самого памятника, но что, кромѣ техническаго вліянія, существуетъ также и, можетъ быть, въ болѣе сильной мѣрѣ, вліяніе символическое, которое проявляется съ древнейшихъ временъ, получаетъ особое мистическое значеніе и проявляется въ формахъ художественныхъ украшений, которыя и составляютъ отличительныя свойства зданій разныхъ эпохъ и народностей; и составляетъ, наконецъ, примѣрный хронологический списокъ древнимъ русскимъ памятникамъ, который долженъ быть лечь въ основу при устройствѣ того Исторического Музея, подъ сѣнью котораго мы сегодня собрались на поминку его основателя.

Графъ требуетъ преподаванія археологии, по крайней мѣрѣ, въ нашихъ университетахъ, при чёмъ указываетъ на западныя государства, гдѣ она преподается даже въ гимназіяхъ и въ другихъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ и считается необходимымъ педагогическимъ приемомъ для развитія въ ученикахъ какъ чувства любви и привязанности къ родинѣ, такъ и эстетического чувства, возвышающаго умъ и сердце человѣка.

То же горячее чувство народности и любви къ родной старинѣ заставили графа съ восторгомъ принять въ 1878 г. предложеніе Августѣйшаго Намѣстника Кавказа, нынѣ въ Бозѣ почивающаго Великаго Князя Михаила Николаевича, предпринять изученіе древностей Кавказа и подготовительныхъ работъ къ V-му Археологическому Съѣзду, который Его Высочество поручилъ графу созвать въ Тифлисѣ въ 1881 году.

Изученіе и занятіе Востокомъ начались для нашего Общества еще съ Казанскаго Съѣзда, но въ виду неустанныхъ заботъ, распоряженій и денежныхъ суммъ, дарованныхъ Великимъ Княземъ на Тифлисскій Съѣздъ, занятія эти могли принять гораздо большіе размѣры, чemu свидѣтельствуютъ программы, выработанныя по изученію Кавказа, предпринятая раскопки, какъ въ степяхъ у преддверья Кавказа, такъ и въ разныхъ частяхъ края, работы самого Съѣзда и тѣ 12 томовъ „Материаловъ по археологии Кавказа“, которыя печатаются послѣдовательно изъ года въ годъ Московскими Археологическими Обществомъ, не счиная тѣхъ изслѣдований по восточнымъ древностямъ, которыя издаются Восточной Комиссіей Общества, и работы по изданію клинообразныхъ надписей, предпринятыхъ нашимъ многоуважаемымъ соченомъ Мих. Вас. Никольскимъ.

Не то ли также сознаніе своей народности, глубокаго къ ней уваженія и преданности заставило графа поднять вопросъ о необходимости

сти созданія Историческаго Музея, о желательности воздвигнуть памятникъ русскому первопечатнику Ивану Федорову; не то же ли чувство заставляло графа не разъ настаивать на необходимости ученаго побратимства русскихъ съ славянами, съ цѣлью борьбы съ германизацией, доказывая, что борьба эта должна вестись не громкими пустыми фразами, какъ это принято у насъ доселѣ, но упорнымъ трудомъ на научномъ поприщѣ.

И такъ, какъ мы видимъ, слова „народность“, „любовь къ родинѣ и завѣтамъ старины“ не были пустыми словами въ устахъ графа; напротивъ—ихъ изученію, ихъ возвеличенію, ознакомленію съ ихъ памятниками и исторіей, вызову любви иуваженія къ нимъ — была посвящена вся его жизнь. Но, говоря о народности, изучая проявленія духа и величія, графъ не суживалъ свою задачу, не боялся указать на тѣ вліянія, которыя проникли въ русское искусство, въ русскій стиль, какъ проникаютъ разнородныя вліянія ко всѣмъ народамъ, во всѣ самыя разнообразныя части искусства, но, разбираясь въ чужеземныхъ вліяніяхъ, занимаясь то финскими погребеніями, то развалинами въ Булгарахъ, то греческими колоніями побережья Чернаго моря, то армянскими миниатюрами, то грузинской архитектурой, графъ оставался русскимъ, не считалъ нужнымъ расчленять Россію, понималъ ее единою, великою, отъ береговъ Ледовитаго океана до Чернаго и Каспійскаго моря, отъ границъ Австріи и Германіи до Беринговаго пролива, и считалъ изученіе поименованныхъ древностей какъ за отдѣленія одного цѣлага—т.-е. русскихъ древностей, или древностей, находящихся въ Россіи и принадлежащихъ всесѣло ей одной, ея ученымъ, ея музеямъ и собраниямъ.

Но какъ-же исполнены нашими учителями завѣты, завѣщанные графомъ?

Много, очень много сдѣлано! Усилиями отдѣльныхъ лицъ какъ И. Егор. Забѣлина, Антоновича, Анучина, Богданова, Иностранцева, Самоквасова, кн. Путятинна, Оссовскаго, Андріанова, Спицина, бар. Тизенгаузена, Бранденбурга, Сизова, Гаусмана, гр. Бобринскаго, Ко-стюшко-Валюжинича... и болѣе молодыми на полѣ браны: Вас. Ал. Городцова, Хвойко, Ляскоронскаго и многими другими дана намъ возможность распределенія могильниковъ необъятной земли Русской между народностями, искони ея заселяющими.

Помяловскій, Латышевъ, Срезневскій, архим. Амфилохій, Соболевскій, Усовъ, Елпид. Вас. Барсовъ, Матв. Ив. Соколовъ, Мих. Нестор. Сперанскій, Лавровъ, Истринъ, Вячес. Ник. Щепкинъ — и кромѣ нихъ цѣлая плеяда работаетъ надъ палеографическими памятниками.

Филимоновъ, Кирпичниковъ, Ник. Павл. Кондаковъ, Рѣдинъ, Айналовъ, Трутовскій, Орѣшниковъ и многіе другіе занимаются описаніемъ русскихъ памятниковъ искусства и нумизматикой.

Лихачевъ, Шпилевскій, Шестаковъ, баронъ Розентъ, Европеусъ, Радловъ, Слуцкій, ѡ. И. Успенскій, ѡед. Евг. Коршъ, Всеv. ѡеод. Миллеръ, Аттая, Крымскій, Хахановъ, Кучукъ-Іоаннесовъ,—работаютъ надъ памят-

никами востока, не говоря уже о Мих. Вас. Никольскомъ, предъ трудами котораго преклоняются ученые Европы.

Архитектурными памятниками Россіи занялись Ал. Протог. Поповъ, Потаповъ, Артлебенъ, Султановъ, Сусловъ, Павлиновъ, Горностаевъ, Покрышкинъ, не считая тѣхъ неутомимыхъ тружениковъ на полѣ борьбы по сохраненію памятниковъ, которые, состоя членами нашей Комиссіи по ихъ сохраненію, несутъ съ кончины графа тяжелую обузу ихъ защиты, какъ Ник. Вас. Никитинъ, Машковъ, Соловьевъ, Ивановъ, Курдюковъ, Мейснеръ и другіе.

Сдѣлано, какъ видите, много, но остается еще работы много, ряды же работниковъ рѣдѣютъ; молодежь не умѣеть болѣе работать, какъ старики; чувство народности и любви къ родной старинѣ также почти болѣе не существуетъ, и... въ невѣденіи того, что ожидаетъ наше дѣло въ будущемъ, я, принося еще разъ выраженіе благодарности всѣмъ... всѣмъ, удостоившимъ нынѣшнее засѣданіе своимъ присутствіемъ, не могу не закончить свое слово окликомъ русскаго сказочнаго богатыря:

„Кто въ полѣ живъ человѣкъ, отзовися!“

1885 — $\frac{30}{IV}$ — 1910

Фот. П. Павлова.

Графиня П. С. Уварова.

30 апрѣля—11 мая 1910 г.

30 апрѣля 1910 года исполнилось ровно двадцать пять лѣтъ, какъ почетный членъ Общества, графиня Прасковія Сергеевна Уварова, была избрана на трудный и отвѣтственный постъ предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 30 апрѣля 1885 года, дотолѣ съ такой славой занимавшійся въ теченіе 20 лѣтъ ея супругомъ, основателемъ и первымъ и пожизненнымъ предсѣдателемъ Общества, незабвеннымъ графомъ Алексѣемъ Сергеевичемъ Уваровымъ. Эта четверть вѣка останется въ исторіи Общества навсегда самымъ яркимъ, самымъ плодотворнымъ и дѣятельнымъ періодомъ. Такъ, за это время Комиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ, бывшая до 1885 г. въ Обществѣ единственной и полусамостоятельной, какъ неразрывно съ нимъ связанныя и засѣданіями и протоколами, выдѣлилась въ особую, самостоятельную единицу, съ особой организаціей, особымъ составомъ дѣятелей и особыми правилами и, подъ предсѣдательствомъ графини, своей настойчивой и энергичной дѣятельностью сберѣгла сотни, если не тысячи цѣннѣйшихъ памятниковъ нашего древняго церковнаго зодчества; а премія, объявленная графиней ко дню 25-ти-лѣтія со времени кончины графа, на тему о московскомъ самостоятельномъ зодчествѣ до XVIII ст., вызвала первый систематизированный трудъ по исторіи этого зодчества. Христіанскіе памятники Кавказа и древняго Херсонеса получили свою научную и обстоятельную разработку, равно какъ и церковное зодчество Украины, только благодаря графинѣ. Наконецъ, лучшій трудъ по исторіи архитектуры вообще, принадлежащий перу Огюста Шуази, увидѣлъ свѣтъ и на русскомъ языкѣ опять-таки благодаря графинѣ и ея материальной поддержкѣ.

Кромѣ переорганизаціи Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ, за то же время при Обществѣ возникли со своими особыми положеніями специальная Комиссія—Восточная, Славянская, Археографическая и Старой Москвы, что одно уже можетъ служить нагляднымъ и яркимъ показателемъ того, какъ широка, какъ всеобъемлюща въ научномъ отношеніи стала дѣятельность Общества за послѣднюю четверть вѣка. Затѣмъ на Кавказѣ, въ Тифлисѣ, основалось Отдѣление Общества, много споспѣшившее, несмотря на свою пока еще кратко-

временнную дѣятельность, научной разработкѣ древностей этого интереснѣйшаго края. Всѣ эти Комиссии и Отдѣленіе, помимо своихъ за- сѣданій, имѣютъ и свои органы, являющіеся, благодаря ихъ содержанию, цѣннымъ вкладомъ въ науку. Рядомъ съ этими изданіями за то же время были основаны особые органы для изученія древностей Восточныхъ губерній Россіи, для разработки матеріаловъ по археологіи Кавказа и для изученія памятниковъ церковнаго зодчества Украины, каковыя изданія успѣшио продолжаютъ выходить и до сихъ поръ. Была сдѣлана сверхъ того попытка издавать общедоступный и понятный для широкой публики органъ „Археологическая Извѣстія и Замѣтки“, просуществовавшій 9 лѣтъ и давшій за это время богатѣйший матеріалъ въ научномъ отношеніи. По отношенію къ Археологическимъ Съѣздамъ дѣятельность графини была не менѣе энергична, не менѣе плодотворна. 8 Съѣздовъ были созваны за это время, 9 Предварительныхъ Комитетовъ ихъ работали въ то же время неустранно, десятки мѣстныхъ Комитетовъ готовили на мѣстахъ почву для научныхъ занятій Съѣздовъ и вездѣ графиня являлась самымъ главнымъ, самымъ неутомимымъ, самымъ энергичнымъ дѣятелемъ, предсѣдовательствуя на большинствѣ Съѣздовъ, на всѣхъ Предварительныхъ Комитетахъ, организуя мѣстные и своимъ примѣромъ заражая другихъ и благотворно дѣйствуя на участниковъ и дѣятелей Съѣздовъ. Обширные, полные богатѣйшаго и цѣннѣйшаго научнаго матеріала „Труды“ не только этихъ 8 Съѣздовъ и ихъ Комитетовъ, но и одного изъ предшествовавшихъ, именно V-го, Тифлисскаго Съѣзда, обязаны своимъ содержаніемъ и появлениемъ въ свѣтѣ исключительно графинѣ. Не была забыта графикой и матеріальная сторона всѣхъ научныхъ предпріятій Общества. Не говоря уже о многочисленныхъ собственныхъ жертвахъ на это дѣло графини, Общество обязано всецѣло своему предсѣдателю и укрѣпленіемъ его ежегодной субсидіи въ 5,000 руб. и установленіемъ ежегодной же субсидіи и того же размѣра на Съѣзы и получениемъ крупныхъ суммъ сперва Высочайше дарованныхъ, а потомъ отпускаемыхъ изъ средствъ Государственного Казначейства на изданіе „Матеріаловъ“ по археологіи Кавказа и Восточныхъ губерній, равно какъ и пожертвованіями и Высочайшихъ особъ и частныхъ лицъ на издательскія нужды Общества. Изданія Общества за эти двадцать пять лѣтъ значительно расширились и частью обновились и всего Обществомъ было издано съ 1885 по 1911 годъ: „Древностей“ 13 тт. въ 22 вып., „Археологич. Извѣстій и Замѣтокъ“ (1893—1901) — 9 тт., „Трудовъ“ Комиссіи по сохраненіи древнихъ памятниковъ — 3 т., Восточной Комиссіи — 3 т. въ 8 вып., Славянской Комиссіи — 4 т. въ 5 вып., Археографической Комиссіи — 2 т. въ 5 вып., Кавказскаго Отдѣленія — 2 т., „Древностей Украины“ — 1 т., „Матеріаловъ по археологіи Кавказа“ — 12 вып., „Матеріаловъ“ по восточнымъ губерніямъ — 3 т., „Трудовъ“ Съѣздовъ и ихъ Предварительныхъ Комитетовъ — 25 томовъ, всего же 77 тт. въ 95 вып. Независимо отъ сего, графиня лично выпустила рядъ цѣннѣйшихъ изданій, какъ собственныхъ произведеній, такъ и другихъ, а именно: „Византійскій альбомъ“ 1 вып. съ

атласомъ, „Описаніе славяно-русскихъ рукописей гр.-А. С. Уварова“, 4 т. (сост. арх. Леонидомъ), „Путевые замѣтки о Кавказѣ“ — 3 т., „Каталогъ ризницы Спасо-Преображенского монастыря“ — 1 т., „Описаніе актовъ собранія гр. А. С. Уварова“ — 1 т. (Н. И. Кононова), „Каталогъ собранія древностей гр. А. С. Уварова“ — 4 т. (1 т. А. В. Орѣшникова, 3 т. графини), „Памятники христіанского Херсонеса“ — 2 т. (Д. В. Айналова и Шестакова), „Исторія архитектуры О. Шуази“ — 2 т. (пер. Н. С. Курдюкова), „Мелкія и неизданныя статьи гр. А. С. Уварова“ — 3 т., не говоря уже о многочисленныхъ докладахъ графини въ засѣданіяхъ Общества, всегда полныхъ глубокаго научнаго значенія и интереса. Наконецъ, за тотъ же періодъ Обществу удалось осуществить одну изъ своихъ давнишнихъ и важныхъ задачъ,—открыть памятникъ нашему первопечатнику діакону Ивану Феодорову. Успѣхъ этого памятника, и художественный и моральный, превзошелъ ожиданія Общества и, какъ одно изъ послѣдствій его, явился призывъ къ Обществу со стороны москвичей, къ составу Общества не принадлежащихъ, о принятіи имъ на себя постановки памятника великимъ духовнымъ дѣятелямъ Смутнаго Времени—патріарху Гермогену и его сподвижникамъ, что нынѣ и осуществляется Обществомъ. Если къ этому прибавить еще вопросъ о разработкѣ Обществомъ проекта закона объ охраненіи древнихъ памятниковъ всякаго типа въ Россіи, объ учрежденіи въ память своего незабвеннаго основателя гр. А. С. Уварова золотой медали, объ устройствѣ Ростовскаго Музея церковныхъ древностей и такового же въ Угличѣ, то дѣятельность графини за 25 лѣтъ ея предсѣдательства въ Обществѣ достаточно будетъ очерчена въ ея главныхъ чертахъ.

Глубоко цѣня эту дѣятельность своего предсѣдателя и преклоняясь передъ величественной фигурой графини какъ ученаго, такъ и какъ человѣка, Императорское Московское Археологическое Общество стремилось достойнѣйшимъ образомъ отпраздновать день 30 апрѣля 1910 года. Къ сожалѣнію, графиня, по свойственней ей нелюбви къ офиціальными чествованіямъ ея, уклонилась отъ такового и на этотъ разъ и потому чествование состоялось экспромтомъ 11 мая 1910 г., когда было назначено простое распорядительное засѣданіе Общества. Засѣданіе это состоялось подъ предсѣдательствомъ графини и въ присутствіи гг. членовъ Общества—проф. Д. Н. Анучина, Н. Н. Ардашева, М. О. Аттая, С. К. Богоявленскаго, И. Н. Бороздина, проф. Р. Ф. Брандта, В. А. Городцова, Э. В. Готье, Ю. В. Готье, А. Д. Григорьева, Л. Д. Григорьевой-Воронцовой, проф. И. М. Громогласова, А. М. Гуржіенко, Б. И. Дунаева, З. И. Иванова, Д. И. Иловайскаго, С. Н. Кологривова, Н. Н. Кононова, акад. Ф. Е. Корша, о. И. И. Кузнецова, С. К. Кузнецова, Н. С. Курдюкова, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, И. П. Машкова, Н. В. Никитина, А. В. Орѣшникова, проф. А. П. Павлова, В. А. Попова, В. Ф. Ржига, И. В. Рыльскаго, Л. М. Савелова, А. Н. Соловьевы, С. У. Соловьевы, А. И. Станкевича, И. Я. Стеллецкаго, Д. П. Сухова, И. М. Тарабрина, гр. К. А. Хрептовичъ-Бутенева, А. С. Хаханова, проф. И. В. Цвѣтаева, Н. П. Чулкова, В. В. Шеймана, В. Н. Щепкина, кн. Н. С. Щербатова, С. Д. Щербака, Н. А. Янчука и секретаря Общества В. К. Трутовскаго.

По открытии заседания председателемъ, секретарь В. К. Трутовской обратился къ графинѣ съ просьбой отъ имени всего Общества принять поздравленія и привѣтствія, полученные со всѣхъ концовъ земли русской, и затѣмъ прочелъ Высочайшую телеграмму Державнаго Покровителя Общества и телеграммы, присланныя Высочайшими Особами. Затѣмъ товарищъ председателя Д. Н. Анучинъ, во главѣ всего Общества, прочиталъ адресъ отъ Общества, за коимъ послѣдовало чтеніе особыми депутатіями адресовъ отъ различныхъ ученыхъ учрежденій и въ заключеніе секретаремъ прочитаны были привѣтствія, письма и телеграммы отдѣльныхъ лицъ, привѣтствовавшихъ славную четвертьвѣковую дѣятельность графини. Всѣ эти телеграммы, адреса, привѣтствія и письма напечатаны ниже. Здѣсь же надо отмѣтить, что Общество, ко дню юбилея графини, единогласно постановило: а) избрать ее пожизненнымъ председателемъ, подобно тому, какъ раньше былъ избранъ такимъ же председателемъ основатель и первый председатель Общества, покойный супругъ графини гр. А. С. Уваровъ, б) учредить на Съѣздахъ фондъ имени графини съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ его, каждые три года, на очередномъ Съѣздѣ, присуждались поощрительные преміи молодымъ ученымъ — работникамъ на поприщѣ изученія русской археологіи, причемъ первое присужденіе должно состояться на XVI Съѣздѣ, въ 1914 г., совпадающемъ съ 50-лѣтіемъ Общества, и в) повѣсить въ залѣ заседаній Общества портретъ графини въ pendant къ портрету гр. А. С. Уварова. Затѣмъ Московскій, Киевскій и Новороссійскій Университеты, Императорская Академія Художествъ, Лазаревскій Институтъ Восточныхъ языковъ и Финское Археологическое Общество избрали графиню въ число своихъ Почетныхъ членовъ.

Вечеръ закончился любезно предложенной радушной хозяйкой товарищеской трапезой, за которой въ безчисленныхъ рѣчахъ отмѣчены были разнообразнѣйшія стороны дѣятельности графини какъ председателя, ученаго и человѣка, а графиня въ теплыхъ словахъ благодарила всѣхъ за поздравленія и привѣтствія, поднимая не разъ тосты за своихъ сотрудниковъ и за процвѣтаніе Общества и его задачъ.

I. ВЫСОЧАЙШИЯ ТЕЛЕГРАММЫ.

Отъ Его Императорского Величества Государя
Императора.

Въ день празднованія 25-ти-лѣтія вашей плодотворной дѣятельности въ качествѣ предсѣдательницы Археологического Общества примите, графиня, Мое сердечное поздравление и пожеланія здоровья и силъ для дальнѣйшихъ работъ по изученію нашей родной старины.

НИКОЛАЙ.

Отъ Е. И. Высочества Великой Княгини
Елисаветы Феодоровны.

Въ знаменательный день исполнившагося 25-ти-лѣтія вашего предсѣдательства въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ съ какимъ бы искреннимъ удовольствиемъ Мой Мужъ выразилъ бы вамъ, дорогая графиня Прасковья Сергеевна, Свое глубокое къ вамъ уваженіе, такъ какъ всегда цѣнилъ вашу плодотворную просвѣщенную дѣятельность. Примите же за Него и отъ Меня сердечный привѣтъ; дай Богъ, чтобы родная археология процвѣтала еще многіе годы подъ вашимъ руководствомъ, храня дорогіе завѣты основателя Общества, незабвенного графа Алексея Сергеевича.

ЕЛИСАВЕТА.

Отъ Императорской Академіи Наукъ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ Академія Наукъ горячо привѣтствуетъ своего почетнаго члена къ двадцатипятилѣтію плодотворной дѣятельности по изученію родной старины и шлетъ искреннія пожеланія, пусть продолжится эта дѣятельность долгіе годы на пользу Россіи и науки.

Президентъ КОНСТАНТИНЪ.

Отъ Императорской Академіи Художествъ.

Высоко цѣнѧ ваши плодотворные труды и желая выразить вамъ свое глубокое уваженіе за славную дѣятельность въ области археологии, ввѣренная мнѣ ИМПЕРАТОРСКАЯ Академія Художествъ приноситъ вамъ сердечныя поздравленія по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія предсѣдательства вашего въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и постановляеть избрать васъ въ Почетные Члены ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Художествъ. Прошу васъ также принять Мои личныя поздравленія и наилучшія пожеланія.

Президентъ МАРІЯ.

Отъ Императорского Русского Археологического Общества.

Въ день двадцатипятилѣтія предсѣдательствованія вашего въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Археологическое Общество, озираясь на многочисленные труды ваши въ области археологии Россіи, шлетъ вашему сіятельству искреннія поздравленія и пожеланія дальнѣйшихъ успѣховъ на пользу родной науки и Россіи.

Предсѣдатель КОНСТАНТИНЪ.

Помощникъ предсѣдателя графъ Иванъ Толстой.

Секретарь Борисъ Фармаковскій.

II. АДРЕССА, ПОДНЕСЕННЫЕ ДЕПУТАЦІЯМИ.

Отъ Императорскаго Московскаго Археологи- ческаго Общества.

Глубокоуважаемая графиня

Прасковья Сергеевна!

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ Императорское Московское Археологическое Общество понесло тяжелую утрату: скончался его основатель и безсмѣнныи предсѣдатель, графъ Алексѣй Сергеевичъ Уваровъ. Удрученному потерей Обществу предстояло решить трудный вопросъ о лицѣ, которое могло бы замѣстить покойнаго, продолжить его дѣло, дать дальнѣйшее развитіе оставленнымъ имъ завѣтамъ. Колебанія Общества были непродолжительны; оно остановилось на мысли, что наиболѣшимъ замѣстителемъ графа могли быть только Вы, графиня, постоянная и ближайшая сотрудница покойнаго въ его общественно-научной дѣятельности. Общество предложило Вамъ занять постъ Вашего покойнаго супруга и Вы, искренно сочувствуя задачамъ Общества, изъявили согласіе принять на себя сложныя и многотрудныя обязанности его предсѣдателя. Въ засѣданіи Общества 30-го апрѣля 1885 года Вы высказали пожеланіе, чтобы о Васъ сохранилась память, какъ о „послужилицѣ“ Общества, по выражению, встрѣченному Вами на одной древней пеленѣ XVI-го вѣка, хранящейся въ Вашемъ музеѣ.

Съ тѣхъ порь прошло двадцать пять лѣтъ, и теперь, окидывая мысленнымъ взоромъ этотъ періодъ времени, можно съ полнымъ правомъ сказать, что высказанное Вами пожеланіе осуществилось въ полной мѣрѣ. Вы были настолько ревностной „послужилицей“ Общества, что имя Ваше займетъ надолго первое мѣсто въ ряду его дѣятелей. Благодаря Вашей неутомимой энергіи, Вашему беззавѣтному служенію археологіи, Вашей удивительной работоспособности, Вы дали новый импульсъ научной жизни Общества, которая за послѣднія двадцать пять лѣтъ во всѣхъ направленіяхъ расширилась и существенно углубилась. Рядомъ съ продолженіемъ прежней, традиціонной, дѣятельности Общества, объ интенсивности которой за истекшія двадцать

пять лѣтъ свидѣтельствуютъ протоколы многихъ сотенъ его засѣданій и вышедшіе 13 томовъ (въ 22 выпускахъ) „Древностей“, въ средѣ нашого Общества возникла спеціализація археологическихъ изученій въ видѣ учрежденныхъ при Обществѣ особыхъ Комиссій. При Вашей неизмѣнной поддержкѣ стали дѣйствовать Комиссіи: по древностямъ восточнымъ (давшимъ матеріалъ для 3 томовъ въ 8 выпускахъ), — по древностямъ славянскимъ (4 тома въ 5 выпускахъ), — по древностямъ археографическимъ (2 тома въ 5 выпускахъ) и Комиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ (3 тома); послѣдняя Комиссія, выдѣлившись изъ Общества въ особую организацію подъ Вашимъ предсѣдательствомъ, особенно много Вамъ обязана, какъ привлечениемъ къ ея трудамъ многихъ энергичныхъ и преданныхъ ея задачамъ работниковъ, такъ и достигнутыми ею результатами по изученію и охранѣ множества памятниковъ нашего стариинаго искусства. Продолжая начинанія покойнаго графа и вполнѣ сознавая значеніе древностей нашихъ окраинъ, Вы выдѣлили также въ предметы особаго изученія древности Кавказа и восточныхъ губерній, привлекли къ этому изученію компетентныхъ лицъ, изыскали необходимыя средства, внесли въ это дѣло собственную крупную, духовную и матеріальную лепту, — и въ резулѣтѣ мы имѣемъ рядъ цѣнныхъ изданій — 12 томовъ по кавказскимъ древностямъ, 2 выпуска трудовъ Кавказскаго Отдѣленія Общества, возникшаго также по Вашей инициативѣ, и 3 тома по древностямъ восточныхъ губерній. Въ теченіе девяти лѣтъ Обществомъ издавались также „Археологическія Извѣстія и Замѣтки“, служившія дополненіемъ къ другимъ его изданіямъ. Вы осуществили, наконецъ, давно задуманное Обществомъ дѣло постановки памятника московскому первопечатнику Ивану Федорову, а въ послѣднее время основали при Обществѣ новую Комиссію — по изученію старой Москвы.

Много трудовъ и заботъ было положено Вами на дѣло организаціи русскихъ археологическихъ съѣздовъ. Послѣ того, какъ при жизни графа А. С. Уварова Съѣзды обошли Москву, Петербургъ, Кіевъ, Казань, Тифлісъ и Одессу, они состоялись, въ періодѣ Вашего предсѣдательства въ Обществѣ, — въ Ярославлѣ, Москвѣ, Вильнѣ, Ригѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ, Черниговѣ, и притомъ, благодаря Вашей неутомимой энергії, неизмѣнно черезъ три года. На каждомъ Съѣздѣ Вы не только занимали предсѣдательскій постъ, но и были наиболѣе дѣятельною организующею, одушевляющею силою. Вы исходатайствовали въ пользу Съѣздовъ крупную правительственную субсидію и тѣмъ поставили дѣло у устройства ихъ на болѣе прочную почву, какъ относительно ихъ подготовкѣ, такъ и изданія ихъ „Трудовъ“. Вы умѣли заинтересовывать въ успѣхѣ Съѣздовъ мѣстное общество, умѣли привлекать къ ихъ устройству дѣятельныхъ сотрудниковъ, организовывать мѣстныя силы, вызывать притокъ средствъ, причемъ не отказывались и отъ черной работы по перепискѣ, устройству выставокъ, корректурѣ изданій и т. п. Плодомъ этой обширной, многосторонней и многотрудной Вашей дѣятельности являются 20 томовъ „Трудовъ“ Съѣздовъ, не считая 5 томовъ съ предварительными по нимъ данными и матеріалами.

Направляя дѣятельность Московскаго Археологическаго Общества и объединяя труды русскихъ археологовъ путемъ періодическихъ съѣздовъ, Вы служили и непосредственно дѣлу познанія древностей, какъ производствомъ собственныхъ изысканій, такъ и изданиемъ цѣнныхъ трудовъ и матеріаловъ. Вы путешествовали неоднократно по Кавказу, собирали много свѣдѣній объ его древностяхъ и описали эти поѣздки въ трехъ выпускахъ Вашихъ путевыхъ Записокъ, а самая древности (первобытныя и христіанскія) — въ обширныхъ и роскошныхъ монографіяхъ, составившихъ три тома „Матеріаловъ по археологіи Кавказа“. Вами изданы описанія ризницы Ярославскаго Спасо-Преображенскаго монастыря, древностей Херсонеса, которыя, вообще, весьма обязаны Вамъ систематическимъ ихъ изслѣдованіемъ, многихъ коллекцій Вашего музея, каталогъ рукописей Вашего книгохранилища (описанныхъ арх. Леонидомъ въ 4 т.), Византійскій альбомъ, три тома трудовъ графа Алексея Сергеевича Уварова, переводъ сочиненія Шуази по исторіи архитектуры въ 2 т., описание актовъ собранія графа. Вы не жалѣли для осуществленія Вашихъ научныхъ предпріятій ни силъ, ни времени, ни матеріальныхъ средствъ, и, по прошествіи двадцати пяти лѣтъ неустанной дѣятельности, Вы сохраняете тотъ же высокій интересъ къ наукѣ, ту же энергию въ служеніи задачамъ нашего Общества, то же неослабное рвение въ работѣ на пользу и славу русской археологіи.

Преклоняясь предъ Вашей двадцатипятилѣтней плодотворной дѣятельностью, Императорское Московское Археологическое Общество приноситъ Вамъ въ нынѣшній знаменательный день выраженіе искреннѣйшихъ чувствъ своей признательности за все сдѣланное Вами на поприщѣ служенія Обществу и русской наукѣ. За двадцать пять лѣтъ Общество настолько сбылось съ Вашимъ руководствомъ, что считаетъ Васъ неизмѣннымъ своимъ главою и единодушно просить Васъ принять на себя званіе по жизни и на го его предсѣдателя. Объединяясь въ чувствѣ сердечной Вамъ преданности, Общество приноситъ Вамъ наилучшія пожеланія силъ и здоровья, чтобы Вы сохранили на многіе и многіе годы ту же бодрость духа и неуклонную энергию, съ которыми останется навсегда связаннымъ Вашъ духовный образъ, какъ передовой „послужилицы“ нашего Общества и всей русской науки о древностяхъ.

30 апрѣля 1910 г.

Д. Анучинъ.
Всев. Миллеръ.
И. Цвѣтаевъ.
Д. Иловайскій.
Кн. Н. Щербатовъ.
Романъ Брандтъ.
Ап. Васнецовъ.
Бор. Дунаевъ.

А. Крымскій.
Х. Кучукъ-Іоаннесовъ.
Леонидъ Савеловъ.
І. Линдеマンъ.
Ѳ. Коршъ.
М. Аттая.
А. Новицкій.
И. Громогласовъ.

<i>В. Поповъ.</i>	<i>В. Городцовъ.</i>
<i>Фр. Баллодъ.</i>	<i>Иванъ Тарабринъ.</i>
<i>А. Хахановъ.</i>	<i>Николай Кононовъ.</i>
<i>С. Богоявленскій.</i>	<i>А. П. Павловъ.</i>
<i>Игн. Степлецкій.</i>	<i>И. Бороздинъ.</i>
<i>А. Покровскій.</i>	<i>Н. Чулковъ.</i>
<i>С. Щербакъ.</i>	<i>Н. В. Никитинъ.</i>
<i>А. Григорьевъ.</i>	<i>В. Шейманъ.</i>
<i>Л. Д. Григорьева.</i>	<i>С. Кологризовъ.</i>
<i>В. Поповъ.</i>	<i>А. Оршинниковъ.</i>
<i>Александръ Соловьевъ.</i>	<i>Д. Сухоюзъ.</i>
<i>Михаилъ Сперанскій.</i>	<i>С. К. Кузнеццовъ.</i>
<i>Вяч. Ржига.</i>	<i>Н. А. Янчукъ.</i>
<i>Протоіерей Иоаннъ Кузнеццовъ.</i>	<i>И. Рыльскій.</i>
<i>С. Черторогова.</i>	<i>А. Гуржієнко.</i>
<i>Александръ Карникевъ.</i>	<i>А. Курдюковъ.</i>
<i>В. Вульфиусъ.</i>	<i>Графъ Хрептовичъ-Бутеневъ.</i>
<i>М. Савичъ.</i>	<i>В. Щепкинъ.</i>
<i>Дм. Цвѣтасевъ.</i>	<i>З. Ивановъ.</i>
<i>В. Сторожевъ.</i>	<i>И. Машковъ.</i>
<i>В. Трутовскій.</i>	<i>Н. Ардашевъ.</i>
<i>Э. Гомье.</i>	<i>С. Соловьевъ.</i>
<i>Ю. Гомье.</i>	

Отъ Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Ваше Сіательство

графиня Прасковья Сергеевна!

Двадцать пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Комиссія по Сохраненію Древнихъ Памятниковъ работаетъ подъ Вашимъ просвѣщеннымъ руководительствомъ, какъ ея предсѣдателя. Въ этотъ знаменательный день невольно вспоминается тотъ огромный трудъ, та неустанная энергія, которой полна Ваша дѣятельность въ Комиссіи за истекшую четверть вѣка, при существовавшихъ условіяхъ, крайне неблагопріятныхъ для дѣла охраны памятниковъ нашей родной старины при враждебномъ отношеніи большинства заинтересованныхъ учрежденій и лицъ къ этой дѣятельности Императорскаго Археологическаго Общества и состоящей при немъ Комиссіи по Сохраненію Древнихъ Памятниковъ.

Нужна была та огромная любовь къ дѣлу, настойчивость въ достижениіи намѣченной цѣли и тотъ большой личный трудъ, который

Вы, графиня, исполнили за истекшее время и исполнили этот тяжелый трудъ съ великою честію и пользою для науки и искусства.

Состоящая подъ Вашимъ предсѣдательствомъ Комиссія по Сохраненію Древнихъ Памятниковъ привѣтствуетъ Васъ, графиня, въ этотъ памятный день и выражаетъ Вамъ чувство глубокаго уваженія за Вашу столь плодотворную дѣятельность.

Товарищъ предсѣдателя Комиссіи по Сохраненію Древнихъ Памятниковъ *Н. Никитинъ*.

Члены Комиссіи:	<i>И. Рильскій.</i>	<i>О. Горностаевъ.</i>
	<i>Анг. Гуржиенко.</i>	<i>Н. Курдюковъ.</i>
	<i>В. Поповъ.</i>	<i>С. Соловьевъ.</i>
	<i>З. Ивановъ.</i>	<i>А. Мейснеръ.</i>
	<i>В. Шейманъ.</i>	<i>Д. Суховъ.</i>
	<i>В. Трутовскій.</i>	

Секретарь Комиссіи *И. Машковъ*.

Отъ Комиссіи по изученію Старой Москвы Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Жизнь рѣдкой красоты, жизнь, посвященная безкорыстному служению на благо родины и наполненная непрерывнымъ кипучимъ трудомъ, покровительство и широкая матеріальная помощь всякаго рода начинаніямъ въ области науки и искусства, строгое слѣдованіе своимъ убѣжденіямъ,—вотъ что встаетъ передъ нами, глубокоуважаемая графиня Прасковья Сергѣевна, въ этотъ знаменательный день, когда мы чествуемъ двадцатипятилѣтіе Вашего предсѣдательствованія въ Императорскомъ Московскому Археологическому Обществу.

И съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ, столь обширная дѣятельность все болѣе развивается и является намъ живой примѣръ того самоотверженного служенія въ дѣлѣ изученія прошлаго нашей родины, что всегда составляло одинъ изъ благороднѣйшихъ завѣтовъ въ семье графовъ Уваровыхъ, представители которой, будемъ надѣяться, никогда не порвутъ своей кровной связи съ дѣломъ отечественной археологии.

Несокрушимая энергія, громадный опытъ и научный авторитетъ невольно привлекали взоры всѣхъ нась именно къ Вамъ, глубокоуважаемая графиня, когда едва лишь возникла мысль объ образованіи Комиссіи по изученію Старой Москвы.

Первые же шаги Комиссіи, въ которой Вы сплотили вокругъ себя любителей и изыскателей московской старины, показало, что наше

общее дѣло теперь находится въ вѣрныхъ и любящихъ рукахъ, что дѣло изученія всего наслѣдія древней столицы получить планомѣрный и сосредоточенный характеръ.

Какая гордость для нась, младшихъ членовъ археологической семьи, имѣть Васъ своимъ предсѣдателемъ и, радостно привѣтствуя Васъ въ этотъ торжественный день Вашего юбилея, мы надѣемся, что и впредь на долгіе годы будемъ счастливы видѣть Васъ во главѣ нашего дѣла.

<i>Н. Ардашевъ.</i>	<i>В. Бодиско.</i>
<i>М. Степанова.</i>	<i>И. Бондаренко.</i>
<i>А. Соболева.</i>	<i>Н. Курдюковъ.</i>
<i>В. Шейманъ.</i>	<i>Н. Соболевъ.</i>
<i>Графъ Хрептовичъ-Бутеневъ.</i>	<i>И. Стеллецкий.</i>
<i>А. Ивановъ-Терентьевъ.</i>	<i>І. Линдеманъ.</i>
<i>Кн. С. А. Щербатова.</i>	<i>С. Щербаковъ.</i>
<i>В. Трутовскій.</i>	<i>Э. Готье.</i>
<i>Кн. М. Щербатова.</i>	<i>Л. Савеловъ.</i>
<i>И. Бороздинъ.</i>	

Отъ Археографической Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологического Общества

Глубокоуважаемая
графиня Прасковья Сергеевна!

Понимая археологію въ широкомъ смыслѣ слова, Вы ~~д~~ лѣтъ назадъ въ предсѣдательствуюемомъ Вами Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ призвали къ жизни новую Комиссію, Археографическую, чѣмъ дали возможность ревнителямъ этой области археологіи отдаваться болѣе детальной работѣ въ тѣсномъ кругу специалистовъ.

Иногда вновь начатому дѣлу приходилось переживать трудныя времена. Вы личнымъ своимъ авторитетомъ и волею поддерживали Комиссію, всегда вѣря въ будущность ея при наличии нашихъ архивныхъ богатствъ.

Съ глубокой благодарностью вспоминая о Вашей дѣятельности и вмѣстѣ желая блестящаго продолженія ея на пользу русской археологии, мы сердечно привѣтствуемъ Васъ въ знаменательный день ~~д~~ лѣтняго руководительства Вашего Императорскаго Московскаго Археологическаго Обществомъ.

Предсѣдатель Археографической Комиссіи *Леонидъ Савеловъ.*
Товарищъ Предсѣдателя *Н. Ардашевъ.*

Члены Комиссій:

Д. Иловайскій.	С. Щербакъ.
В. Трутовскій.	С. К. Кузнецовъ.
Н. Чулковъ.	Ю. Готье.
С. Шамбинаго.	А. Хахановъ.
С. Соколовъ.	А. Орпинниковъ.
В. Алексеевъ.	И. Стеллецкий.
В. Сторожевъ.	Л. Григорьева.
Н. Бѣляевъ.	С. Кологривовъ.
В. Шереметевскій.	С. Богоявленскій.
Н. Марковъ.	Н. Совѣтовъ.
И. Катаевъ.	

Секретарь Комиссіи *И. Бороздинъ.*

Отъ Кавказскаго Отдѣленія Императорскаго
Московскаго Археологическаго Общества.

Ваше Сіятельство
Глубокоуважаемая графиня
Прасковія Серг'євна!

Принимая дѣятельное участіе въ археологическихъ экспедиціяхъ Вашего супруга, графа Алексея Сергеевича Уварова, и производя вмѣстѣ съ нимъ раскопки, Вы прошли строгую школу археологической науки, и, ставъ затѣмъ во главѣ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, съ честью уже 25 лѣтъ несете званіе его предсѣдателя. Благодаря Вашей кипучей дѣятельности, необыкновенной энергіи и научнымъ трудамъ, Московское Археологическое Общество занимаетъ почетное мѣсто среди другихъ ученыхъ обществъ. Научная Ваша дѣятельность охватываетъ всѣ части необъятной Россіи, но съ особеною любовью Вы отдавали себя изслѣдованию нашего Кавказа—этой неисчерпаемой сокровищницы забытковъ сѣй старины. Кавказъ сталъ излюбленнымъ Вашимъ дѣтищемъ; Кавказу посвящены лучшіе труды Вапши, и нѣть уголка на Кавказѣ, куда бы вы не заглянули пытливымъ своимъ взоромъ; Вы сроднились съ прошлымъ и настоящимъ Кавказа; Вы достойно оцѣнили и полюбили древнюю его культуру. Благодаря Вашимъ научнымъ трудамъ, получили освѣщеніе и сдѣлались достояніемъ науки первоклассные христіанскіе памятники Кавказа и археологическіе предметы, добытыя путемъ раскопокъ. Наконецъ, Вашимъ содѣйствіемъ вызвано къ жизни Кавказское От-

дѣленіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, члены котораго, празднуя нынѣ 25-лѣтіе предсѣдательства Вашего въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, считаютъ нравственнымъ своимъ долгомъ принести Вашему Сіятельству изъявленіе глубочайшей своей признательности за все то, что Вами сдѣлано на пользу русской науки и, въ частности, для изученія кавказской старины, вмѣстѣ съ сердечными желаніями дальнѣйшей плодотворной дѣятельности на благо родной науки.

Предсѣдатель Кавказскаго Отдѣленія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества *Л. Лопатинский*.

Секретарь Кавказскаго Отдѣленія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества *Е. Такайшвили*.

Казначей Отдѣленія *Р. Г. Шмидтъ*.

Окружный Инспекторь Кавказскаго Учебнаго Округа *С. Ларіоновъ*.

" " " " " *A. Словинскій*.

Директоръ народныхъ училищъ Эриванской губерніи *Ѳ. Смирновъ*. Членъ Московскаго Археол. Общества *М. Г. Джанашвили*.

Статскій совѣтникъ *Антонъ Иванович Натроевъ*.

Членъ Московскаго Археологич. Общества *І. Ир. Абуладзе*.

Членъ Кавказскаго Отдѣленія Московскаго Имп. Археологическаго Общества *Смбатъ Тер-Аветисіянъ*.

Настоятель Марткобскаго Спасскаго собора, священникъ *Поліевктъ Григорьевичъ Карбеновъ*.

Членъ Кавказскаго Отдѣленія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества *Давидъ Георгіевичъ Каrichашвили*.

Членъ Кавказскаго Отдѣленія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества *Сергѣй Романовичъ Горгадзе*.

Членъ Совѣта намѣстника Его Величества на Кавказѣ *Е. Вейденбаумъ*.

Отъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея.

Глубокоуважаемая графиня

Прасковья Сергеевна!

Императорскій Россійскій Историческій Музей имени Императора Александра III двадцать лѣтъ тому назадъ почелъ особой для себя честью избрать Васъ первымъ своимъ почетнымъ членомъ; нынѣ на его долю выпала новая высокая честь

привѣтствовать Васъ съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ Вашего предсѣдательства въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ.

Эта славная пора дѣятельности Общества останется незабвенной и въ лѣтописи Музея; въ это именно время состоялось знаменательное постановленіе Общества передать въ Музей на пользу наукъ богатое собраніе древностей — плоды неутомимыхъ трудовъ дѣятелей Общества.

Ваше просвѣщенное руководительство на всероссійскихъ археологическихъ съѣздахъ, Ваше ревностное охраненіе памятниковъ родной старины—давно поставили высоко Ваше имя въ исторіи русской археологии. Историческій Музей счастливъ, что первый подъ Вашимъ предсѣдательствомъ съѣздъ состоялся въ его стѣнахъ; Историческій Музей съ глубокой признательностью къ Вамъ долженъ отмѣтить, что, благодаря исключительно Вашей энергіи, спасены и хранятся въ его залахъ многіе памятники дорогой старины, важные по историческому и художественному ихъ значенію. Таковая Ваша плодотворная дѣятельность Историческому Музею тѣмъ болѣе дорога, что она является блестящимъ продолженіемъ трудовъ незабвенного Вашего супруга, графа Алексѣя Сергѣевича, по проникновенной мысли котораго основанъ и устроенъ Музей.

Искренне и душевно желаетъ Вамъ Историческій Музей здоровья и силъ на долгіе и долгіе годы дальнѣйшаго Вашего служенія русской наукѣ

Кн. Щербатовъ.

П. Щукинъ.

А. Орловниковъ.

В. Щепкинъ.

А. Станкевичъ.

Е. Кориш.

В. Городцовъ.

Иванъ Тарабринъ.

Н. Кононовъ.

Мая 11 дня
1910 г.

Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Ваше Сіятельство,

Глубокоуважаемая графиня

Прасковья Сергѣевна!

Сегодня исполняется 25 лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда Императорское Московское Археологическое Общество избрало Васъ своимъ предсѣдателемъ. Еще при жизни незабвенного графа Алексѣя Сергѣевича Вы были его ближайшимъ сотрудникомъ, раздѣляя его интересы, труды

и заботы; будучи же призваны замѣнить его, — Вы въ продолженіе четверти вѣка сдѣлали все, чтобы неутомимымъ трудомъ и достойной благоговѣнія энергией осуществить славные планы предшественника своего.

Исключительная по своему значенію работы Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, организація археологическихъ съездовъ и изданіе ихъ трудовъ, Ваши изслѣдованія Кавказа, обнародованіе сочиненій покойнаго графа и описаній его коллекцій, заботы Ваши о сохраненіи памятниковъ старины — все эти звенья въ длинной цѣпи Вашей неутомимой и плодотворной дѣятельности заставляютъ семью русскихъ археологовъ съ глубокой благодарностью привѣтствовать Васъ въ день настоящаго Вашего юбилея.

Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей, присоединяясь къ единодушному хору этихъ привѣтствій, шлетъ Вамъ,—своему почетному члену, — наилучшія пожеланія силь и здоровья для дальнѣйшей работы на благо русской археологии и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщають Васъ о своемъ единогласномъ постановлѣніи украсить Музей Общества портретомъ Вашимъ себѣ къ великой чести и грядущимъ поколѣніямъ въ наизданіе.

Предсѣдатель Совѣта Э. фонъ-Штернъ.

Секретарь проф. М. Попруженко.

Отъ Киевскаго Исторического Общества Нестора Лѣтописца.

Ваше Сіятельство

Глубокоуважаемая графиня

Прасковья Сергѣевна!

Историческое Общество Нестора Лѣтописца сердечно присоединяется къ чествованію истекшаго 25-ти-лѣтія Вашего славнаго служенія на высокомъ посту предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Послѣ тяжкой утраты, нанесенной русской наукѣ кончиной незабвенного графа Уварова, Вы приняли на себя руководство созданнаго имъ научнаго движенія и съ удивительной энергией и особенномъ умѣньемъ повели его дальше. Въ теченіе 25 лѣтъ Вы служите центромъ бодрой научной работы, которая проявилась въ цѣломъ рядѣ археологическихъ съездовъ, будившихъ интересъ къ изученію далекаго прошлаго нашего отечества на всемъ просторѣ русской земли.

Продолжая начатое графомъ Уваровымъ дѣло изслѣдованія Кавказа, Вы извлекли изъ безвѣтности множество древнихъ памятниковъ

этого непочатаго края, и, какъ результатъ Вашего личнаго изслѣдованія, оказалась въ обладаніи русской науки цѣлая серія фоліантовъ по изученію старины Кавказа. Подъ Вашимъ воздействиемъ и при Вашемъ участіи возникъ на Кавказѣ Отдѣлъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, чтобы сотрудничать съ Вами на мѣстѣ.

Продолжая непрерывно разработку памятниковъ древности Кавказа, Вы находили время для обработки каталога „Собранія Древностей“ графа Уварова, изданія его трудовъ и, въ память 50-лѣтія его первого крупнаго открытия въ Херсонесѣ, вызвали цѣлую серію новыхъ научныхъ работъ по изслѣдованію давнихъ судебъ Черноморскаго побережья, этой первой арены ученой дѣятельности графа Уварова.

Ваша дивная энергія, Вашъ огромный научный авторитетъ, Ваша самоотверженная преданность идеалу знанія и науки поддерживаютъ вокругъ Васъ единеніе русскаго общества на почвѣ интереса къ прошлому нашей земли и служатъ великому дѣлу развитія русскаго народнаго самоуправленія. Въ почтительномъ признаніи Вашихъ заслугъ, Историческое Общество Нестора Лѣтописца шлетъ Вамъ въ этотъ торжественный день свое сердечное привѣтствіе и пожеланіе сохранить свои силы на долгіе годы для плодотворной работы на благо горячо любимой родины.

Предсѣдатель проф. Ю. Кулаковскій.

Секретарь проф. А. Лобода.

Отъ Московскаго Историко-Родословнаго Общества.

Глубокоуважаемая графиня

Прасковья Сергеевна!

Въ славный день Вашего юбилея Московское Историко-Родословное Общество, считающее за великую честь имѣть Васъ своимъ почетнымъ членомъ, привѣтствуетъ Васъ и сердечно поздравляетъ. Не здѣсь, не въ этомъ краткомъ адресѣ возможно оцѣнить Вашу многостороннюю и многообразную дѣятельность, но нельзя лишній разъ не склониться глубоко предъ основной идеей, которая всегда озаряла многотрудный путь Вашихъ работъ и заботъ. Беззавѣтная горячая любовь къ родной старины, рыцарская преданность доблестнымъ историческимъ завѣтамъ—вотъ то славное знамя, которое рѣтъ надъ Вами и собирается всѣхъ вокругъ Васъ. Какъ древнерусскій богатырь—символъ историческихъ устоевъ нашей родины, Вы зорко и стойко оберегаете древніе памятники—эти вѣшне безгласные, но много говорящіе свидѣтели былыхъ дѣлъ и дней, и не-

устанно побуждаете изучать ихъ и работать надъ ними. И когда казалось, что наступаетъ затишье, ослабѣваетъ энергія или оскудѣваютъ ряды привычныхъ работниковъ, то тотчасъ раздавался богатырскій окликъ: „Эй, кто въ полѣ живъ есть человѣкъ, озовися!“ И на авторитетный и властный кличъ признаннаго вождя шли новые кадры дружинниковъ, и не ослабѣвала рать любителей древности. Ваши собственныя работы и Вашъ личный примѣръ, глубокоуважаемая графиня, всегда побуждали и будутъ побуждать къ активной, научной работѣ. И наше Общество, ограничивающее свои задачи изучениемъ специального отдѣла отечественныхъ древностей, высоко цѣнить Ваше личное культурное вліяніе и Ваше авторитетное руководство, объединяющее изслѣдователей родной старины.

Предсѣдатель Общества *Леонидъ Савеловъ*.

Товарищъ Предсѣдателя *Вл. Смольяниновъ*.

<i>Кн. Одоевский-Масловъ.</i>	<i>Ал. Лопухинъ.</i>
<i>В. Трутовскій.</i>	<i>Полуэктовъ.</i>
<i>Дмитрий Гофштеттеръ.</i>	<i>Н. Савелова.</i>
<i>Сергій Кологривовъ.</i>	<i>Л. Хоменко.</i>
<i>Ф. Степановъ.</i>	<i>М. Степанова.</i>
<i>А. Золотаревъ.</i>	<i>Викторъ Чернопятовъ.</i>
<i>В. Пожвистневъ.</i>	<i>Д. Иловайскій.</i>
<i>И. Бородинъ.</i>	<i>Н. Чулковъ.</i>
<i>Л. Сухотинъ.</i>	<i>В. Чернопятовъ.</i>
<i>Е. Сташевскій.</i>	<i>С. К. Кузнецовъ.</i>
<i>Л. Кологривова.</i>	<i>Кн. Н. Щербатовъ.</i>
<i>К. Истоминъ.</i>	<i>С. Щербаковъ.</i>
<i>А. Филипповъ.</i>	<i>В. Р. Апухтинъ.</i>

30 апрѣля 1910 г.

Отъ проф. Р. Гаусмана.

Aufrichtigen Glückwunsch.

Hausmann.

Отъ Общества Исторіи и Древностей
Прибалтійского края.

Hochgeehrte Frau Gräfin. An dem Tage, an dem sich 25 Jahre Ihrer umfassenden Wirksamkeit an der Spitze der Kaiserlichen Moskauer Archäologischen Gesellschaft vollenden, Ew. Erlaucht zu beglückwünschen gereicht der Gesellschaft für Geschichte und Altertums

kunde der Ostseeprovinzen Russlands in Riga zu besonderer Ehre und Freude. Für die Archäologie Russlands bedeutet Ihre wissenschaftliche Arbeit, Ihr organisatorischer Einflus eine neue Epoche der Entwicklung, den archäologischen Funden Russlands aber gebührt ein hervorragender Platz in der Archäologie des gesamten Europa. Indem die Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde das Wirken Ew. Erlaucht mit dem gesamten Reich verehrt bittet sie zugleich dem Gefühl des Dankes Ausdruck geben zu dürfen für das volle Verständnis und nachhaltige Förderung der Bestrebungen unserer Gesellschaft.

Im Namen der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde: Praesident *Busch*. Für den Sekretair: *K. von Löwis of Menar*.

Отъ Финляндского Археологического Общества.

Madame! La Société Finlandaise d'Archéologie, qui fut fondée en 1870 pour favoriser par les moyens dont dispose l'Archéologie comparative, l'étude de la Finlande et de l'antiquité de ces tribus finno—ougriennes, qui étaient répandues dans une époque préhistorique sur une vaste partie de la Russie septentrionale, vous prie d'agrérer son diplôme d'honneur, à l'occasion du jubilé célébré, le 30 avril 1910 pour vous, madame la Comtesse, sous la direction énergique et sympathique de laquelle l'archéologie russe a si longtemps avancé sans cesse, d'un pas vigoureux, de foyer en foyer, à travers les immenses champs d'investigation de l'Empire.

Pour la Société Finlandaise d'Archéologie *Illhami Rinns*.

Дипломъ.

La Société Finlandaise d'Archéologie
reconnaissant avec gratitude l'importance de l'activité déployée
dans le domaine de l'Archéologie
par

Madame la Comtesse P. S. Uvarova

a l'honneur de la nommer par la présente
son

Membre d'honneur.

Pour la Société Finlandaise d'Archéologie:

J. R. Aspelin.
Président.

Illhami Rinns.
Secrétaire.

Отъ Киевской Археографической Комиссіи.

Ея Сіятельству, предсѣдателю Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, граfinѣ Прасковьї Сергѣевнѣ Уваровой. Киевская Археографическая Комиссія считаетъ своимъ долгомъ присоединиться къ тѣмъ многочисленнымъ привѣтствіямъ, которыя, несомнѣнно, будутъ предъявлены въ этотъ знаменательный праздникъ не только Вашей личной дѣятельности, но и самой исторической наукѣ, столь много Вамъ обязанной.

Предсѣдатель *В. Иконниковъ*.

Главный редакторъ *Буяновъ*.

Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскому университѣтѣ.

Милостивая государыня, графиня Прасковья Сергеевна. Четверть вѣка Вы несли знамя строгой историко-археологической науки, поднятое въ Москвѣ незабвеннымъ Вашимъ супругомъ, графомъ Алексѣемъ Сергеевичемъ Уваровымъ. Ваше глубочайшее проникновеніе идеей археологии, Ваша энергія въ разнообразномъ служеніи ей, успѣхи и доблесть Вашего ученаго подвига, даютъ Вамъ право на широкое общественное уваженіе и благодарное вниманіе въ настоящій знаменательный для Васъ день. Вы сами лично, не щадя своихъ средствъ, трудились въ той археологической области, которая раздвигаетъ грани русской исторіи. Ревнуя о сохраненіи уцѣлѣвшихъ историческихъ памятниковъ, не смотря на всѣ препятствія, Вы не мало послужили поддержанію и развитію общественного національного самосознанія. Организуя всероссійские археологические съезды и покровительствуя областнымъ музеямъ, Вы широко разносili историко-археологической интересъ и прививали его къ молодымъ поколѣніямъ.

Высоко цѣня Вашу ученую дѣятельность, въ теченіе цѣлой четверти вѣка, родное Вамъ по задачамъ, но старѣйшее по лѣтамъ Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ единодушно привѣтствуетъ Васъ съ знаменательнымъ днемъ и желаетъ Вамъ крѣпости и силъ на дальнѣйшее плодотворное служеніе русской историко-археологической наукѣ.

Предсѣдатель Общества генералъ-отъ-инфантеріи *Глазовъ*.

Секретарь *М. Любавский*.

Отъ Центрального Архива древнихъ актовъ при университетѣ св. Владимира.

Ваше Сіятельство, глубокоуважаемая Прасковья Сергѣевна! Центральный Архивъ для древнихъ актовыхъ книгъ при Императорскомъ университѣтѣ св. Владимира, высоко цѣня горячія заботы Вашего Сіятельства о лучшей постановкѣ архивнаго дѣла въ Россіи и Ваше просвѣщенное содѣйствіе къ изученію и обсужденію этого дѣла на русскихъ археологическихъ съѣздахъ, пользуется слукаемъ выразить за такія заботы и содѣйствіе Вашему Сіятельству свою глубокую и искреннюю признательность, принести почтительнѣйшее поздравленіе по случаю исполняющагося 30-го сего апрѣля двадцатипятилѣтія предсѣдательствованія Вашего Сіятельства въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и отъ всей души пожелать Вамъ здоровья на долгіе годы, для пользы русской археографіи и археологии. Примите, Ваше Сіятельство, увѣреніе въ глубокомъ почтеніи и полной готовности нижеподписавшихся служить подъ Вашимъ просвѣщенными руководствомъ развитію и усовершенствованію всѣмъ намъ близкой родной археографіи.

Завѣдывающій Архивомъ *И. Каманинъ.*

Помощникъ завѣдывающаго Архивомъ *Ев. Диаковский.*

Помощникъ завѣдывающаго Архивомъ *В. Абрамовичъ.*

Архивистки: *А. Витвицкая. М. Козловская.*

Секретарь Архива *И. Тарнопольский.*

Отъ Таврической Ученой Архивной Комиссіи.

Ваше Сіятельство, глубокочтимая графиня Прасковья Сергѣевна! Въ знаменательный день двадцатипятилѣтія дѣятельности Вашего Сіятельства въ званіи предсѣдателя Императорского Московского Археологического Общества, Таврическая Ученая Архивная Комиссія имѣть честь принести Вамъ и свое почтительное привѣтствіе. Продолжая труды незабвенного для русской археологіи графа Алексѣя Сергеевича Уварова, Ваше Сіятельство съ неослабной энергіей четверть вѣка несли подвигъ изслѣдованія русскихъ древностей и заботы о сохраненіи древнихъ памятниковъ на всемъ пространствѣ земли русской отъ Вильны и Холма до Урала и отъ Архангельска до Херсонеса и Закавказья. Своими учеными трудами, своимъ неустаннымъ печалованіемъ объ охранѣ памятниковъ древности, руководствомъ столь плодотворной дѣятельности Императорского Московского Археологического

Общества, организацией всероссийскихъ археологическихъ съездовъ, къ участію въ которыхъ Вы любовно привлекали скромныя провинциальныя силы, Ваше Сіятельство принесли неоцѣнимыя заслуги русской археологической наукѣ, создали себѣ вѣчный памятникъ, заслужили глубокую призательность родины. Привѣтствуя Ваше Сіятельство въ этотъ свѣтлый день въ Вашей жизни и въ жизни русского общества, Таврическая Ученая Архивная Комиссія выражаетъ Вамъ искреннее пожеланіе съ тою же энергией еще многіе, многіе годы нести тотъ высокопатріотическій подвигъ, которому Вы посвятили свои силы во славу родной науки.

Предсѣдатель Комиссіи *Арсеній Маркевичъ.*

Правитель дѣлъ *Ів. Ерофеевъ.*

Отъ Тамбовской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Ея Сіятельству, графинѣ Прасковѣ Сергѣевнѣ Уваровой, г. почетному члену Тамбовской Ученой Архивной Комиссіи. Тамбовская Ученая Архивная Комиссія имѣть честь привѣтствовать Васъ, какъ своего почетнаго члена, съ двадцатипятилѣтіемъ, 30-го сего апрѣля, предсѣдательства въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и выражаетъ чувство своего глубокаго почитанія неутомимой и плодотворной научной дѣятельности Вашего Сіятельства: име-немъ графини Уваровой по справедливости будеть всегда гордиться Россія.

Происходя по рождению отъ потомковъ Рюрика и избравъ себѣ въ спутники жизни незабвенного для науки археолога и ученаго, Ваше Сіятельство сумѣли счастливо соединить знатность рода съ наиблѣгодороднѣйшей дѣятельностью человѣческаго ума и своей блестящей научной преемственностью продолжить знаменитую плеяду ученыхъ графовъ Уваровыхъ.

Тамбовская Ученая Архивная Комиссія выражаетъ свое самое горячее сердечное пожеланіе Вамъ, глубокоуважаемая графиня Параскева Сергѣевна, сильь, здоровья и энергіи для пользы и славы русской науки.

Предсѣдатель Комиссіи *Ал. Норцовъ.*

Правитель дѣлъ *В. Коноблевскій.*

Отъ Историко-филологического Общества при институтѣ кн. Безбородко.

Ея Сіятельству графинѣ Прасковії Сергѣевнѣ Уваровой. Нѣжин-
ское Историко-филологическое Общество при институтѣ кн. Безбородко
высоко уважая Вашу научную дѣятельность, одушевляемую любовью
къ родной старинѣ, къ ея жизненнымъ завѣтамъ для настоящаго и бу-
дущаго, выражаетъ Вамъ почтительнѣйшее привѣтствіе съ пожела-
ніемъ много лѣть здравствовать и продолжать Вашу службу наукѣ
во главѣ Археологического Общества.

Предсѣдатель Общества проф. *П. Тихомировъ.*

Тов. секретаря *Н. Шарко.*

Отъ С.-Петербургской Духовной Академіи.

Ваше Сіятельство,

Милостивая Государыня

графиня Парасковія Сергѣевна!

Двадцать пять лѣть тому назадъ Вы стали во главѣ Император-
скаго Московскаго Археологическаго Общества и вмѣстѣ съ тѣмъ при-
няли на себя тяжелое и животворное бремя веденія Археологиче-
скихъ Съѣздовъ, учрежденыхъ и поставленыхъ на вѣрный путь незаб-
веннымъ графомъ Алексѣемъ Сергиевичемъ Уваровымъ. Обнимая мы-
сленнымъ взоромъ пройденное Вами трудовое двадцатипятилѣтие Ва-
шей ученой и организаторской дѣятельности, С.-Петербургская
Духовная Академія имѣеть нарочитый поводъ отмѣтить своимъ
ближайшимъ участіемъ Вашъ настоящій праздникъ, какъ праздникъ
археологіи. Уже на первомъ Археологическомъ Съѣздѣ, организован-
номъ въ Москвѣ графомъ А. С. Уваровымъ, поставленъ былъ на оче-
редь и разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ крупный принципіаль-
ный вопросъ о введеніи археологіи христіанскаго искусства во кругъ
предметовъ академического преподаванія. Авторитетное слово Съѣзда
перешло въ дѣло, и христіанская археологія уже болѣе 35 лѣть куль-
тивируется не безъ успѣха въ нашей Академіи. Вы всегда зорко слѣ-
дили за этимъ дѣломъ и оказывали ему Ваше постоянное и властное
содѣйствіе по ученому изданію памятниковъ церковной старины и
старина эта дѣйствительно занимаетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ
прекрасно изданныхъ Вами трудахъ Археологическихъ Съѣздовъ.

Независимо отъ того, Вы сами лично, благодаря счастливымъ особенностямъ Вашего духовнаго настроенія, съ особеннымъ интересомъ не мало потрудились въ дѣлѣ изслѣдованія памятниковъ церковной старины, и Ваше имя неразрывно связано съ памятниками Кавказа, Москвы, Ярославля и многочисленными группами памятниковъ Вашего музея, собранныхъ граffомъ А. С. Уваровымъ.

Слава и честь самоотверженной, безкорыстной и неутомимой труженицѣ на благодарной нивѣ отечественной старины!

И. о. ректора академіи проф. *Ів. Троицкій*.

И. о. инспектора академіи профессоръ *І. Соколовъ*.

Заслуженный ординарный профессоръ *Н. Покровскій*.

Заслуженный ординарный профессоръ *А. Пономаревъ*.

Заслуженный профессоръ *А. Садовъ*.

Заслуженный профессоръ протоіерей *С.* (не разобрано).

Заслуженный профессоръ *І. Пальмовъ*.

Профессоръ *П. Жуковъ*.

Профессоръ *П. Смирновъ*.

Профессоръ протоіерей *М. Орловъ*.

Экстраординарный проф. протоіерей *А. Рождественскій*.

Экстраординарный проф. *А. Брилліантовъ*.

Экстраординарный проф. Академіи *Дмитрій Миртовъ*.

Экстраординарный проф. *І. Соколовъ*.

Экстраординарный проф. *Николай Сагарда*.

Экстраординарный профессоръ *Петръ Лепарскій*.

Ординарный профессоръ *Александъръ Бронзовъ*.

Ординарный профессоръ, членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ *Николай Глубоковскій*.

Почетный членъ Академіи, докторъ русской исторіи, профессоръ *Дмитрій Цвѣтаевъ*.

Секретарь Совѣта и Правленія Академіи *Александъръ Высокоостровскій*.

**Отъ Московскаго Румянцевскаго и Публичнаго
Музеевъ.**

Глубокоуважаемая графиня

Прасковія Сергѣевна.

Въ знаменательный день двадцать пятой годовщины служенія Вашего Императорскому Московскому Археологическому Обществу въ качествѣ его предсѣдателя Московскій Публичный и Румянцевскій Музей приносятъ Вамъ, своему глубокочтимому по-

четному члену, искреннѣйшее поздравленіе и горячія пожеланія долгой и неутомимой дѣятельности.

Директоръ Музеевъ профессоръ *И. Цвѣтаевъ.*

Библіотекарь *Ю. Гомье.*

Хранитель *Григорій Георгіевскій.*

Хранитель *Н. Янчукъ.*

Хранитель *С. Долговъ.*

Секретарь Музеевъ *Конк. Стратонитскій.*

Отъ Императорскаго С.-Петербургскаго Археологическаго Института.

Ваше Сіятельство,

Милостивая Государыня

графиня Парасковія Серг'євна.

Высокое и отвѣтственное дѣло служенія русской наукѣ, завѣщанное незабвеннымъ графомъ Алексѣемъ Сергеевичемъ Уваровымъ, Вы ведете уже 25 лѣтъ. Ваша неутомимая энергія, Ваша всецѣлая само-отверженная преданность дѣлу, несокрушимая сила воли принесли уже свои плоды. Руководимое Вами Императорское Московское Археологическое Общество расширило свою ученую дѣятельность, Археологические Съѣзды вызвали живой интерес къ археологии въ просвѣщенныхъ кругахъ русского общества и обогатили науку цѣнными учеными вкладами. Ваши изслѣдованія древностей Кавказа, по широтѣ ихъ задачъ, представляютъ неисчерпаемый источникъ археологическихъ знаній.

Императорскій Археологическій Институтъ, привѣтствуя Ваше Сіятельство въ настоящій знаменательный день Вашей жизни, искренно желаетъ продолженія Вашей многоплодной дѣятельности „на многая лѣта“.

Директоръ Императорскаго Археологическаго Института
профессоръ *Н. Покровскій.*

Грибовскій.

Вл. Майковъ.

Николай Лихачевъ.

С. Гольдштейновъ.

А. Вороновъ.

Н. Веселовскій.

С. Середонинъ.

Почетный членъ Института *А. Гавриловъ.*

Почетный членъ и членъ Правленія Института *Павелъ Яковлевъ.*

Секретарь Института *С. Розановъ.*

**Отъ Совѣта Лазаревскаго Института
восточныхъ языковъ.**

Ея Сіятельству
графинѣ Параковѣ Сергеевнѣ Уваровой,
Почетному члену Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ.

По случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія Вашего славнаго служенія русской археологической наукѣ въ званіи предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества Совѣтъ профессоровъ Лазаревскаго Института приносить Вамъ самыя искреннія поздравленія. Всѣ мы высоко цѣнимъ Ваши научныя симпатіи къ изученію Востока, выразившіяся въ содѣйствіи основанію Восточной Комиссіи Московскаго Археологическаго Общества, въ которой Вы лично состоите товарищемъ предсѣдателя. Въ работахъ этой Комиссіи принимали въ теченіе многихъ лѣтъ участіе почти всѣ профессора, преподаватели и многіе студенты Лазаревскаго Института, что является прочнымъ звеномъ, связующимъ интересы обоихъ научныхъ учрежденій. Высоко цѣнить Совѣтъ и Ваши личные ученые труды по изслѣдованію древностей Кавказа, столь тѣсно связанныхъ съ древней культурой Востока.

Примите же, высокоуважаемая графиня, въ этотъ знаменательный день отъ Совѣта Лазаревскаго Института усерднѣйшія желанія здоровья и силъ для успѣшнаго продолженія Вашей неутомимой научной дѣятельности, которую высоко цѣнить вся просвѣщенная Россія.

Директоръ проф. *Вс. Миллеръ.*

Инспекторъ *И. Тандовъ.*

*A. Веселовский.
A. Крымский.
M. Аттая.
A. Хахановъ.*

*Влад. Гордлевский.
Ф. Кориш.
М. Гаффаровъ.*

30 апрѣля 1910 г.

**Отъ Ростовскаго Музея Церковныхъ
Древностей.**

Ваше Сіятельство,
графиня Практовія Сергеевна!

Ростовскій Музей Церковныхъ Древностей возникъ и развивался при живѣйшемъ сочувствіи и поддержкѣ незабвенного основателя историко-археологической науки въ Россіи — графа Алексея Сергеевича Уварова, — а потому для Московскаго Археологиче-

скаго Общества Ростовскій Музей есть учрежденіе, родное по преимуществу.

Вы, многоуважаемая графиня, въ теченіе цѣлой четверти вѣка высоко держите знамя созданной имть строгой науки въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и, какъ вѣрная преемница его духа и завѣтovъ, никогда не оставляли безъ вниманія и Ростовскій Музей. Вы сердечно откликались на всѣ его нужды; Вы никогда не отказывали ему въ Вашихъ совѣтахъ и охотно разрѣшали всѣ его недоумѣнія; и словомъ и дѣломъ Вы поддерживали и его силы, и его начинанія. Быль моментъ, когда грозила опасность самостоятельному существованію Музея и его внутренней связи съ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, но Вы въ 1902 году нарочно прибыли въ Ростовъ, чтобы убѣдиться въ его развитіи и успѣшной дѣятельности, и своей энергией и могутъмъ вліяніемъ отстояли независимость его бытія и навсегда укрѣпили его историческую связь съ Археологическимъ Обществомъ.

Движимые чувствомъ глубочайшей благодарности и уваженія, въ настоящій знаменательный для Васъ день, мы отъ имени Музея приносимъ Вамъ икону Димитрія, митрополита Ростовскаго, да своими молитвами великой святителъ-археологъ—умножитъ дни Ваші на благо и процвѣтаніе русской историко-археологической науки!

Ан. Титовъ.

Иванъ Шляковъ.

Отъ Полтавской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Ваше Сиятельство,

Глубокочтимая Прасковья Сергеевна!

Къ сонму привѣтствій, вызванныхъ чествованіемъ 25-лѣтія Вашего предсѣдательства въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, съ выраженіемъ глубокаго почитанія Вашей изумительно плодотворной дѣятельности по изученію древностей русскихъ земель, Полтавская Ученая Архивная Комиссія присоединяетъ и свой голосъ.

Этой дѣятельностью, наполнившей всю Вашу жизнь, Вы внесли огромный, неоцѣнимый вкладъ въ русскую археологическую науку и вмѣсть съ тѣмъ возбудили къ дѣятельности живое сознаніе обширныхъ круговъ русского общества.

Прояснившія общественное сознаніе работы 8-ми археологическихъ съѣздовъ, организованныхъ Вами въ историческихъ центрахъ русского отечества и протекавшихъ при руководящемъ и бдительномъ Вашемъ участіи, являются одной изъ самыхъ выдающихся Вашихъ заслугъ. Возбуждая этимъ путемъ иниціативу на мѣстахъ по изученію

проплago, входивших въ составъ древней Руси малыхъ территорій, Вы вызвали къ существованію рядъ мѣстныхъ обществъ и музеевъ для изученія и храненія предметовъ родной старины, дѣятельность каковыхъ организацій неминуемо ведеть къ повышенню культурныхъ интересовъ русскаго общества и къ проясненію національнаго самосознанія.

Ваша дѣятельность, направленная какъ на непосредственное Ваше личное изученіе русскихъ древностей, такъ и на организованное содѣйствіе такимъ изученіямъ путемъ археологическихъ раскопокъ и эксперсій, равно какъ и Ваша дѣятельность по изданію вдохновленныхъ Вами трудовъ,—вся эта огромная богатырская работа послужить незыблемъ основаніемъ для дальнѣйшихъ работъ въ области древнерусскихъ изученій и имя Ваше на Руси во вѣки будетъ славнымъ.

За предсѣдателя товарищъ предсѣдателя *Мальцевъ*.

Правитель дѣлъ *Н. Павловскій*.

30 апрѣля 1910 г.
гор. Полтава.

Отъ Оренбургской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Ваше Сіятельство
глубокоуважаемая графиня
Прасковія Сергѣевна!

На границѣ Европы и Азіи, на томъ когда-то торномъ пути, по которому двигались народы изъ далекихъ степей въ предѣлы нынѣшней Россіи и дальше на западъ, раскинулась обширная Киргизская степь. Появляется теперь въ ней русскій поселенецъ, лѣнивѣе передвигается со своею кибиткой и стадомъ киргизъ, перерѣзаль ее уже и желѣзный путь и гулко раздается по степи тяжелые вздохи паровоза и веселая болтовня вагоновъ... Но это не повсюду. Вдали степь дремлетъ въ ожиданіи, вспоминая свою былую славу. Говорять объ этомъ безчисленные памятники сѣй старины, щедрой рукой разсѣянные по степи: курганы, каменные бабы, остатки разрушенныхъ, засыпанныхъ пескомъ и стертыхъ съ лица земли городовъ; они тихо, но внятно призываютъ къ себѣ изслѣдователя-археолога, чтобы подъ его опытной твердой рукою вновь увидѣть свѣтъ и заговорить, если не въ быломъ величіи, то о быломъ величіи. Но... доля далекой степи не радостна—никто не єдетъ туда, боясь пути далекаго, трудовъ и лишеній. Въ то время, когда южно-русская степь изслѣдована, юго-восточной еще придется ждать (дай Богъ, чтобы не долго) своего изслѣдователя. Скромную долю въ этомъ дѣлѣ принялa на себя и Оренбургская Ученая Архивная Комиссія,

по мѣрѣ силъ стараясь выполнить эту задачу. Но всѣмъ извѣстна печальная доля Архивныхъ Комиссій: мало работниковъ, недостатокъ средствъ, отсутствіе нужной опытности и книжки, изъ которой можно было бы научиться. Хорошо все это извѣстно и Вамъ, графиня!

Но Оренбургская Ученая Архивная Комиссія съ гордостью можетъ заявить, что она находится въ лучшемъ положеніи — у нея, правда, нѣтъ средствъ, чтобы организовать экспедицію въ степь, но желающій найдетъ подборъ книгъ по древностямъ и археологіи, и въ этомъ немалая вина графини Уваровой. Вы, графиня, постоянно такъ отзывчивы къ нуждамъ нашей Комиссіи, съ такой любезностью исполняете всякую ея просьбу, щедро присылая изданія покойнаго графа, Ваші и Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Оренбургская Ученая Архивная Комиссія счастлива, что, привѣтствуя въ день 25-лѣтнаго юбилея предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, она имѣетъ право привѣтствовать въ его лицѣ и своего почетнаго члена. Примите же, графиня, отъ насъ, благодарныхъ членовъ Комиссіи, въ знаменательный день Вашего юбилея наше поздравленіе изъ далекаго Оренбурга, съ границы Европы и Азіи, искренняя пожеланія здоровья, силъ и долгихъ дней на пользу родной намъ археологіи и науки. Дай Богъ, чтобы еще много лѣтъ процвѣтало подъ Вашимъ предсѣдательствомъ Императорское Московское Археологическое Общество, а Оренбургская Комиссія пользовалась рѣдкой добротой своего почетнаго члена — графини Прасковіи Сергѣевны Уваровой.

<i>Ноповъ.</i>	<i>Генералъ-маиръ Лобовъ.</i>
<i>Генералъ-Маиръ Пузановъ.</i>	<i>Генералъ-маиръ Честровскій.</i>
<i>I. Костанье.</i>	<i>Протоіерей Мих. Божуновъ.</i>
<i>Свящ. В. Евфаріцкій.</i>	<i>Миллеръ.</i>
<i>K. Безинъ.</i>	<i>H. Бутовскій.</i>
<i>П. Незнамовъ.</i>	<i>I. Яковлевъ.</i>
<i>L. Курашковъ.</i>	<i>B. Трутовскій.</i>
<i>A. Гри.</i>	<i>B. Струковъ.</i>
<i>Антипинъ.</i>	<i>За Куйзерга I. Житомирскій</i>
<i>Леонидъ Савеловъ.</i>	<i>кандид. юрид. наукъ. (и еще 7 подпись, кот. не разобраны).</i>

Отъ Черниговскаго Епархіального Древлехра- нилища.

Церковно-Археологическая Комиссія при Черниговскомъ Епархіальномъ Древлехранилищѣ, привѣтствуя 25-лѣтие Вашего предсѣдательства въ самомъ солидномъ въ Россіи Археологическомъ Московскомъ Обществѣ и высоко цѣня Вашу любовь къ родной старинѣ,

почтительнѣйше просить Ваше Сіятельство не отказать принять на себя званіе почетнаго члена Черниговскаго Епархіального Древле-хранилища.

Предсѣдатель Комиссіи ректоръ Семинаріи протоіерей *Александръ Четыркинъ*.

Завѣдующій Древлехранилищемъ *В. Дровдловъ*.

Отъ Педагогического Музея.

Ваше Сіятельство, глубокоуважаемая Прасковья Сергеевна!

Педагогический Музей, поставившій своею цѣлью проводить въ русскую школу науку и новые методы преподаванія, опираясь на принципъ нагляднаго обученія, обильно черпаль для педагогическихъ нуждъ изъ того громаднаго историческаго и археологическаго матеріала, въ который Вы внесли цѣнныій вкладъ неустанною плодотворною полузвѣковою дѣятельностью. Привѣтствуя въ Вашемъ лицѣ преданную служительницу науки, Педагогический Музей выражаетъ свое горячее по-желаніе видѣть Васъ во главѣ энергичной работы еще долгіе, долгіе годы на благо дорогой Вамъ родины и просвѣщенія.

Предсѣдатель *Тарасовъ*.

Секретарь *П. Никольский*.

III. АДРЕССА, ПРИСЛАННЫЕ ПО ПОЧТѦ, И ТЕЛЕГРАММЫ УЧРЕЖДЕНИЙ.

Отъ Императорского Россійского Исторического Музея.

Россійскій Историческій Музей счастливъ привѣтствовать Ваше Сіятельство въ сегодняшній знаменательный день хотя телеграммой и, вспоминая съ искренней глубокой благодарностью содѣянное Вами на благо Музея за истекшую четверть вѣка неутомимой дѣятельности Вашей, какъ предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества, выражаетъ сердечнѣйшяя пожеланія Вамъ доброго здоровья и силъ на продолженіе безпримѣрной и плодотворной дѣятельности на долгіе годы.

Товарищъ Предсѣдателя князь Щербатовъ.

Отъ Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ Московскаго Археологическаго Общества.

Комиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ приносить Вамъ, глубокоуважаемая графиня, искреннее поздравленіе въ день двадцатипятилѣтія предсѣдательствованія Вашего въ Обществѣ. Въ этотъ знаменательный день Комиссія съ гордостью вспоминаетъ, что находится подъ покровительствомъ столь просвѣщенаго, неутомимаго и энергичнаго предсѣдателя.

Никитинъ. Машковъ.

Отъ Комиссии по изученію старой Москвы Московскаго Археологического Общества.

Комиссия по изученію старой Москвы въ день двадцатипятилѣтія Вашего предсѣдательствованія въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ приносить Вамъ свое поздравленіе, съ искреннимъ желаніемъ работать подъ Вашимъ просвѣщеннымъ руководствомъ многіе и многіе годы.

По порученію сочленовъ, *графъ Хрептовичъ-Бутеневъ, Шехтель, Машковъ, Соболевъ, Бондаренко, Ардашевъ, Курдюковъ.*

Отъ Археографической Комиссии Московскаго Археологического Общества.

Археографическая Комиссия привѣтствуетъ Васъ и шлетъ пожеланія видѣть Васъ еще многіе годы во главѣ Археологического Общества.

Савеловъ, Ардашевъ, Бородинъ.

Отъ Императорскаго Университета Св. Владимира.

ИМПЕРАТОРСКІЙ Университетъ Св. Владимира имѣетъ честь увѣдомить Ваше Сіятельство объ избраніи Васъ своимъ Почетнымъ Членомъ и просить Васъ принять привѣтствія въ день чествованія двадцатипятилѣтія достославной дѣятельности.

Ректоръ *Цытовичъ.*

Отъ Императорскаго Московскаго Университета.

ИМПЕРАТОРСКІЙ Московскій Университетъ привѣтствуетъ Ваше Сіятельство съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ блестящаго служенія русской археологической наукѣ.

Ректоръ *Мануиловъ.*

Отъ историко-филологического факультета Московскаго Университета.

Историко-филологический факультетъ Московскаго Университета, исполненный глубокаго уваженія къ Вашей энергической и плодотворной дѣятельности на пользу русской науки, въ день исполнив-

шагося двадцатипятилѣтія этой дѣятельности на славномъ посту предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества, приноситъ Вамъ свое привѣтствіе и искреннее пожеланіе добраго здоровья и силъ для продолженія избраннаго Вами служенія.

Деканъ *М. Любавскій.*

Отъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

ИМПЕРАТОРСКІЙ Петербургскій Университетъ, привѣтствуя Васъ въ день 25-лѣтія Вашего предсѣдательствованія въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскому Археологическому Обществу, приноситъ Вамъ, вмѣстѣ съ наилучшими пожеланіями, дань глубокаго уваженія къ Вашей неутомимой ученой энергіи,увѣнчавшей блестящимъ успѣхомъ Вашу просвѣщенную работу на поприщѣ археологической науки.

Ректоръ *Гrimmъ.*

Отъ Императорскаго Новороссійскаго Университета.

Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО Новороссійскаго Университета, высоко цѣня заслуги Вашего Сіятельства на поприщѣ изученія русской старины, въ засѣданіи своемъ 19 мая, по представленію историко-филологического факультета, единогласно избралъ Васъ своимъ Почетнымъ Членомъ.

Ректоръ *Левашевъ.*

Отъ Императорскаго Харьковскаго Университета.

Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковскаго Университета привѣтствуетъ уважаемаго предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества, графиню Прасковью Сергѣевну Уварову, съ продолжительнымъ и плодотворнымъ ея предсѣдательствомъ въ Обществѣ. Харьковскій Университетъ, почетнымъ членомъ котораго состоитъ графиня, съ чувствомъ особой признательности вспоминаетъ теперь о выдающихся заслугахъ ея въ дѣлѣ развитія нашихъ университетскихъ музеевъ древности и этнографическаго.

Ректоръ *Д. Багалій.*

Отъ историко-филологического факультета Харьковского Университета.

Историко-филологический факультет Харьковского Университета, памятуя Ваше горячее участие въ трудахъ XII Археологического Съезда, результаты которого оказались столь важными для изученія мѣстного края и обогащенія университетскихъ коллекцій, сердечно привѣтствуетъ Васъ съ знаменательнымъ днемъ 25-лѣтія Вашего высоко-полезнаго предсѣдательства въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и желаетъ Вамъ многихъ лѣтъ здоровья и силъ на пользу русской науки.

Деканъ *Сумцовъ*.

Отъ Императорского Новороссійского Университета.

ИМПЕРАТОРСКІЙ Новороссійскій Университетъ привѣтствуетъ Васъ въ день 25-лѣтія славнаго служенія Вашего на пользу русской науки.

Ректоръ *Левашевъ*.

Отъ Императорского Юрьевского Университета.

Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевского Университета просить Васъ, глубокоуважаемая графиня Прасковья Сергеевна, принять его поздравленія съ двадцатипятилѣтіемъ Вашего, столь выдающагося, служенія дѣлу развитія русской археологии; да продлится еще многіе годы Ваша плодотворная работа во главѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Московского Археологического Общества на пользу и славу русской науки.

Ректоръ *Алексеевъ*.

Отъ Императорского Николаевского Университета.

Въ день двадцатипятилѣтія предсѣдательствованія Вашего въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО Николаевского Университета приноситъ Вамъ свое поздравленіе и пожеланіе, чтобы высоко-полезная дѣятельность Ваша продолжалась еще многіе и многіе годы.

За ректора профессоръ *Гордягинъ*.

Отъ Историко-филологического факультета Императорского Казанского Университета.

Глубокоуважаемая графиня Прасковья Сергеевна! Историко-филологический факультет ИМПЕРАТОРСКАГО Казанского Университета, глубоко чтя ваши ученыя заслуги въ области археологической науки вообще и русской археологии въ особенности, вмѣняетъ себѣ въ отрадный долгъ привѣтствовать Вась, графиня, въ день двадцатипятилѣтія Вашего предсѣдательства въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ; да продлится долго, долго Ваше просвѣщенное руководительство Обществомъ на славу и преуспѣяніе русской археологии.

Деканъ Александровъ.

Отъ Московской Духовной Академіи.

Дорого цѣнія неустанные труды Ваши, высокоуважаемая графиня, по сохраненію, реставраціи и изслѣдованію памятниковъ церковной старины, Московская Духовная Академія горячо привѣтствуетъ Вась въ день двадцатипятилѣтія предсѣдательствованія Вашего въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и молитвенно желаетъ Вамъ многихъ, многихъ лѣтъ и крѣпкихъ силъ ко благу пропаганда родной археологической науки.

Ректоръ Академіи епископъ Феодоръ.

Отъ Казанской Духовной Академіи.

Казанская Духовная Академія почтительнѣйше привѣтствуетъ Ваше Сиятельство съ 25-лѣтіемъ предсѣдательствованія въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, какъ достойную преемницу незабвенного графа Алексея Сергеевича, основателя Общества.

Ректоръ епископъ Алексей.

Отъ Лазаревского института Восточныхъ Языковъ.

Примите, глубокоуважаемая графиня, искренній привѣтъ и поздравленія отъ Лазаревского Института, какъ его почетный членъ, по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія Вашего высокополезного и неутомимаго служенія русской наукѣ и обществу.

Всеволодъ Миллеръ.

Отъ Императорской Археологической Комиссії.

ИМПЕРАТОРСКАЯ Археологическая Комиссія, въ знаменательный день двадцатипятилѣтія Вашего предсѣдательства въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, вмѣняетъ себѣ въ пріятнѣйшій долгъ выразить свое уваженіе къ плодотворной дѣятельности Вашего Сіятельства. Комиссія высоко чтитъ Ваше многолѣтнее руководительство Археологическими Съѣздами, изданіе трудовъ ихъ, изслѣдованіе древностей Кавказа, просвѣщенное покровительство начинавшихъ археологовъ и искренно желаетъ многолѣтняго продолженія Вашего служенія русской археологии по завѣтамъ незабвенного графа Алексея Сергеевича.

Предсѣдатель Комиссіи *графъ Бобрицкій.*

Отъ Императорской Археографической Комиссії.

ИМПЕРАТОРСКАЯ Археографическая Комиссія горячо привѣтствуетъ Васъ въ день двадцатипятилѣтія предсѣдательства Вашего въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и искренно желаетъ, чтобы еще многіе и многіе годы продолжалась плодотворная дѣятельность Ваша на пользу и славу русской науки.

Предсѣдатель *графъ Сергеѣ Шереметевъ.*

Членъ и правитель дѣлъ *Дружининъ.*

Отъ Управления Виленского Учебнаго Округа.

Прошу принять горячія привѣтствія отъ Управления Виленского Учебнаго Округа съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ Вашей выдающейся и плодотворной дѣятельности по археологии Россіи.

Попечитель *Левицкій.*

Отъ Императорской Публичной Библіотеки.

Высокопочитаемая графиня Прасковья Сергеевна! Примите отъ насъ, членовъ ИМПЕРАТОРСКАГО Московского Археологического Общества и отъ другихъ служащихъ въ ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотекѣ, сердечное поздравленіе и привѣтствіе. Двадцатипятилѣтнее предсѣдательство Ваше въ Археологическомъ Обществѣ составило

эпоху для русской археологии, а своею дѣятельностью, энергичною и неутомимою, полную широкихъ научныхъ интересовъ, Вы крупными буквами вписали свое имя въ исторію русской науки.

Дмитрий Кобеко, Николай Лихачевъ, Владимиръ Саитовъ.

Отъ Русского Археологического Института въ Константинополѣ.

Преклоняясь предъ громадными заслугами графини Уваровой въ организаціи съѣздовъ, изученіи Кавказа, охраненіи памятниковъ, Русскій Археологический Институтъ въ Константинополѣ горячо привѣтствуетъ своего почетнаго члена.

Успенскій.

Отъ Императорскаго Общества любителей древней письменности.

ИМПЕРАТОРСКОЕ Общество любителей древней письменности горячо привѣтствуетъ Ваше Сіятельство съ исполненiemъ двадцатипятилѣтія служенія русской наукѣ въ области археологии и шлетъ искреннее пожеланіе продолженія Вашей плодотворной ученой дѣятельности на многіе годы.

Предсѣдатель графъ Шереметевъ.

Секретарь Майковъ.

Отъ Императорскаго Московскаго Общества испытателей природы.

ИМПЕРАТОРСКОЕ Московское Общество испытателей природы привѣтствуетъ Васъ, своего почетнаго члена, съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ Вашего предсѣдательства въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Археологическомъ Обществѣ. Ваше славное служеніе въ теченіе четверти вѣка наукѣ и обществу представляеть блестящую страницу въ лѣтописи изученія прошлаго нашей родины. Мы выражаемъ Вамъ искреннее пожеланіе долголѣтней, столь же ревностной работы на преуспѣяніе дѣла, плодотворно захватившаго Ваши думы и силы.

Президентъ Умовъ.

Отъ Императорского Общества любителей естествознанія антропологіи и этнографії.

Глубокоуважаемая Прасковья Сергѣевна. ИМПЕРАТОРСКОЕ Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографії сердечно привѣтствуетъ Васъ, своего почетнаго члена, въ день двадцатипятилѣтія Вашего предсѣдательства въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, въ которомъ Вы такъ плодотворно трудились, объединяя и направляя работы его членовъ и внося много цѣннаго въ науку Вашими собственными трудами. Общество естествознанія высоко цѣнитъ Ваши заслуги по организации русскихъ археологическихъ съѣздовъ, давшихъ, благодаря Вашей изумительной энергіи, такие высокочѣнныя результаты для русской науки. Пробѣгая мысленно истекшее двадцатипятилѣтие Вашего служенія въ области археологии, Общество естествознанія выражаетъ Вамъ чувство глубочайшаго своего уваженія и просить Васъ принять сердечнѣйшее пожеланіе здоровья, духовной бодрости и неизмѣнныхъ успѣховъ на всѣхъ поприцахъ Вашего служенія обществу и науки.

Президентъ Общества профессоръ *Анучинъ*.

Секретарь Общества *Вл. Богдановъ*.

Отъ Московского Нумизматического Общества.

Московское Нумизматическое Общество почитаетъ своимъ долгомъ привѣтствовать своего глубокоуважаемаго почетнаго члена съ двадцатипятилѣтиемъ достославной дѣятельности на пользу отечественной археологіи и пожелать дальнѣйшихъ силъ и здоровья на продолженіе столь же плодотворнаго служенія наукъ.

Предсѣдатель *Трутовскій*.

Секретарь *Чижовъ*.

Отъ Императорского Русскаго Географическаго Общества.

Отъ всей души привѣтствуя Васъ глубокоуважаемая графиня Прасковья Сергѣевна, отъ имени ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества и отъ себя лично, съ исполнившимся двадцати-

пятилѣтіемъ Вашей высокополезной и энергичной плодотворной дѣятельности на научномъ поприщѣ; дай Богъ еще на многіе и многіе годы Вамъ здоровья и силъ на пользу науки и Россіи.

Вице-предсѣдатель *И. Семеновъ-Тяншанскій.*

Отъ Историко-Филологического Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ

Историко-Филологическое Общество при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Новороссійскомъ Университетѣ привѣтствуетъ Васъ по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія Вашей неутомимой дѣятельности и много-полезнаго предсѣдательства въ Обществѣ.

Предсѣдатель *Доброклонскій.*
Секретарь *Рыстенко.*

Отъ Казанского Общества археологіи, исторіи и этнографіи.

Въ знаменательный день плодотворной дѣятельности предсѣдательницы Общества графини Прасковіи Сергѣевны Уваровой Общество археологіи, исторіи и этнографіи шлетъ сердечный привѣтъ Обществу, желая ему и впредь работать на пользу науки честью и славою Россіи, предсѣдателю же его доброго здравія и благоуспішности въ наукѣ еще многіе, многіе годы.

Предсѣдатель *Катановъ.*

Отъ Финноугрского Общества.

Въ день двадцатипятилѣтія Вашей плодотворной научной дѣятельности Финноугрское Общество шлетъ Вамъ свой искренній привѣтъ и наилучшія пожеланія.

Сетяля Карьялаиненъ.

Отъ Ученаго Эстонскаго Общества.

Своему почетному и глубокоуважаемому члену къ 25-лѣтнему юбилею плодотворнѣйшей дѣятельности шлетъ искреннее привѣтствіе.

Ученое Эстонское Общество.

Отъ Харьковского Историко-Филологического Общества.

Харьковское Историко-Филологическое Общество высоко цѣнить Вашу научную дѣятельность и желаетъ Вамъ здоровья и силъ на многие годы для руководства Московскимъ Археологическимъ Обществомъ и будущими Археологическими Съѣздами.

Предсѣдатель профессоръ *Сумицовъ*.

Отъ Уральского Общества любителей естество- знанія.

Уральское Общество любителей естествознанія приносить почетному члену своему, Ея Сіятельству графинѣ Прасковѣ Сергѣевнѣ Уваровой, почтительно поздравление съ 25-лѣтіемъ предсѣдательства въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Археологическомъ Обществѣ и искреннѣйшія пожеланія еще долгіе годы держать на той же высотѣ мирное знамя науки, какъ въ этомъ Обществѣ, такъ и на Съѣздахъ, среди ревнителей сохраненія и изученія россійскихъ древностей.

Президентъ *Онисимъ Клеръ*.

Секретарь *Михѣевъ*.

Отъ Екатеринославского Научнаго Общества.

Екатеринославское Научное Общество шлетъ предсѣдательницѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологического Общества поздравление съ четверть-вѣковымъ юбилеемъ, высоко цѣня ея выдающіяся научныя заслуги въ русской археологіи.

Предсѣдатель профессоръ *Рубинъ*.

Секретарь *Шкамарда*.

Отъ Псковскаго Археологического Общества.

Псковское Археологическое Общество шлетъ свое сердечное привѣтственное поздравление высокочтимой графинѣ Прасковѣ Сергѣевнѣ и горячо желаетъ ей еще долгіе годы подвизаться во славу родной науки и быть защитницей и хранительницей нашей старины святорусской.

Предсѣдатель *графъ Адлербергъ*.

Отъ Новгородского Общества Любителей Древности.

Новгородское Общество любителей древности, имъя честь считать
Васъ среди своихъ почетныхъ членовъ, привѣтствуетъ Васъ въ се-
годняшній знаменательный для русской археологии юбилей.

Предсѣдатель *Муравьевъ.*

Отъ Новгородского Предварительного Комитета.

Новгородскій Предварительный Комитетъ, подготовляясь къ девя-
тому Археологическому Съезду, Вами осуществляемому, единогласно
постановилъ 11 апрѣля привѣтствовать Васъ въ этотъ дорогой для
русской исторической науки юбилей.

Товарищъ предсѣдателя *Муравьевъ.*

Отъ Комитета по обновленію Смоленского собора.

Привѣтствуя Ваше Сіятельство съ исполнившимся двадцатипяти-
лѣтіемъ Вашей плодотворной дѣятельности на поприщѣ укрѣпленія
въ памяти и сознаніи современниковъ и потомства святыхъ завѣтовъ
родной самобытной старины. Прошу принять отъ меня лично и отъ
Комитета по обновленію собора усердныя и искреннія пожеланія мно-
гихъ лѣтъ жизни и крѣпости силъ на благо отечественной археологии
вообще и церковной въ особенности.

Оеодосій, епископъ Смоленскій.

Отъ Петровского Общества изслѣдователей Астраханского края.

Петровское Общество изслѣдователей Астраханского края привѣт-
ствуетъ Ваше Сіятельство съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ Ва-
шей высокоплодотворной научной дѣятельности во главѣ ИМПЕРАТОР-
СКАГО Московскаго Археологическаго Общества и выражаетъ свои
искреннія пожеланія продолженія ея еще на многіе годы.

Предсѣдатель *Соболевъ.*

Отъ Калужскаго Церковнаго Историко-археологическаго Общества.

Ваше Сиятельство, милостивая государыня Прасковья Сергеевна!

Калужское Церковное Историко-археологическое Общество считает своим долгом привѣтствовать Васъ, какъ своего почетнаго члена, съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ Вашего предсѣдательства въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и въ знакъ глубокагоуваженія къ Вашей неутомимой энергіи и плодотворнымъ трудамъ по охраненію и изученію памятниковъ древности, трудамъ, особенно проявившимся въ дѣлѣ устройства археологическихъ съѣздовъ, въ дѣлѣ привлеченія къ работѣ научной выдающихся силъ и содѣйствія своимъ вліяніемъ и средствами открытію различныхъ новыхъ археологическихъ учрежденій и предпріятій и изданію различныхъ научныхъ трудовъ, осмѣливается просить Васъ принять нашъ скромный трудъ—пятый томъ „Калужской Старины“.

Почетный предсѣдатель Общества ректоръ Духовной Академіи
протоіерей Алексѣй Преображенскій.

Старшина Общества Иванъ Цвѣтковъ.

Правитель дѣлъ А. Станиславскій.

Отъ Общества Любителей Россійской Словесности.

Глубокоуважаемая графиня Прасковья Сергеевна! Вамъ угодно было уклониться отъ публичнаго чествованія двадцатипятилѣтнаго служенія Вашего русской науки; позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, въ формѣ письма привѣтствовать Васъ въ этотъ день и выразить отъ имени Общества любителей российской словесности, какъ и отъ себя лично, искреннее чувствоуваженія передъ Вашей высокополезной дѣятельностью. Позвольте пожелать Вамъ дальнѣйшей, столь же доблестной работы и пусть Московское Археологическое Общество еще долго видитъ Васъ въ своей главѣ и пользуется Вашей энергіей и знаніями во благо русской науки и просвѣщенія. Пользуюсь случаемъ, чтобы препроводить къ Вамъ изданную нашимъ Обществомъ книгу на память о Гоголевскихъ дняхъ прошлаго года.

Съ чувствомъ глубокагоуваженія и полной преданности имѣю честь быть Вашимъ покорнымъ слугой.

А. Грузинскій.

Отъ Подольского Церковнаго Историко-археологического Общества.

Подольское Церковное Историко-археологическое Общество привѣтствуетъ Ваше Сіятельство съ двадцатипятилѣтіемъ предсѣдательства и, высоко цѣня Вашу дѣятельность на пользу археологической науки, желаетъ Вамъ многихъ лѣтъ.

Протоіерей *Сѣчинскій*.

Отъ Орловского Церковнаго Историко-археологического Общества.

Орловское Церковное Историко-археологическое Общество, глубокопризнательное Вамъ за участливое къ нему отношеніе, почтительно привѣтствуетъ Ваше Сіятельство, какъ своего почетнаго члена, съ до-стославнымъ двадцатипятилѣтіемъ Вашего руководственаго служенія историко-археологическому дѣлу въ нашемъ дорогомъ отечествѣ и усердно молить Господа о продлениі на многія лѣта Вашего, глубоко-чтимая графиня, благоплоднаго исполненія великихъ завѣтовъ Вашего приснопамятнаго супруга и его достойнаго родителя, какъ равно и Вашего именитаго предка, историка князя Щербатова.

Почетный попечитель Общества *Александръ*, епископъ Орловскій.

Предсѣдатель Общества, протоіерей *Илія Ливанскій*.

Отъ Грузинского Общества исторіи и этнографіи.

Грузинское Общество исторіи и этнографіи, высоко цѣня Вашу дѣятельность и Ваши труды по изученію Кавказа и грузинскихъ древностей, съ чувствомъ глубочайшей признательности приноситъ по-здравленіе по поводу 25-лѣтія Вашего предсѣдательства въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскому Археологическому Обществу и отъ души желаетъ дальнѣйшихъ успѣховъ на излюбленномъ поприщѣ.

Предсѣдатель *Такаишвили*.

Отъ Кавказского Отдѣла Императорскаго Рус- скаго географическаго Общества.

Кавказскій Отдѣлъ ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества, привѣтствуя Ваше Сіятельство съ двадцатипятилѣтіемъ предсѣдательства Вашего въ Археологическомъ Обществѣ, желаетъ Вамъ еще много лѣтъ здравствовать и работать на пользу археологической науки.

За предсѣдательствующаго *В. Вейденбаумъ.*

Отъ Церковно-исторического и Археологическаго Общества при Киевской Духовной Академіи.

Церковно-историческое и Археологическое Общество при Киевской Духовной Академіи привѣтствуетъ своего почетнаго члена, предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества, графиню Прасковью Сергѣевну Уварову, съ двадцатипятилѣтіемъ широкой плодотворной дѣятельности на поприщѣ отечественной археологии.

Предсѣдатель Общества ректоръ Академіи епископъ *Оеодосій.*

Секретарь профессоръ *Петровъ.*

Отъ Киевскаго Общества древностей и искусствъ.

Киевское Общество древностей и искусствъ приноситъ почетному своему члену, графинѣ Прасковѣ Сергѣевнѣ Уваровой, поздравление съ юбилейнымъ торжествомъ многолѣтней плодотворной ея дѣятельности къ воскресенію родной старины и проситъ принять выраженіе высокаго уваженія и пожеланіе многихъ лѣтъ полезной работы въ будущемъ.

Предсѣдатель Общества *Ханенко.*

Отъ Общества любителей изученія Кубанской области.

Общество любителей изученія Кубанской области, поздравляя глубокоуважаемую графиню Прасковью Сергѣевну Уварову съ два-

дцатипятилѣтіемъ предсѣдательства въ Археологическомъ Обществѣ, желаетъ ей еще много лѣть поработать на пользу русской археологической науки.

Предсѣдатель *Скіданъ.*

Отъ Русского Библіографического Общества.

Состоящее при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ Русское Библіографическое Общество долгомъ своимъ считаетъ почтить горячимъ привѣтствиемъ глубокоуважаемую графиню Прасковью Сергеевну Уварову въ день двадцатипятилѣтія ея выдающейся общественно-научной дѣятельности.

Предсѣдатель Общества профессоръ *Тарасовъ.*

Отъ Императорского Русского Военно-Исторического Общества.

Счастливъ порученіемъ совѣта почтительнѣйше привѣтствовать Ваше Сіятельство отъ имени ИМПЕРАТОРСКАГО Русского Военно-Исторического Общества, дѣйствителльнымъ членомъ коего Вы изволите состоять, въ знаменательный день двадцатипятилѣтія высокихъ трудовъ Вашихъ по предсѣдательствованію въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и просить Васъ, глубокоуважаемая графиня Прасковья Сергеевна, принять выраженіе нашихъ искреннихъ благопожеланій Вамъ многихъ лѣть здоровья и силъ на продолженіе Вашихъ высоко-полезныхъ трудовъ, дорогихъ родинѣ и дѣятелямъ отечественной старины.

Дмитрій Скалонъ.

Отъ Московского Отдѣла Императорского Русского Военно-Исторического Общества.

Московский Отдѣлъ ИМПЕРАТОРСКАГО Русского Военно-Исторического Общества въ день двадцатипятилѣтняго юбилея предсѣдательства Вашего въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, считаетъ для себя особенно пріятнымъ привѣтствовать Ваше Сіятельство, какъ неутомимаго труженика на поприщѣ общественно-научной дѣятельности.

Генераль-отъ-инфanterіи *Глазовъ.*

Отъ Киевского Отдѣла Императорскаго Военно-Историческаго Общества.

Высоко цѣнныя заслуги Вашего Сіятельства, какъ предсѣдателя и представителя ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества въ дѣлѣ устройства періодическихъ археологическихъ съѣздовъ, содѣйствующихъ широкому распространенію изученія памятниковъ родной страны и мѣстныхъ древностей, Киевскій Отдѣлъ ИМПЕРАТОРСКАГО Военно-Историческаго Общества приносить Вамъ, графиня, свое привѣтствіе въ день 25-лѣтія Вашей дѣятельности, присоединяя искреннія пожеланія продолженія ея на многіе годы.

Предсѣдатель Киевскаго Отдѣла генералъ-адъютантъ *Ивановъ*.

Отъ Полтавскаго Церковнаго Комитета.

Прошу принять отъ меня и Церковнаго Комитета искреннее по-зздравленіе съ юбилеемъ; да продлить Господь Вашу славную жизнь на пользу родины и науки.

Лоаннъ, епископъ Полтавскій.

Отъ Императорскаго Палестинскаго Общества.

Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества привѣтствуетъ Ваше Сіятельство съ двадцатипятилѣтіемъ предсѣдательствованія Вашего въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, плодотворные труды коего, какъ охранителя и изслѣдователя дорогой русской старины, составляютъ выдающуюся заслугу Вашу и Вашихъ сотрудниковъ.

Вице-предсѣдатель князь *Ширинскій-Шихматовъ*.

Отъ Комитета попечительства о русской иконописи.

Комитетъ попечительства о русской иконописи, высоко цѣнныя Ваши научныя заслуги по изученію и охраненію памятниковъ родной старины, русскаго искусства и иконографії, привѣтствуетъ Васъ, Ваше

Сіятельство, въ торжественный день Вашего юбилея, горячо желая
Вамъ силь и здоровья на многіе годы.

Предсѣдатель Комитета графъ *Шереметевъ*.

Товарищъ предсѣдателя, академикъ *Кондаковъ*.

Управляющій дѣлами Комитета *Георгіевскій*.

Отъ Архитектурнаго Отдѣла Политехническаго Музея.

Архитектурный Отдѣлъ Политехническаго Музея привѣтствуетъ
Васъ, глубокоуважаемая графиня, въ день двадцатипятилѣтія служе-
нія Вашего на пользу науки, какъ предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО
Московскаго Археологическаго Общества, и выражаетъ глубокое ува-
женіе Вашей плодотворной и неутомимой дѣятельности.

Директора Отдѣла: *Машковъ, Семеновъ*.

Хранитель Отдѣла *Ивановъ*.

Отъ Московскаго Архитектурнаго Общества.

Въ день двадцатипятилѣтія плодотворной научной дѣятельности
Вашего Сіятельства, въ качествѣ предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО
Московскаго Археологическаго Общества, Московское Архитектурное
Общество приносить Вамъ, графиня, своему почетному члену, по-
здравленіе въ этотъ знаменательный и важный для русской науки и
искусства день.

Предсѣдатель Общества *Шехтель*.

Товарищъ Предсѣдателя *Машковъ*.

Отъ Харьковской Общественной Библіотеки.

Харьковская Общественная Библіотека, глубоко чтя заслуги гра-
фини на поприщѣ археологического изслѣдованія прошлаго Россіи,
шлетъ искреннее привѣтствіе съ двадцатипятилѣтіемъ предсѣдатель-
ства въ Московскому Археологическому Обществу и желаетъ счастли-
ваго продолженія плодотворной научной дѣятельности.

Предсѣдатель Правленія профессоръ *Анцыферовъ*.

Членъ Правленія *Плесскій*.

Отъ Виленской Публичной Библіотеки, Археографической Комиссіи и Центрального Архива.

Виленская Публичная Библіотека, Археографическая Комиссія и Центральный Архивъ привѣтствуютъ Васъ съ исполнившимся 25-тилѣтіемъ Вашей неутомимой глубоконаучной дѣятельности и выражаютъ искреннее пожеланіе многолѣтняго продолженія Вашихъ высокополезныхъ трудовъ на пользу русской археологической науки.

Добрянскій, Спрогисъ, Романовъ, Миловидовъ, Довгялло, Турчевичъ.

Отъ Одесской Публичной Библіотеки.

Одесская Публичная Библіотека шлетъ глубокочтимой графинѣ Прасковѣ Сергѣевнѣ искреннія пожеланія многихъ лѣтъ славной дѣятельности на благо родной науки.

Библіотекарь профессоръ *Попруженко.*

Отъ Холмского Православнаго Братства.

Холмское Православное Братство почтительнѣйше привѣтствуетъ Еаше Сіятельство съ 25-лѣтіемъ возглавленія ИМПЕРАТОРСКАГО Археологического Общества, искренно желаетъ, чтобы Общество подъ Вашимъ мудрымъ руководствомъ еще многіе годы росло и мужало, неусыпно стояло на стражѣ охраненія отъ гибели памятниковъ старины, непрерывно вызывало свѣжія силы и новые труды на пользу археологической науки и неустанно развивало любовь и сочувствие къ родной старинѣ на святой Руси. Графинѣ Прасковѣ Сергѣевнѣ многія лѣта!

Предсѣдатель Совѣта Братства *Будиловичъ.*

Отъ Московского Архива Министерства Юстиції.

Московскій Архивъ Министерства Юстиції честь имѣть привѣтствовать Васъ, графиня Прасковья Сергѣевна, съ двадцатипятилѣтіемъ доблестной дѣятельности по изысканю, охранѣ, изданиемъ и научной обработкѣ русскихъ древностей въ званіи изумительно дѣятельного предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества и устроителя общерусскихъ археологическихъ сѣзданій.

Управляющій Архивомъ *Самоквасовъ.*

Отъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Отъ имени ввѣреннааго мнѣ учрежденія позвольте привѣтствовать Ваше Сиятельство въ день исполнившагося двадцатипятилѣтія Вашего предсѣдательства въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и пожелать Вамъ крѣпости и силъ для продолженія Вашихъ обширныхъ и важныхъ трудовъ въ области отечественной археологии.

Директоръ Московскаго Главнаго Архива
Министерства Иностранныхъ Дѣлъ князь *Лѣвовъ*.

Отъ Московской Оружейной Палаты.

Въ день свѣтлаго праздника русской науки,—чествованія исполнившейся четверти вѣка высокочестнаго служенія Вашего Сиятельства русской археологии, исторіи искусствъ, Оружейная Палата, хранительница реликвій русской художественности и вкуса, почтительно привѣтствуетъ Васъ, графиня, своего великаго учителя, высказывая свои горячія пожеланія силъ и здоровья на многія еще лѣта такой же плодотворной энергичной дѣятельности на славу и честь дорогой родины и науки.

Арсеньевъ, Трутовскій, Успенскій.

Отъ Курскаго Статистического Комитета.

Милостивая государыня, графиня Прасковья Сергеевна! Вслѣдствіе исполнившагося двадцатипятилѣтія предсѣдательства Вашего въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и богатой научными результатами Вашей дѣятельности, лично, и отъ имени Курскаго Статистического Комитета, имѣю честь просить Ваше Сиятельство принять искреннее привѣтствие и пожеланія полныхъ силъ на долгіе годы для Вашихъ созидательныхъ трудовъ общественно-государственнаго значенія. Прошу принять увѣреніе въ отличномъ уваженіи и совершенной преданности.

Вашего Сиятельства покорнѣйший слуга *Михаилъ Гильхенъ*.

Отъ Киевского Музея Императора Николая II.

Киевский Музей ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II шлетъ привѣтъ неустанной работницѣ на нивѣ изученія родной старины граfinѣ Прасковьѣ Сергѣевнѣ Уваровой.

Директоръ Музея *Бюляшевскій*.

Отъ Комиссіи Музея до - Петровского искусства и быта.

Комиссія Музея до-Петровского искусства и быта искренно привѣтствуетъ Ваше Сиятельство, своего почетнаго члена, и приносить горячія пожеланія долгой высококультурной дѣятельности по изученію отечественной старины.

Предсѣдатель *Рерихъ*.

Секретарь *Макаренко*.

Отъ Кавказского Музея.

Отъ имени Кавказского Музея приношу Вамъ искреннее поздравленіе съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ плодотворной дѣятельности Вашей на поприщѣ русской археологіи и въ этотъ день съ благодарностью вспоминаемъ труды Ваши по устройству и научной обработкѣ собранія древностей Кавказа, хранящагося въ Музѣѣ.

Директоръ Музея *Казнаковъ*.

Отъ Церковнаго Музея Грузинского духовенства.

Комитетъ Церковнаго Музея грузинского духовенства считаетъ пріятнымъ долгомъ поздравить Васъ съ двадцатипятилѣтіемъ Вашего плодотворного служенія наукѣ и Вашей дѣятельности.

Мравалъ-Жамієръ. Епископъ *Давидъ*.

Отъ Саратовскаго Радищевскаго Музея.

Саратовскій Радищевскій Музей съ чувствомъ живѣйшей радости привѣтствуетъ Ея Сиятельство и шлетъ пожеланіе сохранить плодотворную дѣятельность еще на многія лѣта, на пользу науки.

Директоръ *Воеvъ*.

Отъ Минусинского Мартыновского Музея.

Ваше Сиятельство, графиня Ирасковья Сергеевна. Минусинский Мартыновский Музей почтительно привѣтствуетъ Васъ съ двадцатипятилѣтіемъ Вашего выдающагося служенія ИМПЕРАТОРСКОМУ Московскому Археологическому Обществу и археологической наукѣ и желаетъ Вамъ здоровья и силъ для продолженія Вашей энергично-разносторонней и плодотворной общественной и научной дѣятельности.

Баховъ, Мартынова, Савенковъ, Тропинъ, Кузьмина, Волконскій, Борейша, Соколовъ, Войцѣховскій, Метелкинъ, Персиковъ.

Отъ Донского Музея.

Въ день исполнившагося двадцатипятилѣтія Вашихъ неутомимыхъ трудовъ на пользу русской археологической науки по званію предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Московского Археологического Общества и русскихъ археологическихъ съѣздовъ, Донской Музей, много обязанный Вашей нравственной поддержкѣ, приносить Вамъ, высокочтимая графиня, глубокое привѣтствіе, искреннее пожеланіе полнаго здоровья для продолженія исторического дѣла, честь руководства которымъ принадлежитъ великой русской женщинѣ.

X. Поповъ.

Отъ Угличского Музея древностей.

Комитетъ Угличского Музея древностей привѣтствуетъ Васъ, какъ своего почетнаго члена, въ знаменательный день двадцатипятилѣтія предсѣдательствованія въ Обществѣ, служащемъ дѣлу охраненія русской старины.

Угличскій предводитель дворянства Тучковъ.

Отъ Музея Украинскихъ древностей Тарновскаго.

Музей Украинскихъ древностей Тарновскаго привѣтствуетъ Общество и его неутомимаго и беззавѣтно преданнаго интересамъ научнымъ предсѣдателя и желаетъ имъ счастливаго продолженія славной дѣятельности.

Предсѣдатель Губернской Земской Управы Савицкій.

Предсѣдатель Музейной Комиссіи Дорошенко.

Отъ Бессарабской губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Бессарабская Губернская Ученая Архивная Комиссія, привѣтствуя двадцатипятилѣтній юбилей предсѣдательствованія Вашего, шлетъ пожеланія еще многихъ лѣтъ плодотворной дѣятельности въ качествѣ представительницы ученаго учрежденія и ревнительницы сохраненія и изученія родной старины.

Предсѣдатель *Горе.*

Правитель дѣлъ *Халиппа.*

Отъ Витебской Ученой Архивной Комиссіи.

Почетному члену, графинѣ Прасковѣ Сергѣевнѣ Уваровой. Витебская Ученая Архивная Комиссія привѣтствуетъ Ваше Сіятельство съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ Вашего предсѣдательствованія въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ.

Предсѣдатель *В. Арсеньевъ.*

Секретарь *Н. Чичевичъ.*

Отъ Владимірской Ученой Архивной Комиссіи.

Владимірская Ученая Архивная Комиссія, высоко цѣня заслуги Ваши для русской историко-археологической науки, почитаетъ своимъ долгомъ привѣтствовать Ваше Сіятельство съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ Вашей общественно-научной дѣятельности во главѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Московского Археологического Общества.

Предсѣдатель Комиссіи *Сазоновъ.*

Отъ Воронежской Архивной Комиссіи.

Воронежская Архивная Комиссія привѣтствуетъ Ваше Сіятельство съ двадцатипятилѣтіемъ Вашего предсѣдательствованія въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ. Вы преемственно замѣнили незабвенного графа Алексѣя Сергѣевича, продолжая объединять изслѣдователей старины на всероссийскихъ археологическихъ съѣздахъ, имъ основанныхъ. Съ глубокой благодарностью, цѣня Ваши заслуги въ дѣлѣ охраненія, собирания и изученія русскихъ археологическихъ

памятниковъ, заботы объ устройствѣ провинціальныхъ музеевъ, Комиссія выражаетъ сердечное пожеланіе Вашему Сіятельству долгіе годы служить на избранномъ Вами поприщѣ къ славѣ и пользѣ отечественной науки.

Предсѣдатель графъ *Анраксинъ*.

Отъ Вятской Архивной Комиссіи.

Вятская Архивная Комиссія привѣтствуетъ Ваше Сіятельство съ знаменательнымъ въ ученомъ мірѣ днемъ Вашего двадцатипятилѣтняго юбилея и желаетъ дальнѣйшаго процвѣтанія Археологическому Обществу подъ Вашимъ просвѣщеннымъ предсѣдательствомъ.

Товарищъ Предсѣдателя *Спаскій*.

Отъ Калужской Ученой Архивной Комиссіи.

Отъ имени Калужской Ученой Архивной Комиссіи приношу почетному члену ея сердечныя поздравленія со днемъ двадцатипятилѣтней дѣятельности на поприщѣ отечественной археологіи.

Предсѣдатель *В. Ассоновъ*.

Отъ Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Высокоуважаемая Прасковья Сергѣевна! Костромская Губернская Ученая Архивная Комиссія привѣтствуетъ Васъ съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ служенія Вашего археологической наукѣ и выражаетъ пожеланія Вашему Сіятельству дальнѣйшей плодотворной дѣятельности на пользу родной исторіи и археологіи.

Товарищъ Предсѣдателя *Василій Строевъ*.

Отъ Курской Ученой Архивной Комиссіи.

Высокоуважаемая графиня Прасковья Сергѣевна! Въ знаменательный день двадцатипятилѣтія Вашей неутомимой и выдающейся дѣятельности на поприщѣ отечественной археологіи, Курская Ученая Архивная Комиссія, привѣтствуя Васъ, сердечно желаетъ Вамъ еще много лѣтъ здравствовать и трудиться во славу родной старины.

Предсѣдатель Комиссіи *А. Кобылинъ*.

Отъ Нижегородской Ученой Архивной Комиссіи.

День тридцатилѣтней годовщины Вашей многотрудной ученой дѣятельности по изученію русской старины, несомнѣнно долженъ быть отмѣченъ во всѣхъ концахъ русской земли, сливаясь съ общей глубокой, сердечной признательностью Вамъ, достойной преемницѣ и продолжательницѣ великаго дѣла, начатаго супругомъ Вашимъ, незабвеннымъ графомъ Алексѣемъ Сергеевичемъ. Нижегородская Ученая Архивная Комиссія, на засѣданіи своеемъ 27 апрѣля, постановила бить Вамъ челомъ.

Предсѣдатель *Садовскій.*

Правитель *Мельниковъ.*

Отъ Новгородской Архивной Комиссіи.

Новгородская Архивная Комиссія привѣтствуетъ славный день тридцатилѣтія высокаго служенія Вашего Сіятельства русской археологии.

Предсѣдательствующій *Литовченко.*

Отъ Орловской Ученой Архивной Комиссіи.

Орловская Ученая Архивная Комиссія почтительно привѣтствуетъ своего почетнаго члена, глубокоуважаемую графиню Прасковью Сергѣевну, выражая искреннія пожеланія дальнѣйшей неустанной дѣятельности, подкрѣпляемой новой связью со святылищемъ знанія, Московскимъ Университетомъ.

Предсѣдатель *князь Кекуатовъ.*

Хранитель Музея *Турчаниновъ.*

Отъ Рязанской Архивной Комиссіи.

Рязанская Архивная Комиссія привѣтствуетъ Васъ, какъ неутомимую предсѣдательницу Общества, авторитетную руководительницу археологическихъ съѣздовъ, первого славнаго женщина-археолога и шлетъ искреннее пожеланіе еще многіе годы видѣть Васъ во главѣ археологической науки.

Предсѣдатель *Яхонтовъ.*

Отъ Саратовской Ученой Архивной Комиссіи.

Саратовская Ученая Архивная Комиссія глубоко проникнута сознаниемъ колоссальности труда, положеннаго Вашимъ Сіятельствомъ на пользу родной археологии, горячо привѣтствуетъ Васъ въ день исполнившагося 25-лѣтія руководительства Вами ИМПЕРАТОРСКИМЪ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ; да пошлетъ Вамъ Господь здоровья и силь еще на много лѣтъ, для продолженія славнаго труда по освѣщенію далекаго прошлага нашей великой страны.

Предсѣдатель Комиссіи *Н. Минхъ.*

Правитель дѣлъ *Щегловъ.*

Отъ Симбирской Архивной Комиссіи.

Симбирская Архивная Комиссія, горячо привѣтствуя Ваше двадцатипятилѣтнее предсѣдательство въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, шлетъ свое искреннее пожеланіе и впредь многіе годы видѣть Васъ достойною преемницею славнаго основателя русской археологии, незабвенного графа Алексея Сергѣевича Уварова.

Поливановъ.

Отъ Смоленской Ученой Архивной Комиссіи.

Смоленская Ученая Архивная Комиссія горячо привѣтствуетъ Васъ, глубокоуважаемая графиня Прасковья Сергѣевна, въ день двадцатипятилѣтняго юбилея Вашей плодотворной дѣятельности и шлетъ пожеланія еще много лѣтъ такой же успешной работы на благо родной старины.

За предсѣдателя вице-предсѣдатель *Борщевскій.*

Отъ Ставропольской Архивной Комиссіи и попечительства Музея.

Ставропольская Архивная Комиссія и попечительство Музея привѣтствуютъ Васъ со днемъ двадцатипятилѣтія Вашего славнаго служенія задачамъ Археологического Общества и избрали Васъ своимъ почетнымъ членомъ.

Предсѣдатель *Прозрителевъ.*

Отъ Тверской Ученой Архивной Комиссіи.

Тверская Ученая Архивная Комиссія почтительно привѣтствуетъ исполнившееся двадцатипятилѣтие Вашихъ неустанныхъ трудовъ, обогатившихъ историческую науку, прославившихъ русскую женщину, получившихъ нынѣ достойное и высокое признаніе. Да ниспоплетъ Вамъ всепрѣдѣль Господь еще много лѣтъ жизни, чтобы мужественно стоять на стражѣ дорогихъ интересовъ родины, ея доблести и славы.

Предсѣдатель Комиссіи *Ивановъ*.

Правитель дѣлъ *Виноградовъ*.

Отъ Ярославской Архивной Комиссіи.

Ярославская Архивная Комиссія, преклоняясь передъ выдающи-мися историческими заслугами своего почетного члена, графини Прасковьи Сергиевны, на поприщѣ археологической науки, шлетъ свое привѣтствіе и поздравленіе и выражаетъ желаніе предсѣдательницѣ еще ИМПЕРАТОРСКАГО Московского Археологического Общества многіе годы служить процвѣтанію великаго для родины дѣла.

Предсѣдатель Комиссіи князь *Петръ Урусовъ*.

Отъ Черниговской Губернской Ученой Ко- миссіи.

Черниговская Губернская Ученая Комиссія, привѣтствуя Московское Археологическое Общество съ исполнившимся двадцатипятилѣтиемъ предсѣдательствованія въ немъ графини Прасковьи Сергиевны Уваровой, шлетъ, какъ Обществу, такъ и глубокоуважаемой графинѣ горячія пожеланія еще много и много лѣтъ продолжать ихъ доблестный трудъ на пользу науки и на благое просвѣщеніе родины.

Предсѣдатель *Рачинскій*.

Отъ Грай-Воронского Археологического Ко- митета.

Въ виду исполнившагося двадцатипятилѣтия полезной предсѣдательской дѣятельности Вашего Сіятельства на благо российской археологии Грай-Воронской Археологической Комитетъ искренно поздравляетъ съ юбилеемъ, какъ своего почетного члена.

Предсѣдатель Комитета *Банинъ*.

Отъ Московской Конторы Св. Синода.

По поручению Московской Конторы Св. Синода, привѣтствую Васъ, графиня, съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ Вашего предсѣдательства въ Археологическомъ Обществѣ и приношу Вамъ мои искреннія пожеланія продолженія Вашей плодотворной дѣятельности на много лѣтъ.

Камергеръ *Ф. Степановъ*.

Отъ Училища Живописи, Ваянія и Зодчества.

Глубокоуважаемая графиня Прасковья Сергеевна! Училище Живописи, Ваянія и Зодчества почтительнѣйше проситъ Васъ присоединить его къ учрежденіямъ и лицамъ, принесшимъ Вамъ поздравленія и принять его пожеланія здоровья и силъ для продолженія Вашей многополезной просвѣтительной дѣятельности.

Князь *Левцовъ*.

Отъ Вятского Художественного Кружка.

Высоко цѣня Ваши труды и заслуги на поприщѣ служенія родному искусству, Вятскій Художественный Кружокъ проситъ принять его скромное поздравленіе и лучшія пожеланія въ день Вашего юбилея.

Предсѣдатель Кружка *Лобовиковъ*.

Отъ Общества преподавателей графическихъ искусствъ.

Общество преподавателей графическихъ искусствъ позволяетъ принести Вашему Сіятельству почтительныя поздравленія съ знаменательнымъ днемъ, горячо желая, чтобы несравненная дѣятельность Ваша продолжалась еще много лѣтъ для пользы родины.

Предсѣдатель *Иванъ Евстигнѣвъ*.

Отъ Комиссіи по постройкѣ инвалиднаго дома
имени первопечатника Ивана Федорова.

Комиссія по постройкѣ инвалиднаго дома имени первопечатника Ивана Федорова привѣтствуетъ Ваше Сіятельство съ исполнившимся сегодня двадцатипятилѣтіемъ полезной дѣятельности Вашей по предсѣдательствованію въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, которое своимъ процвѣтаніемъ всецѣло обязано Вашимъ трудамъ и энергіи.

Предсѣдатель Комиссіи *Андрей Галуновъ*.

Отъ Московской Синодальной Типографіи.

Ваше Сіятельство, милостивая государыня графиня Прасковья Сергеевна! Въ знаменательный день исполненія двадцатипятилѣтней Вашей плодотворной дѣятельности на посту предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества, Московская Синодальная типографія почитаетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ почтительнѣйше принести Вашему Сіятельству поздравленіе съ праздничкомъ Вашего доблестнаго труда на пользу русской науки, пожеланіе силъ, здоровья, неустанной бодрости духа и выраженіе чувствъ признательности за Ваши постоянно благожелательныя вниманіе и помощь типографіи въ сохраненіи, разработкѣ и обнародованіи ея древностей.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою

Александръ Орловъ.

Отъ С.-Петербургской Синодальной Типографіи.

Четверть вѣка неустанной творческой работы въ области археологии несомнѣнно даетъ Вамъ, графиня, право на горячую признательность всѣхъ, кто цѣнитъ памятники родной старины. Благоволите, Ваше Сіятельство, благосклонно принять почтительное привѣтствіе управляющаго Петербургской синодальной типографіей

Гаврилова.

Отъ Киевскаго Общества любителей соціаль- ныхъ знаній.

Киевское Общество любителей соціальныхъ знаній, привѣтствуя Васъ съ юбилеемъ Вашей плодотворной дѣятельности на пользу русской науки, шлетъ Вамъ пожеланія силъ и бодрости на долгіе годы, для продолженія Вашего пути.

Предсѣдатель *Довнаръ-Запольскій.*

Отъ Комитета Общества воспитательницъ и учительницъ.

Комитетъ Общества воспитательницъ и учительницъ, по поводу двадцатипятилѣтняго юбилея Вашей ученой дѣятельности, привѣтствуетъ Васъ, какъ первую русскую женщину, стоящую во главѣ ученаго Общества и своими трудами много способствующую его успѣху и значенію.

Предсѣдательница Общества *Е. И. Мамонтова.*

IV. ТЕЛЕГРАММЫ И ПРИВѢТСТВІЯ ОТЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ.

Отъ А. Круазэ ван-дер-Копъ.

Искренно привѣтствую по случаю знаменательнаго дня двадцатипятилѣтія Вашего самоотверженного служенія интересамъ археологии на высокомъ посту предсѣдателя Московскаго Археологическаго Общества.

А. Круазэ ван-дер-Копъ.

Отъ В. Баллодъ.

Вашему Сіятельству въ день праздника дорогого Общества шлетъ поздравленіе и пожеланіе долго видѣть Васъ во главѣ русской археологии

Членъ Общества *Францъ Баллодъ.*

Отъ К. В. Болсуновскаго.

Ваше Сіятельство! Проникнутый чувствомъ искренней радости, присоединяясь къ общему голосу и желаю Вамъ еще долго, долго руководить нашими учеными на пользу отечественной науки.

К. Болсуновскій.

Отъ А. Л. Бертье-Делагардъ.

Прошу принять глубочайшія привѣтствія усерднѣйшаго почитателя.

Бертье Делагардъ.

Отъ И. Н. Бороздина.

Прошу принять искреннія поздравленія и свидѣтельства моего глубокаго уваженія.

Бороздинъ.

Отъ М. П. Боткина.

Примите, глубокоуважаемая графиня, искреннее поздравленіе. Сердечно желаемъ здоровья, еще потрудиться на пользу и славу дорогой родины.

Михаилъ Боткинъ.

Отъ проф. В. П. Бузескула.

Въ день двадцатипятилѣтія Вашего предсѣдательства примите и мое искреннее поздравленіе, да продлится Ваша славная дѣятельность еще многія лѣта.

Бузескуль.

Отъ Бутурлиныхъ.

Въ знаменательный юбилей просвѣщеннаго и патріотическаго Вашего руководительства одного изъ важнѣйшихъ отраслей отечественной науки, просимъ принять привѣтствія и душевныя наши поздравленія.

Бутурлины.

Отъ Бера.

Изъ далекаго Новороссійска шлемъ поздравленіе и привѣтствіе по случаю наступившаго знаменательнаго дня.

Беръ.

Отъ Н. Бонковскаго.

Преклоняясь предъ неутомимой энергіей Вашего Сіятельства, прошу принять мое искреннее поздравленіе по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія Вашего служенія на пользу родной археологіи.

Николай Бонковскій.

Отъ С. К. Богоявленского.

Милостивая Государыня, графиня Прасковья Сергѣевна! Осмѣливайся присоединить свой голосъ къ тѣмъ единодушнымъ и искреннимъ привѣтствіямъ, которыми встрѣчаютъ представители русской науки знаменательный для Васъ день. Надѣюсь, что отечественная археологія будетъ еще многіе годы развиваться подъ Вашимъ внимательнымъ и талантливымъ руководствомъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою

С. Богоявленскій.

Отъ И. Гавельки.

Ваше Сіятельство, глубокоуважаемая графиня Прасковья Сергѣевна! Какъ членъ Московскаго Археологическаго Общества, я имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство принять отъ меня самыя искреннія поздравленія по поводу празднованія 25-лѣтія предсѣдательствованія Вашего въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ. Наслѣдство, принятное Вами отъ Вашего покойнаго мужа, незабвенного графа Алексѣя Сергѣевича, Вы своими неутомимыми трудами сумѣли не только сохранить, но и значительно расширить такъ, что оно въ настоящее время представляеть собою учрежденіе, къ голосу котораго, въ вопросахъ русской археологіи, приходится прислушиваться всѣмъ, кому дорога отечественная старина. Отъ всей души желаю Вашему Сіятельству много здоровья и силъ, чтобы долго еще служить на по-прищѣ русскаго просвѣщенія, на пользу и славу русской археологической науки.

Примите, Ваше Сіятельство, увѣреніе въ моемъ совершенномъ къ Вамъ уваженіи и почтеніи.

И. Гавелька.

Прага.

Отъ Е. В. Барсова.

Многоуважаемая графиня Прасковья Сергѣевна! Весьма жалѣю, что не могу быть въ засѣданіи Археологическаго Общества. Сегодня у насъ свое засѣданіе въ Обществѣ исторіи. Конечно, многіе понимаютъ и чувствуютъ заслуги Ваши для археологической науки въ ихъ полномъ и истинномъ значеніи. Но, на мой взглядъ, важнѣе всего то, что вся мыслящая Россія непосредственно сознаетъ Ваше личное и глубокое проникновеніе исторической идеей и что Вы достойно несете археологическое знамя, къ которому не позволяете прикоснуться рукѣ скверной. Умѣя стоять за это знамя, Вы всегда готовы

также гордо и мужественно стоять и за его дружину. На себѣ самомъ я пережилъ эту Вашу силу благороднаго сердца, чуткаго къ скорбямъ и обидамъ, постигающимъ безпомощныхъ археологовъ. Поминая незабвеннаго графа, славлю, графиня, и Вашъ умъ, и Ваше сердце, и Вашъ подвигъ, и Ваше мужество. Здравствуйте, многая Вамъ лѣта, на славу знамени и благо его дружины.

Весь Вашъ всегда и нынѣ

Еллидифоръ Барсовъ.

Отъ В. И. Гошкевича.

Примите мое искреннее поздравленіе съ счастливымъ для русской науки днемъ Вашего юбилея.

Гошкевичъ.

Отъ доктора Грекулова.

Ваше Сиятельство, Прасковья Сергеевна! Будучи не специалистомъ, а простымъ гражданиномъ, слѣдящимъ за успѣхами археологии, я высоко цѣню Ваши заслуги передъ обществомъ и сердечно привѣтствуя двадцатипятилѣтие Вашей благотворной дѣятельной работы. Отъ души желаю, чтобы Археологическое Общество возможно дольше процвѣтало подъ Вашимъ руководительствомъ.

Докторъ Грекуловъ.

Отъ И. Е. Евсѣева.

Высокоуважаемая графиня Прасковья Сергеевна! Считаю пріятнымъ долгомъ почтительнѣйше привѣтствовать Васъ съ двадцатипятилѣтней годовщиной Вашего предсѣдательствованія въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ и отъ души пожелать Вамъ еще многихъ и многихъ годовщинъ Вашей трудовой многополезной жизни на благо русской науки! Въ нашей жизни такъ мало идейныхъ руководителей жизни, официальные ея двигатели до такой степени далеки отъ творчества и одушевленія въ своемъ дѣлѣ, что Вашъ свѣтлый примѣръ является неоцѣнимымъ по своему значенію. И, какъ бывшій обыватель Москвы и какъ временный обитатель далекой провинціи, а нынѣ, какъ житель сѣверной столицы, я одинаково чувствую благородно одушевляющій къ труду Вашъ голосъ, Ваше незримое вліяніе. Вамъ, какъ и покойному супругу Вашему, выпало на долю не только замѣчать главные пункты сраженія, но и собирать и вооду-

шевлять собранную рать—и Вы достигали этого съ полнѣйшимъ успѣхомъ. Дай Богъ Вамъ успѣха и впредь на многія лѣта.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть Вашего Сіятельства искренній почитатель

И. Евспеевъ.

Отъ Екатерины и Маріи Ермоловыхъ.

Поздравляемъ съ юбилеемъ Вашей полезной дѣятельности.

Екатерина и Марія Ермоловы.

Отъ А. Жданова.

Милостивая государыня, графиня Прасковья Сергеевна! Примите, Ваше Сіятельство, мое сердечное привѣтствіе по поводу исполнившагося сегодня двадцатипятилѣтія Вашего предсѣдательствованія въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, въ коемъ завидно энергичная дѣятельность Ваша невольно возбуждаетъ заслуженное уваженіе къ неутомимой труженицѣ на нивѣ родного просвѣщенія въ духѣ завѣтовъ сѣйдѣ старины. Съ чувствомъ глубокаго почтенія имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою.

А. Ждановъ.

Отъ проф. С. Жебелева.

Многоуважаемая графиня Прасковья Сергеевна!

Узнавъ изъ газетъ, что вчера исполнилось 25-лѣтие предсѣдательства Вашего въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, позволяю себѣ просить Васъ принять и мои поздравленія и пожеланія на много-много лѣтъ служить и работать на благо российской археологии съ такою же неустанною энергию и искреннею любовью, съ какими служили Вы и работали до сихъ поръ.

Пропшу вѣрить въ мое глубокое къ Вамъ уваженіе.

С. Жебелевъ.

Отъ М. И. Забѣлиной.

Ваше Сіятельство, глубокоуважаемая и высокопочитаемая графиня Прасковья Сергеевна! Вчера только возвратилась въ Москву и узнала изъ газетъ о торжественномъ днѣ Вашего славнаго юбилея.

Примите мое, хотя и запоздалое, но вполнѣ сердечное поздравление съ двадцатипятилѣтіемъ Вашей плодотворной и блестящей дѣятельности на поприщѣ отечественной археологии. Глубоко сожалѣю, что отецъ мой не дожилъ до такого радостнаго и свѣтлаго праздника родной науки. Отъ всей души желаю Вамъ еще на многіе, многіе годы здоровья и силъ на продолженіе Вашей, столь энергичной и вполнѣ достойной удивленія, дѣятельности. Приношу Вамъ увѣреніе въ моемъ искреннемъ, глубокомъ уваженіи, почитаніи и поклоненіи.

Марія Забѣлина.

Отъ проф. В. З. Завитневича.

Сердечно привѣтствую Васъ, досточтимая графиня, съ настоящимъ праздникомъ, отъ души желаю еще долго оставаться руководительницею тружениковъ въ области археологии.

Завитневичъ.

Отъ Р. Иванова.

Глубокоуважаемая Прасковья Сергеевна! Съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и почитанія привѣтствую Васъ въ этотъ славный день Вашего многолѣтняго служенія наукѣ. Съ первого дня знакомства съ Вами смотрю на Васъ, какъ на сказочнаго богатыря-женщину, удивляюсь и любуюсь Вашею несокрушимою энергіею. Отъ всей души желаю Вамъ здоровья и силъ на многіе годы. Душевно преданный

Р. Ивановъ.

Отъ проф. В. С. Иконникова.

Спѣшу присоединиться къ юбилейному чествованію высокопочитаемаго предсѣдателя Общества графини Прасковьи Сергеевны Уваровой.

Иконниковъ.

Отъ народнаго учителя Ивана Ильинскаго.

Дай Вамъ Богъ какъ можно дольше стоять на стражѣ глубокой старинѣ.

Народный учитель *Иванъ Ильинскій.*

Отъ Н. И. Криштафовича.

Вернувшись изъ поѣздки, душевно привѣтствую Васъ и Общество съ безпримѣрнымъ знаменательнымъ событиемъ въ лѣтописяхъ науки во славу ея и русской женщины.

Криштафовичъ.

Отъ проф. Д. А. Корсакова.

Сердечно привѣтствую Васъ, графиня, съ двадцатипятилѣтіемъ предсѣдательства, искренно желая, чтобы еще долго, долго подвизались на пользу отечественной археологіи и на радость Вашихъ друзей и почитателей.

Профессоръ *Корсаковъ.*

Отъ протоіерея Королькова.

Отъ всей души поздравляю Васъ съ знаменательнымъ днемъ Вашей ученого-археологической дѣятельности; дай Богъ Вамъ силъ и здоровья много лѣтъ потрудиться на пользу нашей родины.

Профессоръ Академіи протоіерей *Корольковъ.*

Отъ проф. П. А. Лаврова.

Привѣтствуя съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ Вашей дѣятельности, какъ предсѣдателя Общества.

Профессоръ *Лавровъ.*

Отъ Л. Г. Лопатинского и др.

Не имѣя возможности по дѣламъ службы присутствовать въ сего дняшнемъ засѣданіи Кавказскаго Отдѣленія, считаю своимъ долгомъ привѣтствовать Васъ, глубокоуважаемая графиня, отъ себя и бакинскихъ членовъ Отдѣленія съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ великихъ научныхъ заслугъ Вашихъ, какъ предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества.

Лопатинский, Денферъ, Храпко, Покровскій, Сазоновъ, Тхоржевскій.

Отъ проф. И. А. Линниченко.

Прошу принять мое сердечное поздравление съ днемъ знаменательнымъ и въ Вашей жизни и русской археологіи.

Линниченко.

Отъ Леонова.

Шлю скромный привѣтъ защитницѣ старины, по случаю двадцатипятилѣтія служенія родинѣ.

Леоновъ.

Отъ Лисснеръ-Собко.

Просимъ присоединить насъ къ числу отъ всего сердца чествующихъ именитую предсѣдательницу и почетнаго члена Московскаго и Казанскаго университетовъ.

Лисснеръ-Собко.

Отъ К. фонъ Левисъ оффъ Менаръ.

Hochgeherte Frau Gräfin! Empfangen Sie von meiner Frau und mir die ergebensten Glückwünsche zum Jubiläum Ihrer Praesidentschaft, die Sie mit so ausserordentlichen Erfolgen so lange verwaltet haben. Insbesondere sind wir Livländer Ihnen dankbar für ihre Tätigkeit hier und die reiche Anregung und Aufmunterung, die wir durch Sie erfahren haben.

Reifolgend unter Krenzband erlaube ich mir Ihnen die um Ronneburg, Wolmar und die Aa-Fahrt erweiterte zweite umgearbeitete Auflage des Führers durch die „Livländische Schweiz“ die Ihnen von 1896 her noch bekannt ist, zu übersenden.

Mit den besten Wünschen für Ihre ferneres Wohlergehen Ew. Erlaubt mit vorzüglichster Hochachtung meine Frau und Ihr ganz ergebener

K. v. Löwis.

Отъ Матвѣева.

Шлемъ искрення поздравленія и пожеланія продолжать долгія лѣта плодотворную дѣятельность.

Матвѣевъ.

Отъ архієпископа Месропа.

Прошу принять мои сердечные поздравления и благословение.

Архієпископъ *Месропъ*.

Отъ А. Миняева.

Позвольте привѣтствовать Ваше Сиятельство съ знаменитымъ днемъ двадцатипятилѣтія плодотворного предсѣдательства; примите сердечные пожеланія здоровья и долголѣтія.

Александръ Миняевъ.

Отъ А. К. фонъ-Меккъ.

Извиняюсь, что нездоровье лишаетъ меня возможности лично пристести Вамъ поздравленіе съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ общественной дѣятельности. Прошу принять наилучшія пожеланія иувѣренія глубокаго уваженія.

Александръ фонъ-Меккъ.

Отъ Н. Морозовой.

Ваше Сиятельство! Позвольте мнѣ почтительно пристести искреннее поздравленіе и пожеланія доброго здоровья на многіе годы, на радость Обществу. Преданная Вамъ

Надежда Морозова.

Отъ Э. Э. Маттернъ.

Прошу Васъ, многоуважаемая графиня, принять мой привѣтъ и поздравленіе по поводу сегодняшняго чествованія Вашей многолѣтней плодотворной дѣятельности на пользу науки.

Э. Маттернъ.

Отъ П. А. Незнамова.

Позвольте и мнѣ издалека присоединить свое поздравленіе и искрення пожеланія.

Незнамовъ.

Отъ проф. Л. Г. Нидерле.

Vysocorodá paní hraběnko, ráče mi devolitě, abych u přiležitosti Vasěho jubilea směl se take připojiti k radě ostatních slovanstých arhaeologie s uctivou prosbou, abyste ráčila přijmouti ode mne výraz obdivu nad velkou cinností, kterou Iste vozvinula v oblasti ruské arhaologie, a nad úspěchy, kterých Iste zde dosáhla.

Vzpominám pri tom vděčně i laskavosti, kterou Iste mně a pracím mým prokazovala a k těmto slovům obdivu, úcty a díků připojuji viele přání, aby Vám bylo propráno ve velie praci uspěšne pobráčovati jeste radu dalsich let na slavu a prorpěch arhaologie ruske i slovanske.

V nejhľubú úctě Vám cele oddalany.

Dr. Lubor Niederle, professor české university.

Отъ проф. А. В. Никитского.

Приношу Вашему Сиятельству искреннѣйшее привѣтствие по по-
воду знаменательного для русской археологии двадцатипятилѣтия Вашего предсѣдательства и пропшу принять засвидѣтельствование глубо-
чайшаго преклоненія предъ беззавѣтнымъ, энергичнымъ, плодотвор-
нымъ, славнымъ служеніемъ Вашимъ русской наукѣ и просвѣщенію.

Членъ Общества *Александръ Никитский.*

Отъ проф. М. В. Никольского.

Только болѣзнь, заставившая меня прекратить занятія и покинуть Москву, воспрепятствовала мнѣ лично привѣтствовать Васъ въ засѣданіи 11-го мая, вмѣстѣ съ товарищами по Обществу съ двадца-
типятилѣтиемъ Вашего предсѣдательства и внести свою подпись подъ
адресомъ, поднесеннымъ Вамъ Обществомъ. Присутствуя мысленно и на дѣлѣ раздѣляя все, что Общество выразило Вамъ по этому случаю,
я не могу, однако же, отказать себѣ въ удовлетвореніи моей сердечной
потребности принести Вамъ мое особое привѣтствие и выразить хвалу
Всевышнему, что Онъ далъ Вамъ и разумъ и силу совершить столь
огромный жизненный подвигъ на пользу отечественной науки, а также
чувство глубокой признательности не только какъ нашему общему
руководителю, но и какъ человѣку рѣдкихъ душевныхъ качествъ, рѣд-
кой чуткости и проникновенности, умѣвшему тонко цѣнить каждого

изъ своихъ сотрудниковъ по ихъ душевнымъ наклонностямъ, угадывать наилучшіе ихъ помыслы, съ предупредительностью идти имъ на встречу и содѣствовать ихъ осуществленію, благодаря чему и я, одинъ изъ скромныхъ Вашихъ сотрудниковъ, могъ въ жизни осуществить не одно изъ моихъ завѣтныхъ желаній, быть хотя немногого полезнымъ наукѣ въ той области, которая мнѣ сродна. Отъ всего сердца присоединяюсь къ общему нашему пожеланію Вамъ долгой жизни и плодотворной дѣятельности во главѣ нашего Общества, которое Вамъ весьма обязано и будущее котораго неразрывно связано съ Вашею личностью.

Искренно Вамъ преданный и глубоко признателный

M. Никольский.

Отъ А. С. Орлова.

Ваше Сіятельство, милостивая государыня, графиня Прасковья Сергѣевна! Пользуюсь временемъ празднованія Вашего самоотверженаго служенія на пользу русской науки, чтобы выразить Вамъ чувства благодарности и восхищенія Вашимъ подвигомъ—чувствамъ, съ давнихъ поръ волновавшія мою душу, для выраженія которыхъ я ранѣе не сумѣлъ подыскать случая по своей застѣнчивости и потому что считалъ болѣе раннее ихъ выраженіе навязчивымъ.

Я, младшій работникъ на полѣ русской науки, бытъ признанъ старшими достойнымъ этой работы, по милостивому указанію Вашего Сіятельства. Извольте припомнить, что Вы рекомендовали меня покойному профессору Соколову къ оставленію при каѳедрѣ русской литературы Московскаго университета, для приготовленія къ профессурѣ. Ваша рекомендація была для меня счастливой и опредѣлила все трудовое содержаніе моей жизни. Этотъ благородный трудъ совпалъ съ моими душевными запросами и осмыслилъ мою жизнь. Съ сильнейшимъ волненіемъ души благодарно преклоняюсь предъ Вашимъ Сіятельствомъ.

Было бы мнѣ не по силамъ дерзновеніе опредѣлять и цѣнить словами Вашъ подвигъ на пользу Россіи, великая русская женщина, мудрая бабушка настѣ, трудолюбивыхъ внуковъ! Называть Васъ такъ научилъ меня Гончаровъ, низко поклонившійся силѣ и мудрости подобной Вамъ души: передъ нимъ вставали дорогіе ему образы—„а за ними стояла и влекла къ себѣ—еще другая исполинская фигура, другая великая бабушка—Россія“. („Обрывъ“).

Покорный, преданный и благодарный слуга Вашего Сіятельства

Александръ Орловъ.

Отъ И. С. Остроухова.

Позвольте, глубокоуважаемая графиня, въ нынѣшній знаменательный день и мнѣ выразить Вамъ чувства искренняго уваженія Вашей славной дѣятельности, вмѣстѣ съ пожеланіями здоровья и бодрости для дальнѣйшей работы на многіе годы.

Остроуховъ.

Отъ Н. Печенкина.

Прошу принять и мой сердечный привѣтъ и пожеланіе долгой дальнѣйшей плодотворной дѣятельности.

Николай Печенкинъ.

Отъ протоіерея Попова.

Искренно привѣтствую Ваше Сіятельство съ двадцатипятилѣтіемъ энергичной плодотворной научной дѣятельности. Русское православное духовенство будетъ вѣчно молитвенно благодарно Вамъ за поченіе его древнихъ представителей культуры и патріотического самоотверженія. Умиленно памятуемъ Ваше просвѣщенное вниманіе къ старому Брянску и его древностямъ.

Протоіерей Поповъ.

Отъ священника Льва Паевскаго.

Ваше Сіятельство, графиня Прасковья Сергѣевна! Почтительнѣйше прошу Ваше Сіятельство принять мое сердечное привѣтствіе съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ Вашей самоотверженной ученой дѣятельности, всесѣло посвященной русской археологіи въ широкихъ и многостороннихъ развѣтвленіяхъ гигантскаго полета ума и сердца — отъ колыбели христіанства на Кавказѣ и Херсонеса Таврическаго включительно до Киева со всѣми окраинами Россіи, переставшими уже нынѣ (какъ во времена Котошихина) быть *terra incognita* для иностранцевъ, съ такою любовью и живымъ интересомъ всегда спѣшившихъ по зову Вашему на археологические сѣзьзды! Ученыя силы окружали и окружаютъ Васъ, какъ новосажденія масличныя! Да процвѣтаетъ же и впредь Ваша многотрудная и многополезная дѣятельность, освѣщающая своими лучами темные горизонты нашего далекаго прошлаго, а подчасъ и настоящаго!

Кладу земной поклонъ Вамъ, глубокоуважаемая графиня, постигая непостижимое въ цѣломъ лабиринтъ собранныхъ и уравновѣшенныхъ Вами научныхъ силь со всего свѣта! Отъ чистаго сердца молитвенно желаю Вамъ и всему дорогому семейству Вашему въ добромъ здоровыи и благополучіи неутомимо трудиться всѣми Богодарованными силами на многая и многая лѣта! Пусть мои искреннія желанія, какъ полевой цвѣтокъ, посыпаемый изъ Исторической Меречи, найдутъ себѣ укромный уголокъ въ роскошномъ живомъ вѣнкѣ, который преподносить Вамъ нынѣ вся ученая Россія и Европа—въ видѣ признательной дани Вашему славному юбилею.

Съ сыновними чувствами глубокаго уваженія осталось навсегда
Вашего Сіятельства слуга и богомолецъ

священникъ *Левъ Паевскій.*

Отъ о. П. Пирлинга.

Madame! Veuillez me permettre de d閞avancer le jour, o la Soci t  d' Arch閑ologie vous pr sentera ses hommages, et de vous exprimer,  titre de membre de cette Soci t , mes sentiments d' admiration pour l' oeuvre grandiose  laquelle votre nom restera ins parablement attach . Une id e f conde Vous a servi de point de d part et vous avez eu le bonheur d' atteindre le but, que vous proposiez.

D sormais la science arch閑ologique est cr e en Russie, elle a des repr sentants d' un m rite incontestable, les travaux de la Soci t  en sont une preuve eloquente. Gr ce  vos efforts, Madame, l' amour et le culte du pass  p n trent dans les masses et c' est ainsi, ce me semble, que se r alise dans toute son ampleur la pens e inspiratrice de votre oeuvre. Car, si je ne me trompe, c' est bien l' âme du peuple, que Vous voulez atteindre, c' est l' attachement au sol natal, au clocher du village et aux monuments historiques que vous tâchez de developper. Pos  de cette mani re, le probl me arch閑ologique devient un probl me social, un l ment de bonheur pour tous et une condition de progr s.

Je regrette de ne pas pouvoir m' associer de plus pr s  vos remarquables travaux. Ma mission est plus modeste. Je cherche  faire connaître la Russie  l' etranger et  la faire appr cier  sa juste valeur. Les magnifiques editions de la Soci t , que je suis heureux et fier de posseder, me pr tent un coucours, que j' accepte avec une profonde reconnaissance.

Agr ez, Madame, l' hommage du respect tr s sinc re avec lequel j' ai l' honneur d'  tre Votre d vou  serviteur

Paul Pierling.

Отъ А. Покровского.

Въ тотъ день, когда вся наша научная семья, собранная Вами, сойдется, чтобы достойно почтить Ваши труды на пользу Россіи и ея науки,—позвольте и мнѣ принести Вамъ свои наилучшія, горячія пожеланія. Зная, цѣнія и уважая постоянное вниманіе Вашего Сіятельства къ занятіямъ Славянской Комиссіи, я спѣшу привѣтствовать Васъ, какъ одинъ изъ ея сочленовъ; привѣтствуя Васъ и отъ имени нашихъ старыхъ Печатныхъ палатъ, подъ сводами которыхъ Вы еще такъ недавно принимали самое близкое участіе въ достойномъ чествованіи нашего первопечатника; привѣтствуя Васъ и какъ одинъ изъ членовъ Археологического Общества, вскормленного Вашими заботами, привѣтствуя Васъ и какъ простой смертный, которому дорога русская старина и который находитъ у Васъ постоянный отзвукъ и сердечное, теплое отношеніе,—привѣтствуя и огорчаюсь, что лично не могу видѣть Васъ и сказать Вамъ русское „спасибо“.

Покорнѣйший слуга Вашего Сіятельства

А. Покровский.

Отъ Поляковыхъ.

Примите наше сердечное поздравленіе по случаю юбилея Вашей полезной дѣятельности, съ искреннимъ пожеланіемъ продолженія многополезныхъ Вашихъ трудовъ на многіе годы, на общую пользу.

Поляковы.

Отъ художника М. А. Розанова.

Высоко цѣнія необычайно полезныя заслуги Ваши въ области археологии, Ваши драгоценныя заботы о сохраненіи старинныхъ памятниковъ русского искусства, я считаю долгомъ привѣтствовать Васъ съ двадцатипятилетиемъ Вашей многополезной дѣятельности, какъ талантливаго предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологического Общества, и пожелать Вамъ побольше здоровья и силъ неустанно продолжать работать на пользу русской археологии и русского искусства!

Съ совершеннымъ почтеніемъ пребываю искренно преданный художникъ

Михаилъ Розановъ.

Отъ Н. А. и Л. М. Савеловыхъ.

Поздравляемъ Васъ съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ Вашей плодотворной работы во главѣ Московскаго Археологического Общества, такъ много сдѣлавшаго для исторической науки, желаемъ силь и здоровья на многіе годы.

Савеловы.

Отъ А. В. Селиванова.

Глубокоуважаемая графиня Прасковья Сергеевна! Позвольте мнѣ просить Васъ принять отъ меня поздравленіе съ двадцатипятилѣтіемъ предсѣдательствованія Вашего въ Археологическомъ Обществѣ. Отъ всей души желаю Вамъ еще много лѣтъ стоять во главѣ русскихъ археологовъ на пользу науки и счастье нашей дорогой родины. Извиняюсь за свое запоздалое поздравленіе. Причинаю тому моя болѣзнь. Скоро мѣсяцъ, какъ я нахожусь въ лечебницѣ и только теперь начинаю входить въ норму. Прошу Васъ принятьувѣреніе въ моемъ глубочайшемъ уваженіи и преданности. Вашъ покорный слуга

А. Селивановъ.

Отъ П. К. Симони.

Милостивая государыня, глубокоуважаемая графиня Прасковья Сергеевна! Позвольте покорнѣйше просить Ваше Сіятельство не отказать принять и отъ меня поздравленія Васъ съ исполняющимся 30-го сего апрѣля юбилеемъ Вашего предсѣдательства въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, основанномъ Вашимъ супругомъ, незабвеннымъ въ лѣтописяхъ нашей науки графомъ Алексѣемъ Сергеевичемъ,—Обществѣ, достигшемъ своего процвѣтанія уже подъ Вашимъ дальнѣйшимъ и непосредственнымъ руководствомъ и самомъ близкомъ и внимательномъ съ Вашей стороны благопопечений и неустранномъ трудѣ и заботѣ о преуспѣяніи и правильномъ ростѣ дорогого намъ Археологического Общества. Вы же такъ счастливо и усердно продолжаете завѣты графа Алексѣя Сергеевича по изученію восточныхъ и особенно кавказскихъ древностей; приходится только восхищаться Вашей кипучей энергией въ этихъ послѣднихъ изученіяхъ и радоваться, что Вы—наша соотечественница и наша радость.

Осчастливленный Вашимъ вниманіемъ въ разные моменты своей жизни, я не могу не пожелать и Вамъ, и дочерямъ Вашимъ, и дорогимъ помощницамъ, и всему Вашему семейству на много-много гря-

дущихъ годовъ добраго здоровья, процвѣтанія силъ, какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ, въ гармоническомъ сочетаніи и непремѣнномъ сопутствіи всевозможнаго счастья, радостей и благополучія на утѣшеніе и для славы русской науки и культурныхъ завѣтовъ!

Прошу у Васъ извиненія, что утружаю Васъ чтеніемъ этихъ безискусственно-пространныхъ строкъ; эти мысли въ лучшемъ изложеніи старшихъ членовъ Общества Вы, конечно, уже слышали сегодня, но простите мою рѣшимость и вѣрьте, что только самая искренняя воля подвигла меня писать Вамъ эти простыя мысли, которыя отъ восхищенія я выразилъ какъ только сумѣлъ въ первую минуту. Съ глубочайшимъ почтеніемъ, искреннимъ и высокимъуваженіемъ и душевнѣйшемъ преданностью имѣю честь быть Вашего Сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою и душевнѣйшимъ почитателемъ Вашихъ заслугъ и неустанныхъ трудовъ

Павелъ Симони.

Отъ А. Н. Соловьева.

Въ торжественный день двадцатипятилѣтія Вашего просвѣщенаго руководительства археологическими собраніями и изслѣдованіями прошу Васъ, глубокоуважаемая графиня, принять мое почтительное привѣтствіе и сердечная пожеланія полнаго преуспѣянія во всѣхъ Вашихъ трудахъ на пользу отечественной науки и непоколебимаго здравія на многіе годы.

Справщикъ Московской синодальной типографіи

Соловьевъ.

Отъ М. П. Степанова.

Примите мое душевное поздравленіе съ днемъ двадцатипятилѣтія Вашего предсѣдательства Московскімъ Археологическимъ Обществомъ. Какъ дорого должно быть Вамъ, глубокоочитаемая графиня Прасковья Сергеевна, сознаніе, что дѣло, начатое граffомъ Алексѣемъ Сергеевичемъ, такъ окрѣпло и процвѣло подъ Вашимъ руководствомъ! Помогай Богъ и впредь на многія и многія лѣта.

Михаилъ Степановъ.

Отъ И. Я. Стеллецкаго.

Привѣтствуя съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ высокоплодотворной дѣятельности на поприщѣ боевой науки археологіи.

И. Стеллецкій.

Отъ А. И. Стоянова.

Приношу искреннее поздравлениe въ день празднованія двадцатипятилѣтней дѣятельности Вашей на пользу отечественной археологии.

Стояновъ.

Отъ В. В. Суслова.

Ваше Сіятельство, глубокоуважаемая графиня Прасковья Сергѣевна! Земно преклоняюсь передъ Вашимъ двадцатипятилѣтнимъ славнымъ служенiemъ русской наукѣ. Ваша любовь, отзывчивость и несокрушимая энергія въ изученіи и охраненіи родной старины да будутъ свѣтлымъ примѣромъ для большинства привѣтствующихъ Васъ въ этотъ знаменательный день. Я счастливъ, что Вы отнынѣ членъ нашей Академіи Художествъ и вѣрю, что Ваше ревнивое участіе внесетъ новую живую струю въ нашу работу. Дай Богъ Вамъ долго, долго здравствовать и служить на благо и процвѣтаніе дорогой родины. Примите, Ваше Сіятельство, моеувѣреніе въ глубокомъ къ Вамъ уваженіи и искренней преданности.

В. Сусловъ.

Отъ И. А. Суслова.

Примите, незабвенная графиня, искреннее привѣтствіе съ знаменательнымъ днемъ Вашей жизни, всецѣло отданной Вами на служеніе науки.

Илья Сусловъ.

Отъ В. М. Сысоева.

Сердечно привѣтствуя Ваше Сіятельство въ день двадцатипятилѣтія предсѣдательства въ Обществѣ. Да даруетъ Вамъ Богъ силы трудиться на пользу науки многія лѣта!

Сысоевъ.

Отъ Е. П. Трифильева.

Горячо привѣтствуя высокоуважаемую графиню въ день двадцатипятилѣтія предсѣдательствованія въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ; сердечно желаю такой же неутомимой, богатой результатами, дѣятельности еще многіе годы.

Трифильевъ.

Отъ Н. И. Троицкаго.

Сердечно привѣтствую Ваше Сіятельство съ юбилеемъ доблестнаго энергичнаго труда на пользу отечественной науки, на славу ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества многая лѣта.

Дѣйствительный членъ Общества *Николай Троицкий.*

Отъ проф. Б. А. Тураева.

Примите и мои привѣтствія юбилейному дню Вашего славнаго служенія родной наукѣ.

Тураевъ.

Отъ Татариновыхъ.

Отъ московскихъ Татариновыхъ примите искреннія поздравленія и пожеланіе на многіе, многіе годы продолжать Вашу плодотворную дѣятельность.

Отъ И. Ф. Токмакова.

Милостивая государыня, графиня Прасковья Сергѣевна! Привѣтствуя Васъ въ настоящій знаменательный день двадцатипятилѣтія Вашего президентства въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, долгомъ считаю выразить Вашему Сіятельству чистосердчное пожеланіе еще на долгое время продолжать Ваше блестящее поприще.

Сердечно скорблю, что по нездоровью лишенъ высокой чести и удовольствія засвидѣтельствовать Вамъ на словахъ предъ Вами, какъ очевидцу, состоящему чл.-корреспондентомъ Общества въ теченіе 30-ти лѣтъ (я былъ избранъ еще 7 апрѣля 1880 года), до какой степени личныя Ваши свойства, какъ предсѣдательницы, благотворно способствовали съ любовью трудиться скромнымъ работникамъ по описанію археологическихъ памятниковъ не только Московской старины, но и по всей Россіи.

Препровождаю при семъ составленное мною „Краткое историко-статистическое и археологическое описание гор. Зубцова (Тверской губ.) съ уѣздомъ“, съ 16 рисунками, въ 2-хъ экземплярахъ, почтительнѣйше прося Ваше Сіятельство принять одинъ изъ таковыхъ для личной библіотеки Вашего Сіятельства, а другой соблаговолите передать

въ библіотеку нашего Общества. За симъ, поручая себя и впредь добромъ Вашего Сіятельства расположению, съ чувствомъ глубочайшаго къ Вамъ почтенія и совершенной преданности остаюсь Вашъ покорный слуга

И. Токмаковъ.

Отъ Тучковыхъ.

Позвольте и намъ, глубокоуважаемая графиня, привѣтствовать Васъ съ сегодняшнимъ знаменательнымъ днемъ; да пошлетъ Вамъ Господь здоровья и силь для продолженія Вашей плодотворной работы, влиающей столько свѣта и историческаго просвѣщенія въ древніе памятники нашей дорогой родины.

Тучковы.

Отъ проф. Г. А. Халатъянцъ.

Ваше Сіятельство, глубокоуважаемая Прасковья Сергѣевна!

Позвольте и мнѣ, изъ далекаго нѣмецкаго курорта Вильдунгена, куда вынужденъ бытъ я наспѣхъ выѣхать изъ Москвы на лечение,— присоединить свой слабый голосъ къ дружному хору привѣтствующихъ Ваше Сіятельство въ этотъ знаменательный день, 30-го апрѣля, по случаю исполнившагося четвертьѣкового служенія Вашего археологической наукѣ, въ качествѣ предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества и горячо пожелать Вамъ силъ и энергіи для продолженія столь же славнаго и плодотворнаго руководительства тѣмъ же Обществомъ на пользу русской и кавказской археологии.

Съ глубокимъ уваженіемъ и таковой же преданностью *Г. Халатъянцъ*, ординарный профессоръ, дѣйств. членъ Императ. Московск. Археол. О-ва.

Отъ А. Хвостова.

Привѣтствуя Васъ съ двадцатипятилѣтіемъ предсѣдательства; искренно желаю долгаго продолженія славнаго служенія по познанію родной старины.

Сенаторъ *Алексѣй Хвостовъ*.

Отъ проф. Т. Д. Флоринскаго.

Доброму генію русской науки глубокая признательность, сердечный привѣтъ и лучшія пожеланія.

Кievskій профессоръ *Флоринскій*.

Отъ В. В. Хвойка и С. А. Мазараки.

Примите поздравление съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ и пожеланіе еще многіе годы продолжать Вашу ученую дѣятельность на пользу отечественной археологии.

Хвойка. Мазараки.

Отъ Министра Народнаго Просвѣщенія проф.
А. Н. Шварца.

Примите сердечныя поздравленія съ юбилейнымъ днемъ Вашего долгаго служенія Россіи и наукѣ.

A. Шварцъ.

Отъ проф. Э. Р. фонъ-Штерна.

Примите и отъ меня наилучшія пожеланія по поводу Вашего юбилея; пусть Богъ хранитъ Васъ, мать-покровительницу всей нашей археологической семьи, на многія лѣта.

Штернъ.

Отъ кн. Эристова и Домерщикова.

Въ знаменательный день двадцатипятилѣтія Вашей дѣятельности въ качествѣ предсѣдательницы Археологического Общества шлемъ наши сердечныя поздравленія и пожеланія долгой, долгой еще работы на пользу отечественной археологии.

Эристовъ. Домерщиковъ.